

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

А.И.Тимошенко

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА
ФОРМИРОВАНИЯ И ЗАКРЕПЛЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ
В РАЙОНАХ НОВОГО ПРОМЫШЛЕННОГО ОСВОЕНИЯ
СИБИРИ В 1950–1980-е гг.: ПЛАНЫ И РЕАЛЬНОСТЬ.**

Ответственный редактор
доктор исторических наук С.С.Букин

НОВОСИБИРСК
Сибирское научное издательство
2009

ББК

Государственная политика формирования и закрепления населения в районах нового промышленного освоения Сибири в 1950–1980-е гг.: планы и реальность. Новосибирск: Сибирское научное издательство, 2009. 174с.

ISBN

В монографии представлены проблемы истории государственной политики по формированию и закреплению населения в районах нового промышленного освоения Сибири в 1950-1980-е гг., когда активно происходили процессы индустриализации и урбанизации, предопределившие коренные социально-экономические и демографические изменения в регионе. В Сибири во второй половине XX столетия реализовывались комплексные производственные и социальные программы мирового значения. Объективная оценка исторического опыта в этом отношении представляет большой интерес, как для пополнения научного знания, так и современной практики управления.

Книга рассчитана на учащихся, научных сотрудников, представителей различных сфер управления социальными и экономическими процессами и всех интересующихся отечественной историей.

Утверждено к печати
Ученым советом Института истории СО РАН

Р е ц е н з е н т ы
кандидат истор. наук *А.А. Долголюк*
доктор истор. наук *В.А. Исупов*
доктор филос. наук *Ю.В. Попков*

Монография подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 08-01-00508а «Государственная политика формирования и закрепления населения в районах нового индустриального освоения Сибири в XX – начале XXI вв.».

Издание осуществлено в рамках интеграционного проекта СО РАН № 8 «Становление индустриально-урбанистического общества в Урало-Сибирском регионе в XX столетии»

Без объявления

ISBN

© Институт истории СО РАН, 2009

Введение.

1950–1980-е гг. со всем основанием можно назвать периодом интенсивного промышленного и социального развития Сибирского региона, в котором осуществлялись масштабные программы национального значения, возводились крупнейшие в мире предприятия, строились новые города. Реализация Ангаро-Енисейского проекта в Восточной Сибири привела к образованию сразу нескольких крупных территориально-производственных комплексов (ТПК), в том числе в районах слабо вовлеченных в хозяйственную деятельность.

В 1960–1970-е гг. главным событием в Сибири стало формирование Западно-Сибирского нефтегазового комплекса, которое наиболее существенно за всю историю XX столетия изменило значимость региона как в хозяйственном комплексе страны, так и мировой экономике. В середине 1980-х гг. на его долю приходилось примерно 70 % всесоюзной добычи нефти и газа. Вначале центр добычи углеводородов сосредоточился на территории Среднего Приобья, затем он постепенно сдвигался дальше на север, на Ямал, где в 1970-е гг. началась разработка крупных газовых месторождений. Плотность населения здесь до начала промышленного строительства была в 5,5 раза ниже, чем в Западно-Сибирском регионе в целом и в 8,3 раза ниже, чем в среднем по РСФСР¹.

В 1970–1980-е гг. мощный импульс в развитии получили восточные и северо-восточные районы Сибири в связи с развертыванием строительства Байкало-Амурской магистрали. Здесь сразу же ставилась масштабная задача реализации планов хозяйственного освоения придорожной зоны, которая в силу своих суровых природных и климатических условий к концу XX в. имела ещё участки, не только не охваченные промышленным развитием, но и даже как следует не обжитые. Исследование процессов освоения Сибири в XX в. имеет не только российскую, но и мировую значимость, которая определяется необходимостью наиболее полного и объемного изучения исторического опыта обживания новых территорий во всех его проявлениях, особенно с точки зрения созидательной деятельности человека, его адаптации к непривычным условиям жизни и труда.

Понятие районов нового промышленного освоения (РНПО) появилось в экономико-географической литературе в 1970-е годы, ко-

гда в СССР активно разрабатывались проблемы научного обоснования государственной стратегии экономического развития на основе включения в народнохозяйственный оборот всё новых территорий и природных ресурсов страны. Под районами нового хозяйственного или промышленного (в данном случае это являлось синонимами) подразумевались слабообжитые и малоразвитые в промышленном и транспортном отношении территории, удаленные от экономических и культурных центров страны, но располагающие высокоценными природными ресурсами, разработка и использование которых с каждым годом становилось всё более необходимым для народного хозяйства, чтобы удовлетворить его постоянно возрастающие потребности в сырье, топливе и энергии.

Хозяйственное освоение новых районов в изучаемый нами период охватывало обширную зону СССР, в состав которой входили районы Европейского и Азиатского Севера, Средней Азии и Казахстана. Большая часть их находилась в Сибири и на Дальнем Востоке. Эти регионы во второй половине XX столетия имели самые высокие темпы социально-экономического развития не только в стране, но и в мире. Находясь в природно-климатических условиях не всегда благоприятных для жизни людей, РНПО имели исключительную важность и ценность для государственного развития, так как оказывали огромное влияние на развитие всего народнохозяйственного комплекса, на приращение экономического потенциала СССР, сохранения им статуса великой державы и решения многих социальных и политических проблем в стране.

Границы РНПО определялись несколько условно, так как они не относились к четко обозначенным административно-территориальным образованиям. РНПО в основном находились в северных районах или приравненных к ним. Экономическая география СССР к северным районам в Азиатской части страны относилась Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа, северные районы Томской области, северную часть Красноярского края, северные районы Иркутской, Читинской, Амурской, Сахалинской областей, Бурятской республики и Хабаровского края, целиком Магаданскую и Камчатскую области, Якутскую автономную республику.

Реализация крупных социально-экономических программ национального значения во второй половине XX столетия, в основном разворачивалась именно на этих территориях. Масштабное индуст-

риальное строительство в Ангаро-Енисейском регионе, формирование Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (ЗСНГК), транспортное и промышленное строительство в зоне БАМ было связано с освоением северных районов. Поэтому, когда мы говорим о РНПО, то часто идет речь о северных территориях страны или приравненных к ним. Кроме того, в Сибири в условиях её активного индустриального развития в XX в. понятие «района нового освоения» часто связывалось и с южными территориями региона. Например, в 1970–1980-е гг. активное промышленное строительство разворачивалось на юге Красноярского края, где происходило формирование Канско-Ачинского топливно-энергетического комплекса (КАТЭК), Саянского ТПК. На юге Западной Сибири на протяжении всего XX столетия шло поэтапное создание Кузнецкого территориально-производственного комплекса (Кузбасса), который и в начале XXI в. переживает новый этап своего развития.

Территориальные рамки нашего исследования находятся в основном в Сибири в тех административных границах с учетом экономического районирования, которые существовали в период изучения. Это площадь – более 10 млн. кв. км. Иногда освещение той или иной проблемы требовало выхода за эти рамки и включало Урал и Дальний Восток. Безусловно, учитывались изменения, происходившие в административном и экономико-географическом делении страны и региона, хотя эти факты на исторический анализ исследуемых проблем и основные выводы не оказывали существенного влияния.

В регионе в изучаемый нами период очень остро стояли вопросы не только привлечения населения, но и его закрепления и адаптации. Решались они в основном на государственном уровне. Государственная власть определяла главные механизмы формирования населения в регионе, направленность миграционных потоков из трудоизбыточных районов страны, а также влияла на их характерные особенности и результаты. При этом преследовались одновременно две цели: решение проблем формирования и закрепления населения в регионе и его хозяйственное освоение и обживание.

Государственная политика, представляющая собой определенным образом мотивируемую и организованную деятельность государства, в районах нового индустриального освоения Сибири имела свою специфику. В ходе индустриального строительства она развивалась в рамках двух основных направлений: производственно-экономичес-

кого и социально-демографического, которые тесно взаимоувязывались и взаимодействовали друг с другом. Исторический опыт практики в этом отношении имеет существенное значение в связи с тем, что современное и перспективное социально-экономическое развитие России зависит всё в большей степени от эффективности продвижения населения в северные и малоосвоенные человеком районы. Кроме того, Сибирский регион в настоящее время составляет большую часть Российского государства, около 2/3 всей его территории.

К социальным проблемам регионов в государственной политике СССР более пристальное внимание стало проявляться во второй половине 1950-х гг. Провозглашавшиеся в этот период в самых значительных партийных и государственных документах принципы: «Все – во имя человека», «Все – для блага человека» находили свое конкретное выражение в демографической политике государства, повышенных по сравнению с предыдущими историческими периодами в жизни СССР темпах жилищно-гражданского строительства, особенностью которого становился повсеместный переход на индустриальные методы. В этот период стала проявляться реальная забота советского правительства об улучшении качества торгового и культурного обслуживания населения СССР, в целом о повышении его уровня жизни.

Эти позитивные изменения в государственной политике в полной мере коснулись и районов нового индустриального строительства в Сибири, но практическая реализация разработанных планов оказалась достаточно сложной. В начальный период создания новых предприятий и поселений, вокруг них социальное строительство, как правило, велось одновременно с производственным, несколькими ведомствами, которые не всегда корректно распределяли финансовые и прочие материальные ресурсы. Приоритетное обеспечение получало производственное строительство, что значительно осложняло реализацию социальных программ, которые в Сибири требовали более значительных капитальных вложений, чем в центральных или южных районах страны. Например, только бытовое обустройство каждого новосела в начале 1980-х гг. по подсчетам ЦЭНИИ Госплана РСФСР в Западно-Сибирском экономическом районе, исключая северные территории, составляло 8,3 тыс. руб., в Восточно-Сибирском – 9,5, а в Дальневосточном – 18 тыс. руб., тогда как в Цен-

трально-Европейском эта сумма составляла 5 тыс. руб. В отдельных регионах Сибири эти расходы были ещё выше: в Среднем Приобье они составляли примерно 20 тыс. руб., на полуострове Ямал – более 40 тыс.²

Государственное управление стремилось выяснять и учитывать основные факторы успешного формирования и закрепления населения в Сибири для выполнения намеченных производственных задач. Однако проблемы не решались просто и однозначно. Успешно использовавшиеся государственными организациями прежние, преимущественно мобилизационные методы привлечения трудовых ресурсов, постепенно переставали работать. Возрастала роль экономических и социально-психологических стимулов для прибытия человека в Сибирь. В этой связи усиливалось значение научного прогнозирования в определении стратегической линии государственной политики.

Разработка особых социальных программ с помощью науки оказалась очень важной в деле освоения суровых в природно-климатическом отношении северных районов Сибири. Государственная политика здесь должна была решать проблемы формирования соответствующего для реализации своих планов населения. В условиях слабой заселенности в большинстве районов индустриальных строек, единственно возможным путем могла стать миграция населения из трудоизбыточных районов страны. Кроме того, в комплексе должна была решаться одновременно другая, не менее значимая и очень затратная проблема: создание буквально на пустом месте преимущественно городской среды обитания, соответствующей современным требованиям людей, формирования всего комплекса социальной инфраструктуры.

Важнейшей задачей государственной политики в складывающихся обстоятельствах являлось определение соотношений между необходимыми затратами на проведение мероприятий, связанных с привлечением населения в северные районы и возможными результатами. Вместе с тем, главной проблемой, ради решения которой происходило заселение северных территорий, оставалось создание высокоэффективных в экономическом смысле территориально-производственных комплексов и промышленных предприятий, освоение уникальных месторождений полезных ископаемых. Поэтому в первую очередь стояла задача формирования высокопроизводительных

трудовых коллективов. В то же время неизбежно росло население, создавались города и рабочие поселки, жители которых стремились к стабильной и благоустроенной семейной жизни.

Государственные организации вынуждены были адекватно реагировать на складывающиеся жизненные обстоятельства, не нарушая экономически и научно-технически выверенной производственной стратегии. В планировании и управлении необходимо было найти нужное соотношение. Следует отметить, что главная стратегическая линия государственной политики в процессе индустриального освоения Сибири в 1950–1980 гг. основывалась всё-таки на долгосрочном освоении и обживании сибирских территорий. Планы строительства крупных энергетических и промышленных объектов, обустройства месторождений полезных ископаемых, как правило, сопровождалась проектами создания новых городов и рабочих поселков, которые затем становились опорными пунктами дальнейшего освоения территории, центрами формирования новых экономических районов. И как результат государственной политики, происходил значительный рост населения Сибири в изучаемый нами период. По результатам Всесоюзных переписей населения в 1959–1989 гг. оно увеличилось почти на 10 млн. человек: с 22,5 до 32,1 млн. человек³.

Основную массу прироста, особенно городских жителей, дали районы интенсивного индустриального строительства. В Приангарье с началом сооружения Братской ГЭС и комплекса промышленных предприятий количество горожан выросло в несколько раз, построены новые города Братск, Усть-Илимск, Железногорск-Илимский. За 1965–1985 гг. в процессе формирования Западно-Сибирского нефтегазового комплекса на его территории возникло 16 новых городов и более 40 поселков городского типа. В 1970–1980 гг. прирост населения в Тюменской области был выше, чем в Алтайском крае, Новосибирской, Кемеровской, Томской и Омской областях вместе взятых. Особенно беспрецедентным за всю историю освоения Сибири был рост населения Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов, где происходило в этот период активное индустриальное строительство в связи с освоением крупнейших нефтегазовых месторождений.

В рамках идеологии изучаемого нами исторического периода РНПО обозначались не только как специфические территориальные образования и прибавка к экономическому потенциалу страны, но и

как определенный этап в её научно-техническом и технологическом развитии. В общественно-политической и научной литературе РНПО рассматривались одновременно и как свидетельство количественного роста производительных сил общества и как элементы качественного их развития, структурной перестройки народного хозяйства, как звенья научно-технической революции, которую неизбежно сопровождали такие общецивилизационные явления, как урбанизация, трансформации в структуре населения, его образе жизни и т.д.⁴

Поэтому в методологическом плане мы не обошлись без изучения всего комплекса государственной политики, касающейся РНПО, как их экономического, так и социально-демографического развития. Эта точка зрения основывается на структурном содержании государственной политики по отношению к РНПО в изучаемый нами период, когда рассматривались в единстве все аспекты и факторы их социально-экономического развития с учетом механизмов воздействия и направлений развития, а также последствий на ближайшую и отдаленную перспективу.

Приходилось учитывать, что процесс выработки и особенно реализации государственных решений находился под сильным влиянием отраслевых критериев советского планирования, традиционно сложившейся в советской централизованной системе управления практики преимущественно пообъектного экономического и научно-технического обоснования нового строительства, в котором решение социальных вопросов играло подчиненную роль. Соответственно строилась стратегия развития РНПО, в которой на первый план выдвигалась экономическая эффективность производства, задача максимального снижения затрат. Этим взглядам соответствовало стремление развития крупных сырьевых и энергоемких производств с минимумом затрат на развитие социальной инфраструктуры.

Государственная политика в основе своей имела две главные составляющие. С одной стороны, это была законодательная база и основные стратегические направления, содержащиеся в государственных документах, декларациях съездов и партийных пленумов, совместных решениях ЦК КПСС и СМ СССР и т.д. С другой стороны, в ней содержался одновременно и механизм проведения в жизнь политических решений, содержащий определение целей и задач, реализацию конкретных мероприятий через всю систему общественного устройства страны. Иными словами под государственной по-

литикой вполне можно понимать всемерную научную и юридическую проработку основных положений и концепций социального развития и одновременно практическую реализацию мероприятий, входящих в социальную стратегию и тактику государственных управленческих структур.

Единство всех звеньев и направлений деятельности государственных организаций определяло сущность государственной политики в РНПО Сибири, для которых всё это имело определяющее значение, так как они проектировались и создавались в рассматриваемый нами период сугубо в рамках государственной политики, характеризующейся в изучаемый нами период несколькими основными направлениями. Одно из них было связано с традиционными российскими принципами по отношению к восточным районам, оценивавшимися как главный ресурсный потенциал государства в развитии производительных сил. Другое рассматривало восточные районы, как важное и перспективное пространство для индустриального строительства, с которым связывался общественный прогресс и возможности социально-экономического развития СССР. Кроме того, промышленное строительство в Сибири позволяло получить наивысший эффект в результате реализации экономической стратегии приближения производства к источникам сырья и энергии, что было немаловажным для хозяйственного развития такой обширной страны, как СССР.

Отдельные аспекты темы формирования и закрепления населения в Сибири в процессе её активного промышленного освоения в той или иной степени получили освещение в многотомных трудах по истории региона и его рабочего класса, книгах о проблемах индустриализации и промышленного освоения. Имеются крупные публикации по социальным аспектам экономического развития, решению вопросов обеспечения индустриальныхстроек и предприятий трудовыми ресурсами. Возрастающая роль Сибири в социально-экономическом развитии страны в течение всего XX столетия определяла устойчивый интерес обществоведов к проблемам развития региона.

Процессы формирования и закрепления населения в районах нового индустриального освоения и роли государственной политики в этом направлении в той или иной степени отражались в трудах многих отечественных историков и экономистов. Одним из первых их

начал изучать академик Алексеев В.В. В своем двухтомном труде, посвященном электрификации Сибири, ещё в 1970-е гг. в условиях многих идеологических и политических запретов, он проанализировал социальные изменения, происходящие в связи с активным индустриальным строительством⁵.

В последствие под его руководством практически во всех РНПО Сибири были проведены историко-социологические обследования, результатом которых явился целый блок исторических работ: сборников научных статей и монографий, посвященных самым различным аспектам формирования и закрепления населения в районах индустриальных новостроек, а также вопросам, связанным со стабилизацией там производственных коллективов⁶.

В советское время темы, связанные с изучением населения, долгое время были закрытыми. Сведения о социально-экономическом развитии районов нового промышленного освоения, часто связанных с военно-оборонным производством, выдавались для очень ограниченного использования через так называемые первые отделы. Поэтому исследователи не могли их открыто публиковать, что, безусловно, связывало научно-историческое изучение РНПО Сибири. Большинство работ историков было связано с партийным руководством индустриальным строительством в РНПО Сибири. В монографиях Зыкова А.Н., Лукьяненко В.И., Погребенко А.Е., Шилова Н.С., Рабецкой З.И. и др. на основе значительного массива фактического материала освещались социальные проблемы индустриальных строек, промышленных предприятий, воздействия развития научно-технического прогресса на изменения в численности и составе кадров и населения РНПО.

В конце 1970-х – начале 1980-х гг. появилось сразу несколько исторических исследований, связанных с изучением социальных последствий индустриального освоения Сибири. Среди них наиболее крупные монографии Алексеева В.В., Ефимкина М.М., Комогорцева И.И., Макиевского Г.М., Московского А.С., в которых проблемы формирования индустриальных кадров рассматривались в качестве основных.

Большой интерес представляют работы, посвященные истории разработки и реализации крупнейших народнохозяйственных программ в Сибири. Работы Долголюка А.А., Муравьевой Л.И., Цыкунова Г.А., Ступина П.П. и др. посвящены истории решения Ангаро-

Енисейской программы. Работы Власова Г.П. – программе БАМ. О формировании ЗСНГК писали Пашков Н.М., Карпов В.П., Гаврилова Н.Ю., Куксанова Н.В., Логунов Е.В. и др. Данные работы ценны для нас тем, что они значительное место уделили изучению социальных проблем, в том числе формированию и закреплению населения в РНПО Сибири. Они внесли вклад не только в приращение исторического знания в этом направлении, но и в разработку методологии и историографии интересующих нас проблем.

Вопросы социальной государственной политики оставались слабоизученными в условиях многих идеологических и политических запретов. Они не получили полного освещения и в последующие годы как в отечественной, так и зарубежной литературе. Между тем, интерес к этим сложным и многофакторным явлениям необычайно велик. Многие зарубежные обществоведы в условиях недостаточности эмпирической базы данных по России, стремятся к изучению их и не всегда успешно. В книге американских сибиреведов Фионы Хилл и Клиффорда Гэдди – сотрудников Института Брукингса в Вашингтоне «Сибирское бремя. Просчеты советского планирования и будущее России». (М., 2007, пер. с англ.) российский опыт освоения и обживания Сибири в XX столетии оценен как негативный, вообще движение россиян на восток признано крайне нерациональным как в экономическом смысле, так и социальном. По мнению авторов, особенно много ошибок совершило Советское правительство, осуществляя в широких масштабах индустриализацию в регионе, строительство городов по всей его территории, в том числе и в самых северных холодных районах, где производство и обеспечение жизни населения обходится гораздо дороже, чем в южных и западных. И теперь затраты тяжелым бременем ложатся на все общество, что совершенно неприемлемо в современных условиях при переходе к рыночной экономике. Чтобы исправить данную ситуацию, прежний опыт рекомендуется забыть как ошибочный, сибирякам по возможности покинуть свои северные холодные города, а индустриальное производство, разработку полезных ископаемых значительно сократить как не рентабельное и затратное занятие. В общем, прошлое воспринимать как кошмарный сон, навешанный Госпланом и прочими государственными организациями и учреждениями, которые помогали ему вырабатывать такую «неправильную» стратегию освоения Сибири.

На наш взгляд, трудно согласиться с подобными выводами и советами. Освоение Сибири, достижения в её индустриализации и урбанизации в XX столетии – предмет нашей национальной гордости. Поэтому объективное изучение всех процессов с этим связанных представляется нам чрезвычайно актуальным. Тем более, что современное состояние исследования этой важной и многоаспектной темы, свидетельствует, что она нуждается в более глубоком и всестороннем ретроспективном рассмотрении.

Историкам необходимо изучить, как и в каких пропорциях происходили процессы формирования и закрепления населения в условиях активного индустриального строительства в Сибири, какие использовались методы и формы, какова была их социальная оправданность. Задача исследования на наш взгляд должна состоять в изучении и анализе самых различных направлений государственной политики и практики освоения и обживания сибирского региона, как поэтапного её развития, так и конкретного содержания и состава мероприятий, проводимых в каждый определенный исторический период. Важно также изучение роли объективных и субъективных факторов, оказавших наибольшее положительное и отрицательное влияние на процессы заселения и обживания Сибирского региона, повышение его значимости в общероссийском и мировом развитии.

Одной из важных научных задач представляется изучение эволюции государственной политики в связи с изменениями как внутренних, так и внешних мировых условий и взаимоотношений между странами и народами. Поэтому важно анализировать политику государства в регионе, изменение роли государственных организаций в планировании и управлении процессами заселения и хозяйственного освоения Сибири в различные исторические периоды в контексте с общегосударственным развитием. В тоже время важно отметить и региональную специфику.

На наш взгляд наиболее весомые научные результаты возможно получить путем синтеза двух направлений исторической науки: социально-экономической истории и исторической демографии, что позволит сформировать новое концептуальное видение социально-экономических и социально-демографических процессов. Важным также может быть изучение национального исторического опыта в сравнении с зарубежной практикой освоения новых территорий на севере США, в Канаде, Австралии, скандинавских странах. Новым

элементом такого анализа может стать историко-демографическое исследование социально-экономических процессов, происходящих в условиях интенсивного индустриального освоения, когда становится крайне необходимым усиление роли государственной политики и её социальной эффективности.

Продуктивным представляется изучение развития государственной политики по формированию и закреплению населения в районах нового индустриального освоения Сибири в рамках парадигмы мирового модернизационного процесса, сутью которого стал переход от традиционного преимущественно аграрного общества к современному индустриально-урбанистическому. В районах нового индустриального освоения Сибири данные процессы имели свою оригинальную специфику. Поэтому они должны рассматриваться и анализироваться системно и комплексно с учетом всемерного взаимодействия и взаимовлияния. Возможно широкое использование количественных и качественных методов, применяемых в исторической науке, а также корреляционного и факторного анализа. Необходимо показать, что государственная политика исторически развивалась как стадийный и закономерный процесс от более простых и локальных решений к более сложным и масштабным. В результате это приводило порой к необратимым и, при всей их противоречивости, в целом прогрессивным явлениям, происходившим в регионе, которые всё же, несмотря на их постоянное критическое рассмотрение в обществе, находятся в рамках общецивилизационного развития.

При изучении темы нами использовался широкий круг источников. Большую ценность представляли партийные и правительственные решения и документы. Несмотря на некоторую декларативность они дают представление о развитии государственной политики в СССР вообще и о проблемах формирования и закрепления населения в районах нового индустриального освоения в Сибири. Как в опубликованных, так и неопубликованных материалах содержатся сведения, которые дают возможность проследить эволюцию государственной политики, её этапы и тенденции на протяжении всего исследуемого исторического периода.

Вторую группу источников составляют разработки научных и проектных организаций, которые позволяют изучить и обобщить опыт подготовки и реализации государственных социальных программ в районах индустриального строительства Сибири. Особый

интерес представляют труды экономистов и социологов, которые, решая свои задачи, создали своеобразные источники для историков. Экономическое моделирование и расчеты в пространстве и во времени, социологические исследования, регулярно проводившиеся в районах нового индустриального освоения Сибири в 1950–1980-е гг., вполне могут служить историческими источниками, свидетельствующими о том, как происходили сложные и опосредованные процессы формирования и закрепления населения, как менялись намерения и установки людей в процессе жизни их в новых индустриальных поселениях, как эволюционировали их жизненные интересы и ценности. Своеобразным историческим источником явились данные различных социологических обследований населения в РНПО Сибири, проводимые в различные годы. В том числе и автором данной работы при участии в составе группы сотрудников Института истории, филологии и философии СО АН СССР в 1978–1982 гг. Результаты социологических исследований, проведенных в РНПО Сибири в различные годы, существенно дополнили источниковую базу нашего исследования. Они при сравнении позволили оценить результаты в значительном хронологическом диапазоне и увидеть направления исторических процессов, сделать определенные выводы об их тенденциях и особенностях.

Третью группу источников составили документы производственной деятельности самых различных организаций и учреждений, находящихся в районах нового индустриального освоения, которые, особенно в начальный период строительства предприятий и поселений, выполняли роль не только организаторов производства, но и всей жизнедеятельности населения РНПО. Крупные строительные организации зачастую брали на себя роль государственных органов управления. К сожалению, многое из производственной документации не подлежало сдаче в государственные архивные хранилища. Ценнейшие с точки зрения информации сводки, справки, аналитические обзоры кадровых и социальных служб, социальные паспорта предприятий, как правило, хранились в текущих архивах предприятий и учреждений и не относились к документам постоянного хранения. Некоторые из них уже безвозвратно утрачены. Вместе с тем в них могли содержаться уникальные сведения исторически достоверные и отражающие взгляды реальных участников событий, их подходы и отношение к анализируемым и решаемым проблемам,

связанным с формированием и закреплением населения в Сибири в условиях её активного индустриального освоения.

Интересные аспекты истории освещают фонды местных государственных управленческих организаций, хранящиеся, как правило, в региональных архивах. Это документы Советов депутатов трудящихся, плановых и статистических органов, отражающих как общие социально-экономические проблемы хозяйственного освоения того или иного сибирского региона, так и конкретные, связанные с населением, его формированием, проблемами жизнедеятельности и адаптации к условиям индустриального строительства и производства. Ценным источником служила периодическая печать: газеты, журналы, центральные и региональные, а также многотиражные издания, выпускавшиеся крупными предприятиями и главками. В совокупности разнообразные источники были достаточными для ретроспективного изучения обозначенной темы.

Монография состоит из шести глав, в которых поэтапно рассматривается поступательный процесс формирования и закрепления населения в районах нового промышленного освоения в 1950–1980-е гг. на фоне происходивших социально-экономических и политических изменений в СССР. Государственная политика рассматривается как с точки зрения позитивных достижений, приведших к созданию в Сибири не только производственного, но и социального потенциала страны, но и негативных последствий, осложнивших жизнь человека в регионе.

Глава I. Преемственность государственной политики и хозяйственного освоения Сибири в XX в.

Государство в российской истории традиционно играло определяющую роль в социально-экономической и политической жизни страны, подготавливало и проводило все коренные реформы и преобразования в обществе. Особенно ярко данные обстоятельства проявились в XX в., когда в процессе модернизационных изменений значительно активизировались процессы развития производительных сил страны, усилились миграции людей в связи с продвижением во всё более новые районы с целью их обживания и освоения. Это непосредственно относилось к Сибирскому региону. Здесь с начала XX столетия произошёл значительный рост населения. В процессе аграрного переселения, индустриализации и урбанизации осваивались и обживались малонаселенные ранее территории, в том числе и в суровых в природно-климатическом отношении районах, отдаленных от экономических и социокультурных центров.

Ещё в пореформенный период и, особенно в конце XIX в., в государственной политике проблемы заселения и хозяйственного освоения районов России восточнее Урала стали рассматриваться всё более пристально. Вначале в основном с точки зрения крестьянского переселения и развития сельскохозяйственного производства, затем стали возникать и иные идеи. Особенно этому способствовало строительство Транссибирской магистрали. С развитием транспортных коммуникаций и политических устремлений российского правительства на восток постепенно сформировалась государственная система поддержки и организации переселений в восточные районы с целью их хозяйственного развития и формирования здесь военно-стратегического потенциала государства. Переселенческая политика царского правительства в конце XIX – начале XX вв. преследовала сразу несколько важных целей: расширяла общий государственный земельный фонд и способствовала более масштабному, чем ранее заселению и хозяйственному освоению новых земель Азиатской России. Последнее усиливало экономическую мощь всего российского государства, укрепляло его геополитическое и стратегическое положение на востоке страны, преследовало цели закрепления за

Россией дальневосточных окраин, куда в большом количестве шло самостоятельное переселение китайских, корейских, японских граждан.

Аграрная политика и переселение в Сибирь и на Дальний Восток в этот период как бы слились в единое целое и дали важнейший исторический результат – освоение и заселение ранее малолюдных окраин государства, что вызвало крупные изменения в развитии здесь производительных сил, росте населения и активизации его хозяйственной деятельности.

Сдвиг в сторону восточных районов, определившийся концептуально и практически в политике российского государства с конца XIX в., стал важнейшим направлением стратегии экономического развития страны на весь XX век вне зависимости от смены систем её политического и государственного устройства. Преимуществом являлась определенной исторической закономерностью и экономической необходимостью. Особенности геополитического устройства России определили большую значимость Сибири для развития и процветания страны. Особенно она возросла в XX в., когда сила и мощь отдельных государств в мире стали оцениваться по наличию их природных ресурсов и в связи с этим экономических возможностей.

Политическая значимость государств в XX столетии очень сильно зависела от того, в какой степени они могли развиваться самостоятельно, быть самодостаточной экономической системой, позволяющей в любой момент опираться исключительно на собственные ресурсы и закономерности развития. Эта мировая ситуация высоко поднимала роль восточных районов России, ресурсный потенциал которых позволял стране соответствовать данным требованиям и параметрам, долгие годы сохранять статус великой державы. Поэтому именно в этот период на самом высоком государственном уровне ставились вопросы экономического освоения и заселения восточных территорий.

Впервые конкретные проекты развития производительных сил Сибири заинтересовали государственные организации в годы Первой мировой войны, которая потребовала от государств – участников тотальной милитаризации экономики, увеличения объемов производства, использования все больших сырьевых и прочих материальных ресурсов в условиях резко сократившихся возможностей внешне-экономических отношений. Развитие производительных сил восточ-

ных регионов России, в том числе Сибири, приобрело особый интерес. Сибирский регион в государственной стратегии в этот период рассматривался как реальная база для развития угледобывающей и металлургической отраслей, составлявших основу военной промышленности. Здесь строились планы создания целых комплексов военно-промышленных производств. Наиболее подготовленным к индустриальному строительству считался кузнецкий район, в котором ещё до войны усилием частного капитала предпринимались попытки начать строительство крупного угольно-металлургического центра. Государственное управление в годы войны поддержало эту идею и готово было оказывать всяческое содействие её реализации.

По заданиям Военно-промышленного комитета и организованной в 1915 г. при Академии наук Комиссии по изучению производительных сил в Сибири в этот период активно изучались энергетические и прочие природные ресурсы для составления Всероссийской энергетической карты, Геологической карты полезных ископаемых, намечались экспедиции в малоизученные тундровые и таёжные районы, которые, по мнению специалистов, представляли большой интерес с точки зрения их перспективного хозяйственного освоения. Все планы не удалось осуществить в намеченные сроки, повлияла смена власти в стране и связанные с данными процессами политические коллизии.

Однако, советское правительство уже в начале 1920-х гг. проявляет большой интерес к развитию производительных сил Сибири. С организацией Госплана в 1921 г. и созданием затем системы плановых и управленческих организаций стали составляться перспективные планы социально-экономического развития всех районов страны. Советская власть унаследовала от прежнего правительства не только научно-технические и экономические разработки и специалистов, но и многие идеи хозяйственного освоения различных регионов.

Сибирь по-прежнему оценивалась как важнейший военно-политический и экономический резерв страны. Её перспективы связывались исключительно с индустриализацией и реализацией соответствующих научно-технических проектов во всех отраслях экономики. В советских планах хозяйственного развития того или иного района на первом месте намечалось его предварительное комплексное изучение с точки зрения природных, экономических и прочих возможностей.

Учитывая обширность сибирской территории и ограниченность возможностей государства в экономической политике в первые годы советской власти был принят на вооружение, прозвучавший ещё в дореволюционные годы, принцип «очагового» развития экономики Сибири, который предусматривал реализацию какого-то одного хозяйственного проекта в определенном районе. Например, разработку угольных и рудных месторождений в Кузбассе, планировавшуюся уже не одно десятилетие.

Вторая важная идея, унаследованная в советских планах, была связана с необходимостью активного транспортного, особенно железнодорожного строительства в регионе, которое само по себе уже играло пионерную освоительскую роль на новых территориях.

Третья идея заключалась в государственной организации миграций населения в Сибирь, в разработке специфической для региона демографической политики. В целом советские государственные организации в своих хозяйственных и социальных программах стремились рационально использовать опыт, накопленный предшественниками.

Вместе с тем, преемственность идей сопровождалась иными способами и методами их реализации. Советское правительство отказалось от привлечения в хозяйственное развитие Сибири иностранных инвестиций, выбрало автаркический способ управления экономическим развитием, что привело в конечном итоге к известному перенапряжению сил при реализации государственных социально-экономических программ, а также к появлению специфических форм и методов руководства экономикой.

Успех в хозяйственной деятельности обеспечивался главным образом централизованной системой государственного администрирования и политического нажима в условиях директивного планирования и жесткого государственного управления. Исторический опыт показал, что мобилизационные методы, несмотря на значительную критику в их адрес, могут эффективно работать в чрезвычайных обстоятельствах. Именно с помощью их были заложены индустриальные основы советской экономики, подтвердившей свою мощь и состоятельность в годы Великой Отечественной войны, да и в послевоенный период. Затем потребовался пересмотр и серьёзная коррекция политического курса. К сожалению, на практике данные процессы происходили достаточно противоречиво и не всегда при-

водили к желаемым результатам, что отражалось на социально-экономическом развитии страны и конкретных регионов. В целом советская государственная политика сохранила преемственность по отношению к Сибири как важному ресурсному региону страны.

В 1930–1940-е гг. индустриальное развитие Азиатской части СССР приобрело ярко выраженную военно-оборонную направленность. В решениях XVII съезда ВКП(б) в 1934 г. отмечалось большое значение развития на Урале и в Сибири базовых отраслей индустрии: угольной, металлургической, тяжелого машиностроения. Планировалось, что только Урало-Кузнецкий комбинат к 1937г. должен дать 1/3 продукции черной металлургии в стране, более 1/4 угледобычи, 1/6 производства электроэнергии и 10 % продукции машиностроения⁷.

31 января 1938 г. при Комитете Оборона СССР была создана военно-промышленная комиссия, в задачу которой входила мобилизация не только военной, но и всей промышленности для производства самых новейших средств вооружения и обеспечения армии. Одним из направлений работы нового государственного учреждения стала организация предприятий – дублеров европейской промышленности в восточных районах страны. Данные намерения развивали идеи создания на востоке тыловых укрепрайонов с мощными комплексами военно-оборонных производств, которые вынашивались еще в начале XX столетия царским правительством. Однако реализовать их в тот период не удалось. Теперь решение Урало-Кузнецкой проблемы, создавшее базовые отрасли для многих военных производств, позволяло планировать и строить предприятия оборонной промышленности.

В годы третьей пятилетки с началом Второй мировой войны форсированное строительство авиационных и танковых заводов, предприятий по производству боеприпасов, артиллерийского оборудования развернулось на Урале и в Западной Сибири. Отдельные предприятия создавались в Красноярске, Иркутске, Хабаровске, Владивостоке. Последующие события показали, что решение о создании мощной оборонной промышленности в Азиатской части страны было стратегически верным и своевременным, хотя, по мнению многих современных историков и политиков, несколько запоздалым. Не все имеющиеся проекты удалось реализовать к началу Великой Отечественной войны, но военно-оборонный потенциал СССР значитель-

но вырос. За 1939–1941 гг. расходы на оборону в государственном бюджете увеличились с 18,6 % до 32,6⁸.

Особый интерес в стратегических устремлениях советского правительства в предвоенные годы вызывала Западная Сибирь, которая к концу 1930-х гг. имела уже развитую транспортную и промышленную инфраструктуру, необходимые природные, социальные и экономические ресурсы для создания здесь военно-оборонных производств. Великая Отечественная война оказалась мощнейшим фактором реализации намеченных планов. С первых же дней ее в июне – июле 1941 г. началась мобилизация и перестройка всех сибирских предприятий на выпуск военной продукции. Одной из главных задач Государственного Комитета Обороны (ГКО) стала организация крепкого организованного тыла в восточных районах страны. Тыловыми районами были обозначены Поволжье, Казахстан, Средняя Азия, Урал, Западная Сибирь и Красноярский край. Здесь уже в августе 1941 г. был разработан подробный военный народно-хозяйственный план, в котором определялись основные направления перестройки и развития экономики. В условиях временной потери западных районов, где находились многие жизненно важные экономические центры, ГКО наметил курс на превращение восточных районов страны в основную военно-экономическую базу. Сюда эвакуировались крупнейшие оборонные заводы, предусматривались неотложные меры по развитию отраслей тяжелой и оборонной промышленности.

Для усиления пропускной способности железных дорог планировались расширение ряда узлов и станций, реконструкция существующих и прокладка вторых путей на направлении Киров–Пермь–Свердловск–Тюмень–Омск. В важнейшие экономические районы Сибири были направлены уполномоченные ГКО и Госплана СССР. Так, уполномоченным ГКО по центральной промышленной области Сибири – Новосибирской, включающей в годы войны современные территории Кемеровской, Новосибирской и Томской областей, был утвержден первый секретарь Новосибирского обкома ВКП(б) М.В. Кулагин⁹.

В пользу военной промышленности перераспределялись все финансовые, трудовые и прочие материальные ресурсы. Военное производство также находило и моральную поддержку как у властей, так и в обществе. Предприятия, производящие военную продукцию,

в первую очередь получали все необходимое, быстро наращивали объемы производства, добиваясь высоких результатов.

Годы Великой Отечественной войны наложили особый отпечаток на процессы индустриализации восточных районов страны. К осени 1942 г. на Урал прибыло 830 предприятий, в Сибирь – более 400. С одной стороны, они увеличили промышленный потенциал региона, а с другой, превратили его в кузницу оружия, что затормозило прогрессивное социально-экономическое развитие. Промышленные предприятия были вынуждены работать в условиях сокращения капиталовложений, материально-технических ресурсов, численности рабочих и служащих. Вместе с тем неуклонно рос выпуск военной продукции. В структуре промышленного производства приоритетные позиции заняли отрасли, формировавшие фонд военного потребления. В 1942 г. Сибирь давала около 1/3 общесоюзного производства чугуна, свыше 1/4 стали и проката, почти 1/2 кокса и 1/3 марганца. За счет Урало-Кузнецкого комбината СССР к 1943 г. превзошел Германию по производству качественного металла, что послужило залогом победы в войне. Сибирь в большом количестве поставляла не только черные, но и цветные металлы, особенно после пуска Норильского промышленного комплекса, Новокузнецкого алюминиевого и ферросплавного заводов.

В период Великой Отечественной войны восточные районы страны превратились в крупнейший арсенал страны, который получил свое дальнейшее развитие и в послевоенные годы, когда руководство СССР в условиях «холодной войны» приняло решение о необходимости создания здесь новых отраслей военно-оборонной промышленности: атомной, ракетно-космической, электронной, производящих новейшие виды вооружения, в т. ч. реактивную и ракетную технику.

В послевоенные годы в индустриальном развитии восточных районов наибольший акцент был сделан на развитие электроэнергетики как гидравлической, так и тепловой, на базе которой планировалось формирование целых комплексов энергоемких производств. Главные государственные организационные решения в этом направлении, приведшие к значительным результатам, приняты в 1950-е гг. Наиболее концентрированно они представлены в директивах XX съезда КПСС., которые определяли в ближайшем времени развернуть строительство крупнейших теплоэлектростанций и ГЭС в Си-

бири, «ввести в действие на Ангаре Иркутской ГЭС мощностью 660 тыс. киловатт, первой очереди Братской ГЭС, полная мощность которой составит 3 млн. 200 тыс. киловатт, Новосибирской ГЭС на Оби мощностью 400 тыс. киловатт. Приступить к строительству Красноярской ГЭС на Енисее мощностью 3 млн. 200 тыс. киловатт и Каменской ГЭС на Оби мощностью 500 тыс. киловатт»¹⁰.

Практически все выше названные решения XX съезда КПСС были претворены в жизнь. Активное энергетическое строительство в Сибири сопровождалось созданием новых энергоемких производств и целых территориально-производственных комплексов и объединений, что отражалось в реализации последующих государственных программ экономического развития, которые дополнялись и видоизменялись в соответствии с вызовами времени, модернизировались в связи с новыми знаниями и обстоятельствами. Так, в 1960–1970-е гг. после открытия крупнейших не только в стране, но и в мире нефтегазовых месторождений на севере Западной Сибири, началось «незапланированное» создание здесь нефтегазового комплекса.

В 1970-х гг. советское правительство, вынужденное внешнеполитической обстановкой на восточных рубежах, приняло решение о форсированном строительстве Байкало-Амурской магистрали и хозяйственном освоении ее придорожной зоны, которая в силу своих суровых природных и климатических условий имела ещё во второй половине XX столетия участки не только не охваченные промышленным освоением, но и как следует не обжитые, в то же время имеющие огромное геополитическое и военно-стратегическое значение для всей страны.

В общем курсе социально-экономической стратегии СССР Сибирский регион рассматривался по-прежнему, как и сто лет назад, как стратегический и экономический резерв государственного развития. Вместе с тем, в послевоенные годы стали в большей степени реализовываться механизмы регионального развития. Наиболее эффективно они действовали в период учреждения совнархозов во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг. В рамках деклариовавшегося в государственной политике стремления к большей равномерности территориального развития СССР восточным районам стали задаваться дополнительные импульсы для опережающего развития. Для РНПО Сибири в государственном планировании намечались дополнитель-

ное финансирование и государственная поддержка на многих направлениях социально-экономического развития.

Данная тенденция не утратилась после ликвидации совнархозов и перехода снова к управлению через министерства и ведомства. С конца 1960-х гг. начала увеличиваться роль научных учреждений, в первую очередь сибирских академических, в управлении социально-экономическим развитием Азиатской части страны. Трудно сказать, в какой степени учитывались научные расчеты и рекомендации ученых, насколько они использовались в государственной политике, но неоспоримым фактом является то, что с этого времени практически ни одно из хозяйственных решений правительства не обходилось без проведения достаточно обширных научных исследований.

Необходимость преемственности государственной политики в Российской империи и затем в СССР объяснялась объективными обстоятельствами, которые в значительной степени определялись особенностями исторического пути России, как постоянно колонизирующегося и расширяющегося в пространстве государства. Эти особенности порождали и специфическую структуру власти, которая, с одной стороны, выстраивала жесткую централизованную вертикаль управления страной, а с другой – развивала и горизонтальные структуры, способствующие территориальному развитию столь обширного государства, к тому же населенного многими нациями и народностями с различным религиозным мировоззрениями и глубокими национальными традициями.

В основе преемственности структурной организации государственной власти в России находился пространственный фактор. Он отмечался Ключевским В.О., сохраняет своё значение и до настоящего времени. Россия – самая большая по территории страна в мире. Она находится в центре двух континентов, в самой северной их части, обладает не только пространственным ресурсом, но и разнообразными природными богатствами. С переходом на индустриальные и постиндустриальные технологии Россия до сих пор не исчерпала свои экстенсивные возможности социального и экономического развития.

Пространственная структура власти в России выстраивалась вначале исходя из монархических традиций государства с аграрной экономикой. Затем с отменой крепостного права и развитием рыночных отношений появилась потребность в усилении демократических

начал власти. Появились земства – русская форма местного управления, которые могли сыграть роль горизонтальных управленческих структур. Они отстаивали региональные интересы и являлись связующим звеном между центральной и региональной ветвями власти. Однако, события Первой мировой войны не позволили развернуться деятельности этих государственных организаций в полной мере. Война потребовала усиления централизованного начала в государственной политике¹¹.

В первые годы советской власти была попытка унаследовать российскую довоенную пространственную структуру власти и хозяйственного управления, приспособить её для нужд новой системы административно-территориального и экономического районирования страны. Однако вскоре от этих идей пришлось отказаться, так как существующая в дореволюционной России структура власти могла эффективно работать лишь в условиях рыночной экономики. Она не давала возможности в короткие сроки мобилизовывать общество для решения крупных общенациональных проблем. Поэтому в советской системе государственной власти были унаследованы лишь элементы централизации государственного управления. Новым механизмом реализации государственных решения стала выступать не монархия, а власть одной партии, в данном случае ВКП(б) – КПСС.

С точки зрения централизованной организации государственного управления мало, что изменилось. Более того, она в условиях национализированной экономики и всеобщего контроля и планирования стала ещё более четко выраженной. В советской общественной системе стало принятым откровенное и прямое воздействие государственных организаций на трудовые коллективы предприятий и организаций. В министерствах и ведомствах разрабатывались планы производственного развития, в которых решение социальных проблем рассматривалось как один из факторов развития производства. Государство осуществляло прямое управление производством всех товаров и услуг. Государственные организации Госплан, Госснаб, отраслевые министерства и ведомства учитывали и распределяли всевозможные ресурсы общества, в том числе и трудовые. Эта идеология напрямую определяла решение социальных проблем в СССР, качество жизни граждан.

Советская система государственной власти, построенная по принципу централизации, позволяла достаточно эффективно выполнять социальную распределительную функцию государства – выравнивать условия жизни населения вне зависимости от экономического потенциала территорий его проживания. Социально-экономическое управление в стране осуществлялось через административную вертикаль: органы государственной власти – министерства – ведомства – предприятия. В общем государственном управлении первой ступенью являлись партийные органы, второй советские. Советское правительство, унаследовав основные принципы российского централизованного государственного управления, модифицировало их и приспособило к изменившимся экономическим и политическим условиям. В то же время создало и нечто своё специфическое: советские выборные органы, системы подчинения и лидерства, приоритеты вождей и т.д. Это всё вместе взятое позволило сформировать более сильное вертикальное управление страной, чем горизонтальное.

Советское правительство унаследовало и основные принципы государственного управления геополитическим развитием, в котором главными направлениями были военно-стратегические цели и укрепление внешних границ с соседними государствами. Под влиянием внешнеполитических обстоятельств: постоянных международных споров и разногласий повышение обороноспособности СССР стало главным стратегическим направлением в государственной политике СССР, которое успешнее всего реализовывалось в условиях сильной централизованной власти.

Хозяйственное освоение и социально-демографическое развитие Сибири позволяло успешно решать государственному управлению СССР как внутренние проблемы страны, так и внешние. Неуклонный рост экономического потенциала сибирского региона в XX столетии позволял преодолевать в стране топливно-энергетические и сырьевые проблемы, увеличивать обороноспособность, развивать новые отрасли хозяйства и производства, заселять всё новые пространства, создавать на ранее необжитых территориях современные формы жизни населения.

В целом, в советский период в обживании и хозяйственном освоении районов России восточнее Урала получены значительные результаты. Только за 1939–1989 гг. население Сибири и Дальнего Востока увеличилось более чем в два раза – с 15,6 до 32,1 млн. чел.

Почти в 5 раз выросло число городских жителей. В совершенно необжитых и неосвоенных хозяйственной деятельностью человека районах построены новые современные города. В конце 1980-х гг. горожане составляли в регионе долю более 70 процентов, что было выше средних общероссийских показателей. Сибирь обеспечивала в стране практически весь прирост в добыче нефти и газа, угля, производила значительную долю продукции черной и цветной металлургии, химии и нефтехимии, глубокой переработки древесины.

Несмотря на значительный спад производства в 1990-е гг., в Сибири сохранялись высокие темпы работы ее основных промышленных отраслей, связанных с добычей и переработкой природных ресурсов. Так, в 1993 г. Сибирь обеспечивала 25 % первичного производства золота в стране, Республика Саха (Якутия) добывала до 90 % алмазов России, что составляло 11–13 % их мировой добычи. На Сибирь приходилось 99 % российского экспорта газа, 98 % – нефти, 85 % алюминия, 73 % – меди, 45 % – никеля, 34 % – древесины, 32 % – целлюлозы. Сибирский регион обеспечивал более 50 % валютной выручки в России¹². Можно сказать, что за счет Сибири в 1990-е гг. решались многие общероссийские проблемы переходного периода.

Вместе с тем с распадом СССР, переходом России в рыночные экономические условия в значительной степени ослабло государственное влияние в социальном и в хозяйственном развитии страны. Особенно остро его стало не хватать в управлении азиатскими территориями. Здесь исторически сложилась ситуация, когда активное государственное участие присутствовало практически во всех сферах общественной жизни, когда государство принимало все ключевые и «судьбоносные» управленческие решения. Многовековой опыт развития азиатской части России свидетельствует, что в обживании и хозяйственном освоении новых районов это имело определяющее значение. Данное обстоятельство подтверждается и мировым опытом освоения новых земель. С участием государства обживание и освоение новых территорий происходит более рационально и эффективно.

В последние годы предпринимаются попытки вернуть былое влияние государства, хотя и с коррекцией в связи с новыми условиями. Президентские и региональные администрации, Министерство экономического развития Российской Федерации с помощью ученых

разрабатывают самые различные «Стратегии» социально-экономического развития Азиатской части страны как применительно к отдельным районам ее составляющих, так и в рамках федеративных программ общенационального значения.

В государственной политике постоянно подчеркивается высокая значимость восточных районов, определяющая роль их природных ресурсов и экономико-географического положения для будущего развития России независимо от ее политического статуса. Поэтому считается, что именно государству, как в лице его федеральных органов, так и региональных властей, должна принадлежать роль главного координатора интересов отдельных компаний и фирм для достижения общенациональных целей. В связи с этим, деятельность государственных организаций признается необычайно важной и необходимой в решении сложных проблем как современных, так и перспективных. Хочется надеяться, что исторический опыт в этом направлении будет в значительной степени востребован и учтен. Преемственность в государственной политике сохранится и будет рационально использована в целях повышения эффективности государственного управления, в том числе и в районах нового промышленного освоения Сибири.

Глава II. Изменения в социальной политике СССР во второй половине XX в.

Государственная социальная политика – процесс сложный и многогранный. Она формируется под влиянием многих факторов политического и экономического развития государства. Важнейшими её звеньями являются: выработка законодательных и научных положений, концепций социального развития; подготовка комплекса мероприятий, способствующих этому развитию и практическая деятельность по реализации намеченной стратегии и тактики. Единство и взаимная связь этих звеньев и определяет сущность социальной политики, которая в идеале своем должна постоянно совершенствоваться.

В послевоенные годы в социальной политике СССР не сразу наметились положительные изменения. С окончанием Великой Оте-

чественной войны усилия государства направлялись на скорейшую ликвидацию её последствий. Только прямой ущерб, связанный с уничтожением имущества в годы войны, по данным Госплана СССР, составлял не менее 680 млрд. руб. в ценах 1940 г., то есть вдвое больше, чем было вложено в народное хозяйство за все довоенные пятилетки вместе взятые¹³.

В первые послевоенные годы не удавалось коренным образом улучшить жизнь советских людей. К этому не располагала складывавшаяся международная обстановка. В 1945 г. после августовских взрывов в Хиросиме и Нагасаки все возможное и невозможное стало предприниматься для производства в СССР атомного оружия. В условиях противостояния двух крупнейших мировых держав СССР и США, по мнению руководства страны, нельзя было допустить монопольного владения США атомной бомбой. Все планы, строящиеся ещё в военные годы о масштабном научном и экономическом сотрудничестве с США и другими странами-союзниками по антигитлеровской коалиции, были нарушены. Пришлось создавать исключительно за счет внутренних резервов дорогостоящую систему обороны и ракетно-ядерных вооружений.

«Атомный проект» потребовал огромных затрат. Реализация его хотя и давала возможность сохранить и укрепить СССР статус мировой сверхдержавы, достичь военно-стратегического паритета с США, но приносила большой урон обществу. Кроме того, послевоенный передел мира и организация блока социалистических стран, сопровождающаяся дополнительными затратами, главным образом со стороны СССР, также не приносили улучшения жизни советских людей.

По мнению политиков того времени, интеграция экономик СССР и восточноевропейских стран, выбравших путь социалистического развития, в единую хозяйственную систему должна была в будущем принести свои плоды и повысить эффективность экономики, в том числе и советской, за счет организации рационального продуктообмена в рамках единого экономического пространства. Кроме того, предполагалось, что расширится качественный потенциал экономики за счет использования общих производственно-технических и технологических ресурсов. Однако, реальные положительные сдвиги достигались с большим трудом. Сложность интеграции и взаимоотношений с восточноевропейскими партнерами заключалась в том, что в большинстве стран – членов СЭВ соотношение между уров-

нем жизни и эффективностью производства было заметно выше, чем в СССР (производительность труда опережала уровень СССР не более чем на 30 – 50 %, а его оплата была выше в 1,5–2 раза). Поэтому формирование единой хозяйственной системы означало пока лишь дополнительную нагрузку на советское общество и экономику и, прежде всего, на ее энерго-сырьевой сектор, который в послевоенные годы все в большей степени формировался в Сибири.

Советские люди в большинстве своем поддерживали руководство страны, терпеливо выносили все тяготы и лишения. В послевоенные годы долго жили моральным удовлетворением от победы. С разворачиванием гонки вооружений в мире понимали, что «холодная» война может в любой момент перерасти в «горячую». Поэтому считали, что необходимо создавать новые виды вооружения, развивать современную оборонную промышленность.

Уровень жизни в СССР по сравнению с европейскими странами оставался крайне низким. Так, в начале 1950-х гг. потребление качественных продуктов питания (мяса, молока, рыбы, яиц, свежих фруктов и овощей) практически находилось на уровне 1913 г. Суточный рацион едва-едва обеспечивал потребность советских людей в необходимых компонентах питания. Обеспеченность предметами гардероба отставала от западноевропейских стран в 2–3 раза. Крайне низкой была обеспеченность бытовыми услугами, жильем. На одного городского жителя в среднем приходилось не более 5 кв. м жилой площади¹⁴.

В Сибири данные показатели были еще ниже. Здесь значительный рост населения в 1930–1940-е гг. существенно превышал возможности строительства жилья. Поэтому самые низкие показатели обеспеченности жильем были в крупных и быстро развивающихся промышленных центрах. Так, в расчете на 1 человека в г. Новосибирске в 1953 г. приходилось около 4 кв. м, в Омске в 1955 г. – 2,9, в Тюмени в 1957 г. – 3,5, в Красноярске – 3,8 кв. м жилой площади. В городах наиболее урбанизированной в Сибири Кемеровской области в начале 1956 г. обеспеченность жилплощадью составляла от 2,8 до 4,9 кв. м¹⁵.

Попытки изменить пропорции экономического развития в пользу обеспечения жизнедеятельности населения страны наблюдались в среде высшего руководства страны. В публичных высказываниях председателя Госплана СССР и заместителя Председателя прави-

тельства СССР Вознесенского Н.А. неоднократно говорилось о необходимости развития производства товаров народного потребления, усиления жилищного строительства и в целом о повышении благосостояния советских людей. Эти взгляды разделяли и другие советские лидеры. По крайней мере, в проекте новой программы ВКП(б), разрабатываемой в 1947 г. специальной комиссией при Политбюро ЦК, куда кстати входил и Вознесенский, о решении социальных вопросов в стране говорилось, как о важнейшей задаче, стоящей перед партией. Так, говорилось о решении жилищной проблемы «с целью обеспечить каждому трудящемуся благоустроенную отдельную комнату, а каждой семье – благоустроенную квартиру, перейдя со временем к бесплатным коммунальным услугам». Предлагалось также уделить внимание партии развитию производства товаров народного потребления, в том числе и легковых автомобилей для населения, расширению сферы услуг¹⁶.

Заявления о необходимости улучшения жизни советских людей можно найти в высказываниях Сталина И.В. В 1946–1948 гг. вышло несколько постановлений правительства СССР, которые должны были способствовать решению социальных вопросов. Однако реально условия жизни в стране стали улучшаться лишь во второй половине 1950-х гг. После XX съезда партии началось послабление политического режима в стране, наступила так называемая «хрущевская оттепель», которая сопровождалась началом решения социальных проблем, главным содержанием которого являлось удовлетворение первичных потребностей людей в продуктах питания, одежде, обуви, жилье.

По окончании войны значительные средства должны были затрачиваться не только на восстановление разрушенного и утраченного, но и на перестройку производства в связи с переходом на выпуск мирной продукции. Требовались значительные средства на реконструкцию и возмещение изношенного за годы войны оборудования и т.п. В директивах четвертого пятилетнего плана развитие социальной сферы не получило должного внимания, тем более в Сибири, которая считалась тыловым районом, не пострадавшим напрямую от военных действий. Поэтому здесь социальные проблемы не считались самыми острыми в стране.

В последующих перспективных расчетах, обозначенных в пятом и шестом пятилетних планах, для Сибири разрабатывалась широкая

программа индустриального развития, дальнейшего движения индустрии на восток, максимального приближения промышленности к источникам сырья и топлива, развития энергетики, алюминиевой промышленности, лесохимии. И снова мало говорилось о социальной составляющей перспективных планов. В решениях XX съезда КПСС отмечалось, что восточные районы имеют огромное значение для социально-экономического развития СССР. Здесь сосредоточено до 75 % всех имеющихся в стране запасов угля, до 80 % гидроэнергетических ресурсов, четыре пятых лесных богатств, основные запасы цветных и редких металлов, огромные ресурсы химического сырья, железной руды, строительных материалов. Поэтому необходимо более энергично вводить в действие эти ресурсы, обеспечить эффективное их использование в интересах дальнейшего развития производительных сил страны¹⁷. И практически не говорилось о производственных отношениях и вообще о жизни людей, которые будут претворять в жизнь грандиозные планы. Считалось, что само собой все образуется. Главное – сооружение индустриальных гигантов на благо экономического и военно-оборонного положения страны, а остальное все не очень важно. Благосостояние, улучшение жизни соиздателей предусматривалось в будущем.

Во второй половине 1950-х гг. важнейшее значение в СССР стало придаваться решению жилищной проблемы. В июле 1957 г. было принято специальное постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О развитии жилищного строительства в СССР», в котором намечались реальные планы решения жилищной проблемы в стране, увеличения капитальных вложений в сферу жилищного строительства, расширения производства строительных материалов, всемерного развития индустриальных методов и технологий не только в производственном, но и гражданском строительстве¹⁸.

Положительные изменения коснулись и Сибири. Здесь, особенно в районах активного промышленного строительства, продвигались индустриальные методы строительства, происходил переход на крупнопанельное и блочное сооружение как промышленных, так и социальных объектов. В крупных городах и промышленных центрах появились железобетонные заводы, комбинаты крупнопанельного домостроения, что заметно ускорило процессы строительства жилья и социальных объектов.

В течение буквально десятилетия изменился облик городов Сибири, в которых, по крайней мере, в областных и крупных промышленных центрах, появилось много современных высотных зданий из стекла и бетона, ускорилось решение жилищной проблемы. Если в годы четвертой пятилетки в Новосибирске было введено всего 210 тыс. кв. м жилплощади, а в пятой – 447, то в 1956–1959 гг. – 1376 тыс. кв. м. В Омске в 1957–1958 гг. построено 730 тыс. кв. м жилья, или в 2 раза больше, чем за предыдущие пять лет. В Иркутской области в 1954–1955 гг. было построено 523,6 тыс. кв. м жилплощади, в 1956–1957 гг. – 1,5 млн. и в 1958–1959 гг. – 1,7 млн. кв. м. В городах и поселках Бурятской АССР в шестой пятилетке введено в эксплуатацию 1175,4 тыс. кв. м жилья или в 1,6 раза больше по сравнению со всем послевоенным десятилетием¹⁹.

К концу 1950-х гг. произошел заметный сдвиг в обеспеченности городского населения Сибири жилплощадью. В Новосибирске в 1955 г. средний размер жилой площади на одного человека в 1955 г. составлял 3,7 кв. м, то в 1960 г. – 5,6. В Омске этот показатель в 1956 г. составлял 3,8 кв. м, в 1960 – 5,8. По степени обеспеченности жильем сибиряки практически достигли среднереспубликанского уровня. В начале 1960 г. в городах и рабочих поселках РСФСР в среднем на одного человека приходилось 6,0 кв. м, в Западной и Восточной Сибири – 5,9²⁰.

В лучшую сторону изменялось благоустройство и комфортность городского общественного жилого фонда. Новые дома строились, как правило, со всеми удобствами, какие только знало отечественное домостроение: с централизованным отоплением и водоснабжением, канализацией, обеспечением ваннами и душами, горячей водой и пр. Однако, данные изменения касались крупных населенных пунктов, областных и краевых центров, городов и рабочих поселков, где происходило крупное промышленное и энергетическое строительство. Малые города и населенные пункты по-прежнему имели в основном неблагоустроенный жилой фонд, более скудное обеспечение товарами и услугами. Особенно медленно изменения происходили в сельской местности.

Таким образом, в государственной политике уже с конца 1940-х гг. расставлялись новые акценты, которые способствовали появлению новых форм и направлений социального развития в СССР. Значительный прогресс в законодательстве страны был достигнут на ру-

беже 1950–1960 гг. в связи с подготовкой новой программы КПСС и проведением XXII съезда партии. В этот период в СССР стали предприниматься реальные попытки осуществить в государственной политике принципы построения социального государства на столько, насколько это было возможно в условиях советского общественного устройства, общественной собственности на средства производства, отсутствия экономических свобод и предпринимательства людей, принципов социального партнерства между отдельными личностями и государственными организациями. Тем не менее, советское государство ставило задачи и цели обеспечения достойной жизни и свободного гармоничного развития своих граждан. Так, в основных законодательных документах, Конституции СССР объявлялись и гарантировались основные принципы социального государства такие, как охрана труда и здоровья людей, право на труд, образование, жилищное и прочее материальное обеспечение на всех этапах жизни советских людей. Им гарантировалось это и обеспечивалось всей системой общественного устройства, как на уровне отдельных личностей, так и семей, профессиональных сообществ и трудовых коллективов.

В новой редакции программы КПСС, принятой XXII съездом партии в 1961 г., было заявлено о расширении фондов общественного потребления для всех членов общества. Независимо от количества и качества труда отдельных граждан предполагалось за счет общества материально обеспечивать нетрудоспособных, предоставлять целый ряд бесплатных льгот и услуг, например, связанных с содержанием детей в детском саду, обеспечением наиболее полного медицинского обслуживания, санаторно-курортного лечения, пользования общественным транспортом и т.п. Кроме того, приоритетными направлениями социальной политики рассматривались мероприятия по увеличению реальных доходов населения, росту массы товаров и услуг, что в конечном итоге должно было привести общественное развитие к новой фазе – коммунизму.

Однако первые же попытки реализации данных деклараций выявили объективные причины невозможности достижения заявленного, поэтому уже во второй половине 1960-х гг. происходит переосмысление основных концепций социальной политики. Новая историческая фаза развития советского общества, обозначенная в начале 1970-х гг. в государственных законодательных документах

как «зрелый или развитой социализм», потребовала и нового стратегического обеспечения. Объявлялся отход от идеологии диктатуры пролетариата в связи с перерастанием социалистического государства в общенародное, в связи с чем менялись функции и методы государственного управления. Всё в большей степени говорилось о роли личностного начала, «человеческого фактора» в общественном развитии, необходимости активной жизненной позиции граждан. Подвергались критике уравнилельные принципы потребления общественных фондов, социальное иждивенчество.

Данные установки были закреплены в решениях XXIV – XXV съездов КПСС, в которых говорилось о необходимости разработки на перспективу не только хозяйственных программ, но и социальных, нацеленных на повышение уровня жизни и благосостояния советских людей. В этих программах в обязательном порядке должны были решаться задачи, связанные с улучшением условий труда, сокращением на предприятиях количества ручного малоквалифицированного и тяжелого физического труда. Много говорилось об увеличении реальных доходов населения, более полном удовлетворении спроса его на товары первой необходимости, увеличении государственного жилищного строительства, повышении качества и уровня благоустройства жилья, расширении видов и увеличении объемов бытовых услуг, связанных с облегчением домашнего труда. Предполагался также всемерный рост образования и культуры, улучшение медицинского обслуживания и т.п.²¹

На XXVI съезде КПСС (1981 г.) в отчетном докладе ЦК и резолюциях уже специально была обозначена тема социальной политики в СССР в очередном пятилетии. Задачи социального развития и повышения народного благосостояния были представлены в качестве важнейшей составляющей в деятельности партийных и государственных организаций. В «Основных направлениях развития СССР на 1981–1985 гг.» говорилось, что «на основе подъема экономики и повышения эффективности общественного производства необходимо обеспечить дальнейший рост народного благосостояния, развития социалистического образа жизни, всей системы общественных отношений»²².

В целом необходимо отметить, что в 1970-е – начале 1980-х гг. социальная политика в СССР тесно увязывалась с реализацией программных установок КПСС, нацеленных «на строительство в СССР

общества развитого социализма». В области социальной политики основной задачей объявлялось стремление к комплексному решению проблем на основе предварительных научных исследований, разработки таких форм и методов управления социальными процессами, которые могли бы обеспечить планомерное и гармоничное развитие всех направлений экономического и социокультурного развития советского общества.

Этим целям должна была служить практика составления планов социального развития предприятий, которые рассматривались в этот период как способ объединения усилий администрации и деятельности общественно-политических организаций вокруг решения не только производственных, но и иных задач, связанных с социокультурной и бытовой жизнью членов трудовых коллективов. Администрациям предприятий, их партийным и другим общественным организациям вменялось в обязанность улучшать качественные характеристики работников, способствовать повышению их не только трудовой активности и квалификации, но и уровня образования, культуры, бытового жизнеобеспечения и т.д.

Эти стратегические устремления государственной социальной политики в СССР выразились в том, что в 1970–1980-е гг. в стране повсеместно составлялись планы и паспорта социально-экономического развития отдельных трудовых коллективов предприятий и населенных пунктов. С одной стороны, это было попыткой обеспечить в условиях существующей централизованно-ведомственной системы управления если не комплексный, то хотя бы многосторонний учет территориальных интересов, а с другой государственное управление стремилось привлечь внимание общества к решению социальных проблем, мобилизовать людей на решение элементарных задач в организации своей производственной и бытовой жизни.

Одним из главных направлений социальной политики СССР было объявлено преодоление социально-территориальных различий в стране. Наличие их во многом обуславливалось объективными обстоятельствами, связанными с обширностью территории страны, большим разнообразием её природно-климатических условий и особенностей расселения людей. Многие процессы неравномерности социально-экономического развития складывались исторически. В России, в силу различных обстоятельств, всегда существовали столичные центры и провинция, которые не одновременно приобщались к

потреблению благ цивилизации, развивались крайне неравномерно. Территориальные различия проявлялись в неодинаковых возможностях выбора сферы приложения труда, доступа к культурным ценностям, получении образования. Поэтому в государственной политике СССР ставилась одна из главных базовых задач российского общественного развития, которая не решена и до сих пор. Она связана со стремлением как-то выровнять складывающиеся веками существенные различия между регионами в условиях труда, быта, проведения досуга, потребления и т.п.

Особую значимость это направление политики приобретало для районов Сибири и Дальнего Востока, которые исторически в силу своего географического положения, отдаленности в транспортном отношении, слабой заселенности, имели значительное отставание по многим показателям социально-экономического развития от центральных районов страны. В то же время им отводилась особая роль в наращивании экономического потенциала государства. Данное противоречие неоднократно доказывалось и подчеркивалось научными исследованиями, направленными на изучение наиболее эффективных путей развития народного хозяйства СССР и роли в нем восточных районов.

Для социально-экономического развития районов Сибири, в которых происходило активное промышленное строительство, большую роль играли принимавшиеся в этот период постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР, касающиеся формирования и развития отдельных территориально-производственных комплексов (ТПК), строительства там крупных предприятий и населенных пунктов. Постановления главных государственных органов СССР значительно ускоряли события, нацеливали и организовывали отдельные ведомства и государственные структуры на решение конкретных задач, что в условиях централизованного управления и плановой системы управления социально-экономическим развитием давало хороший мобилизующий эффект. Такие постановления принимались по проблемам Братско-Усть-Илимского ТПК, Западно-Сибирского нефтегазового комплекса, Саянского ТПК, КАТЭКа и др.

В начале 1970-х гг. многие индустриальные новостройки Сибири и Дальнего Востока получили статус северных районов или приравненных к ним. На этот счет 25 декабря 1973 г. было принято специальное постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР

«О дополнительных мерах по развитию экономики и культуры в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностям», в котором был намечен широкий комплекс мероприятий по улучшению строительства жилья и объектов социально-бытовой и культурной сферы, обеспечения населения товарами и продовольствием, в том числе и качественным, произведенным на месте через систему тепличных и животноводческих хозяйств, организованных с учетом природно-климатических условий северных районов. Через ведомства предусматривались меры по улучшению условий труда и жизни северян, внесены изменения и дополнения в типовые отраслевые нормативы выдачи бесплатной спецодежды и обуви, изготовленные для северных районов, а также планировалась организация передвижных пунктов медицинского, бытового и культурного обслуживания населения²³.

Для РНПО Сибири в рамках государственной социальной политики была разработана целая система льгот, касающаяся установления коэффициентов к заработной плате, дополнительных оплачиваемых отпусков, различного плана выплат из общественных фондов потребления. Например, работники предприятий РНПО могли получать льготные путевки на санаторно-курортное лечение. Им обеспечивался льготный проезд на транспорте, выплачивались более высокие пособия, связанные с рождением и воспитанием детей. Для рабочих и служащих, проработавших в РНПО Сибири не менее 15 лет, устанавливался более ранний возраст выхода на пенсию. Дополнительные выплаты и льготы могли устанавливаться с началом каждого конкретного строительства в РНПО Сибири. Это всё вместе взятое в течение определенного времени могло дать свои плоды.

Однако в целом государственную политику по развитию социальной сферы РНПО Сибири в 1950–1980-е гг. можно назвать противоречивой. Концептуально отработанные и, в общем, правильно отражающие общественные потребности политические решения на практике претворялись в жизнь медленно и несколько ограниченно. В итоге в социально-экономическом развитии РНПО Сибири преобладал «технократический подход». Главное внимание государства и средства распределялись в пользу производственного строительства. Так, при разработке планов X пятилетки в «Основных направлениях развития народного хозяйства СССР на 1976–1980 годы» предусматривалось ускоренное развитие в основном производственных объ-

ектов в РНПО Сибири, по которым и определялись конкретные задачи: «В Западной Сибири продолжить формирование крупнейшего территориально-производственного комплекса – главной базы страны по добычи нефти и газа. Довести здесь в 1980 г. добычу нефти до 300–310 млн. тонн, газа – 125–155 млрд. куб. метров. Продолжить строительство Томского нефтехимического комбината. Развернуть строительство Тобольского нефтехимического комплекса. Построить заводы по переработке нефтяного газа, систему трубопроводов для транспортировки нефти и газа и железную дорогу Сургут-Нижневартовск. Начать строительство железной дороги Сургут-Уренгой... Завершить в основном формирование Братско-Усть-Илимского территориально-производственного комплекса»²⁴.

В конкретных плановых заданиях говорилось в основном о решении экономических проблем: о росте показателей производства топливно-энергетической, металлургической и пр. отраслей. О развитии социальной сферы говорилось лишь в самых общих словах, как необходимом условии достижения производственных целей. Более конкретно социальные проблемы РНПО Сибири в государственной политике стали обозначаться позднее, в 1980-е гг., когда стала разрабатываться особая стратегия для их формирования и развития в составе единого народнохозяйственного комплекса СССР, когда сложилось научное представление о «районе нового промышленного освоения»²⁵.

В теоретическом и практическом смысле освоение новых районов Сибири тесно связывалось с попытками обновить всю систему экономических и социальных отношений в СССР. Поэтому в государственном управлении ставились цели их комплексного развития с учетом всех реальностей научно-технической революции, в том числе и возрастанием роли человеческого фактора в производственно-техническом и в целом в общественном развитии.

Предлагаемая учеными стратегия была призвана учитывать, как обозначенные решениями государственного управления основные принципы социального развития СССР в условиях научно-технической революции и происходящие в связи с этими процессами изменения, так и региональную специфику образа жизни населения. Считалось, что это очень важно для социального развития вновь осваиваемых территорий. Здесь комплексный подход необходим для того, чтобы не только заинтересовать людей и заставить их созна-

тельно сделать свой выбор в пользу переселения в районы нового промышленного строительства, но и выработать в сознании широких слоев населения нового отношения к Сибири и Дальнему Востоку, как районам, перспективным для развития производительных сил государства и расселения людей, престижным для оценки их как постоянного места жительства. Считалось, что в сочетании с опережающим развитием социальной сферы в РНПО данные установки должны будут способствовать достижению в целом высоких результатов их социально-экономического развития, что необходимо как для самих РНПО, так и всего народнохозяйственного комплекса СССР.

В государственной политике актуальным направлением объявлялось социальное развитие районов нового промышленного строительства, создание там новых городов и рабочих поселков, для чего выделялась значительная часть национального дохода страны. Главное новое градостроительство в ближайшие десятилетия планировалось в РНПО Сибири. Только в районе строительства Байкало-Амурской магистрали было запланировано строительство 50–60 городов и поселков городского типа, которые должны стать базой для становления целой системы расселения в ранее необжитом районе с целью развития его производительных сил. Предполагалось, что новое городское строительство в районах нового освоения позволит быстрее привлечь сюда необходимые трудовые ресурсы, обеспечить высокую степень здесь уровня урбанизации и совершенствования образа жизни населения.

В государственных решениях определялась высокая значимость нового градостроительства. Считалось, что оно может открыть большие возможности для социального развития населения, отвечающие самым современным требованиям общественного прогресса. В новых городах планировалось сооружать крупные предприятия ведущих отраслей народного хозяйства, реализовывать сложные научно-технические проекты и разработки, внедрять передовые технологии и методы организации труда и управления. Здесь в значительно большей степени, чем в сложившихся промышленных и культурных центрах, должны учитываться разнообразные экономические, демографические, экологические и социальные проблемы современной урбанизации, научно-технического прогресса и т.п.

Проектантами считалось, что на незастроенной площадке можно самым лучшим образом воплотить в жизнь как ближайшие, так и перспективные цели городского планирования и строительства, полнее реализовывать рекомендации архитекторов, экономистов, социологов, экологов и других специалистов. Новый город предполагает самую современную пространственную организацию для достижения социальных целей. Здесь изначально складываются благоприятные условия для социального развития: большой удельный вес государственного жилого фонда, более высокий уровень его комфортности для проживания и благоустройства. Здесь шире развиты прогрессивные формы торговли, бытового обслуживания, возможности для социокультурного развития населения.

Эти объективные возможности нового градостроительства могли позволить в РНПО проводить успешную социальную политику. Однако практика строительства новых городов показывала, что не все было так просто и однозначно. Много ошибок и диспропорций в социальном развитии порождал ведомственный характер управления строительством. В РНПО Сибири, как правило, многие показатели социальной инфраструктуры, социально-бытового и культурного обслуживания населения хронически отставали от средних по стране, что вызывало большую текучесть населения и требовало больших затрат со стороны государства.

Изменения в социальной политике СССР в 1980-е гг. совпали с пересмотром социально-демографических оснований формирования трудовых ресурсов. Происходили большие изменения в государственной миграционной политике, которая нацеливалась на перераспределение населения страны в пользу районов нового промышленного строительства для обеспечения их трудовыми ресурсами. Однако люди не хотели быть только трудовыми ресурсами. Они меняли место своего жительства не в связи с потребностями и решениями государственных организаций, а, главным образом, согласно своих намерений и желаний. В то время как основная цель государственной политики заключалась в том, чтобы максимально сокращать непроизводственные издержки при хозяйственном освоении РНПО Сибири, чтобы наметить такую стратегию их формирования и развития, в котором бы социальная составляющая была достаточно мала.

Данное противоречие отражалось на результатах миграционной политики. Она в основном решала проблемы прибытия населения в РНПО Сибири. Проблемы же его закрепления на новостройках решались лишь частично. И это зависело не столько от позиций отдельных руководителей строек и ведомств и конкретных условий территории строительства, сколько от сложившегося механизма планирования и управления процессами формирования населения в РНПО. Поэтому специалистами и политиками ставились вопросы о необходимости изменений в социальной политике, которая должна была содержать системный дифференцированный подход не только к регулированию оплаты труда работников в РНПО, но и к обеспечению их жильем и различными социальными благами. Научными исследованиями было доказано, что у населения Сибири и Дальнего Востока более высокие расходы на жизнеобеспечение, иные потребности в развитии социальной инфраструктуры, что определялось здесь как природно-климатическими особенностями, так и низкой плотностью населения, слабой обжитостью территории, значительными расстояниями между населенными пунктами.

В районах с суровыми климатическими условиями, где люди проводят больше времени в жилом помещении, обеспеченность жильем, согласно расчетам экономистов, должна быть на 10 % выше, чем в центральных районах. Чтобы обеспечить одинаковый уровень обслуживания населения, такие показатели, как число учителей, врачей, больничных коек, мест в предприятиях общественного питания в расчете на 10 000 чел. населения, в Сибири должны быть на 35–40 % выше, чем в центральных районах. В восточных районах ввиду особенностей демографического состава населения, особенно в РНПО Сибири, должна быть более высокой обеспеченность детскими дошкольными учреждениями, школами и т.п. Доказывалось, что отставание в развитии непроизводственной инфраструктуры и её несоответствие требованиям населения РНПО Сибири крайне невыгодно государству, так как ему приходится тратиться на несоразмерное привлечение людей, которые не задерживаются долго на новостройках, уезжают в районы с более развитой системой обслуживания, что осложняет положение с трудовыми ресурсами в стране²⁶.

Данные вопросы достаточно остро были поставлены на XXVII съезде КПСС, где решение социальных вопросов в стране в теку-

ший период рассматривалось в качестве основных в деятельности партии и правительства СССР. Большое внимание было уделено вопросам комплексного развития районов Сибири и Дальнего Востока, что объявлялось делом исключительной государственной важности, так как экономические планы на ближайшую и отдаленную перспективу в значительной степени связывались с освоением природных ресурсов этих регионов, и здесь необходимо было создавать благоприятные условия для труда и в целом жизни людей. В решениях съезда подчеркивалось, что задача освоения восточных районов страны, развитие их производительных сил имеет важное экономическое, политическое и социальное значение, является «составной частью главной стратегии партии»²⁷.

На съезде также было отмечено, что ранее государство не достаточно эффективно решало задачи широкого привлечения и закрепления кадров в сибирском регионе. Оно не смогло превратить его в удобное для жизни человека место. Об этом свидетельствовал низкий уровень жизнеобеспечения в Сибири, который по многим показателям отставал от среднесоюзных данных. В результате тормозилось выполнение народнохозяйственных планов, важных для государственного развития, не оперативно решались вопросы строительства предприятий и населенных пунктов, формирования дееспособных производственных коллективов. Государство по этим причинам несло большие экономические и морально-политические потери.

Съезд постановил, что в государственной социально-экономической политике необходимо предусмотреть реальные меры не только по устранению этого отставания по всем основным видам социально-бытового и культурного обслуживания населения РНПО Сибири, но и создать преимущества в обеспечении его жизненными благами. Для достижения этих целей на двенадцатую пятилетку были намечены для северных и восточных районов страны опережающие темпы социально-культурного строительства.

Объявленная перестройка в СССР главными целями рассматривала приоритетное развитие социальной сферы в соотношении с производственной, полноценное ресурсное обеспечение социальных программ, отказ от «остаточного» принципа в развитии социальной инфраструктуры. В 1986–1988 гг. был принят целый ряд постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР по различным вопросам социальной политики в Сибири и особенно в районах её актив-

ного промышленного и транспортного строительства, состоялось несколько значимых поездок первых лиц государства в регион, на основе которых разрабатывались специальные мероприятия, нацеленные на ускорение развития социальной инфраструктуры, строительства её объектов и расширения площадей обслуживания населения, создания для него по возможности благоприятных условий потребления материальных и духовных благ. Например, предусматривалось, что в РНПО Сибири, где средний уровень денежных доходов выше, чем в целом по стране, должен быть и выше уровень снабжения товарами как повседневного спроса, так длительного пользования, активнее должна работать сфера услуг, проведения досуга, обеспечения различных культурных потребностей. Люди не должны вынуждено выезжать за пределы региона для удовлетворения элементарных жизненных потребностей в товарах и услугах, для посещения культурных и познавательных мероприятий.

Считалось, что такое комплексное и последовательное решение вопросов жизнеобеспечения населения в РНПО Сибири по всем направлениям будет способствовать выравниванию жизненных условий в СССР и обеспечивать закрепление населения, сокращать интенсивность движения неоправданных миграционных потоков, что крайне необходимо для достижения рационального размещения производительных сил страны. Специальными расчетами специалистов доказывалось, сдвиг производства в сторону восточных районов очень важен для перспективного развития СССР. Крупные по масштабам производства промышленные комплексы с высокими показателями экономической эффективности могут быть сформированы только в Сибири. Даже при высоких затратах на хозяйственное освоение северных районов экономически оправдано формирование здесь основной части территориально-производственных комплексов страны на ближайшую перспективу. Кроме того, возможен ещё и значительный социальный и геополитический эффект, который трудно подсчитать в цифровом выражении, но значимость его не менее велика. Высокие темпы социально-экономического развития восточных районов, в том числе и Сибири, смогли бы ликвидировать, наконец, территориальные диспропорции в стране, которые веками существовали по многим направлениям общественного развития между западными и восточными районами.

Таким образом, в результате партийных и правительственных решений в 1970–1980-е гг. в социальной политике СССР постепенно сформировалось особое направление, напрямую касающееся развития РНПО Сибири. Оно получило приоритетное финансовое и политическое обеспечение. Однако реализовать всё намеченное в полной мере не удалось. История не отвела советской системе для этого времени. Значительная часть партийных и государственных руководителей страны искренне хотели обновить социализм, возродить энтузиазм людей, сознательное отношение к общенациональным задачам. В государственной политике декларировалось возвращение к так называемым «ленинским принципам» общественного развития для создания социализма с «человеческим лицом». В основном руководители партии и государства в 1985–1986 гг. были на правильном пути. Через критическое отношение к прошлому, через покаяние они намерены были придти к новому созиданию, но на практике всё оказалось гораздо сложнее. К объективным обстоятельствам, сложившимся в процессе всего предыдущего социально-экономического и политического развития страны, добавились субъективные факторы, связанные с непомерными амбициями целого ряда ведущих руководителей страны, их не умением просчитать и адекватно оценить последствия своих политических решений. В результате многие проекты остались только на бумаге.

Глава III. Разработка комплексных программ социального развития для районов нового промышленного освоения Сибири.

Изменение социальной политики в СССР не могло не коснуться РНПО Сибири, но к их социальному развитию изначально был определен совершенно иной подход, чем для давно обжитых и устроенных для жизни людей районов страны.

Развитие РНПО оценивалось главным образом в целях изучения возможностей приращения производственного потенциала государства, а уже во вторую – социального. Поэтому главные задачи здесь рассматривались в области производственного строительства. Соответственно распределялись все средства и ресурсы. Население также считалось ресурсом, необходимым для производственного созидания.

Такое одностороннее понимание определяло и социальную политику в РНПО.

Реализация проектов индустриального освоения Сибири в 1950–1980-е гг. происходила, как правило, в районах с крайне низкой плотностью населения, мало освоенных в хозяйственном и прочем отношении. Городские поселения были крайне редки, слабой была обеспеченность транспортом, связью и другими достижениями цивилизации. С разворотом индустриального строительства социальные вопросы решались одновременно с производственными. Они не выделялись в особые программы, решались по мере поступления в ходе реализации общих хозяйственных планов. Такой подход в какой-то степени оправдывался логикой освоения ранее малообжитой территории. Приоритет государственного управления способствовал преодолению в короткие исторические сроки её характерных особенностей, связанных со слабостью экономического развития, отдаленностью от промышленных и социокультурных центров, отсутствием транспортных магистралей и эффективных средств связи. Такое положение в целом затрудняло социально-экономическое развитие территории, где предполагалось активное индустриальное строительство. Поэтому по объективным причинам все проблемы необходимо было решать быстро, одновременно и комплексно.

Вместе с тем, многое в социальной политике в РНПО определялось технократической идеологией, исходившей от государственных управленческих организаций и ведомств, которым было поручено управлять производственным строительством в Сибири и по необходимости решать все вопросы, связанные с ним. Проблемы социального развития населения решались с одной стороны в рамках политики обеспечения предприятий истроек трудовыми ресурсами, а с другой – в сфере градостроительства. Поскольку сооружение предприятий начиналось, как правило, в малонаселенных районах Сибири, то сразу же ставились задачи заселения территории, создания здесь условий для привлечения трудоспособного населения. Главный акцент делался на строительство производственных объектов, для сооружения которых и проводилась основная проектная и предпроектная подготовка. В решении социальных вопросов считалось, что всё можно сделать за счет трудового энтузиазма и стремления людей к героическим свершениям.

В августе 1958 г. в Иркутске состоялась конференция по развитию производительных сил Восточной Сибири, где были определены и научно обоснованы перспективы крупного энергетического строительства в регионе, разработки минерально-сырьевых ресурсов и создание вследствие новых индустриальных городов.

Согласно программе хозяйственного освоения Приангарья здесь было намечено создание новых промышленных комплексов Иркутско-Черемховского и Братско-Усть-Илимского, на территории которых рядом с промышленными объектами предусматривалось строительство новых городов. Недалеко от Иркутска, рядом с сооружаемым нефтехимическим и электролизно-химическим комбинатом в начале 1950-х гг. начал строиться новый город Ангарск. Весной 1956 г. развернулось строительство Иркутского алюминиевого завода, вблизи которого возник впоследствии рабочий поселок Шелехово, получивший статус города в январе 1962 г.

На северо-западе Иркутской области поочередно строились Братская и Усть-Илимская ГЭС, Братский и Усть-Илимский ЛПК, Братский алюминиевый завод, Железногорский горно-обогатительный комбинат. Рядом со строящимися промышленными предприятиями возникали рабочие поселки, впоследствии преобразованные в города областного подчинения: Братск (1955 г.), Железногорск-Илимский (1965 г.), Усть-Илимск (1973 г.). В 1966 г. был построен Байкальский целлюлозно-бумажный комбинат, рядом вырос новый город Байкальск. В конце 1960-х гг. в Зиминском районе приступили к строительству химического завода и города Саянска.

Социальное проектирование ограничивалось преимущественно решением задач обеспечения предприятий истроек трудовыми ресурсами. Согласно их потребностям и определялась численность новых индустриальных поселений. Так, в 1950-х гг. Госпланом было определено, что оптимальная величина населения новых индустриальных городов Сибири должна составлять от 50 до 250 тыс. чел. Поскольку в этот период разворот индустриального строительства намечался в основном в Восточной Сибири, то здесь и планировалось строительство новых поселений при предприятиях. Так, численность населения Шелехово, Железногорска, Байкальска была определена в перспективе примерно в 50 тыс. чел., Братска – около 200 тыс., Ангарска – 250 тыс. чел.²⁸

Главной особенностью строительства новых населенных пунктов была высокая концентрация промышленного производства, размещаемого в пределах городской черты. Данное обстоятельство, хотя и превращало скромные населенные пункты в крупные индустриальные центры, но и создавало немало социальных и экологических проблем.

Со времени 1930–1940-х гг. сохранялись стереотипы мышления и поведения, как руководителей новостроек, так и рядовых работников, что бытовая неустроенность – необходимый атрибут их жизни, своеобразная «романтика будней». Поэтому начальный период практически на всех новостройках Сибири в 1950–1960-е гг. характеризовался повышенным вниманием к решению производственных задач и пренебрежением к социальным. Много говорилось о комплексности, но она касалась в основном размещения производственных объектов, решение социальных проблем, как правило, оставалось «на потом». Хотя уже в 1930-е гг. при создании первых промышленно-производственных комплексов, в том числе Урало-Сибирского комбината, проектантами отмечалось, что производство не может долгое время работать эффективно без решения социальных проблем.

В 1950-е гг. научно-теоретической основой решения многих вопросов социальной политики в РНПО Сибири стала разработка экономических районных планировок, которые обосновывали и включали в себя весь комплекс размещения на определенной территории самых различных объектов производственного и непроизводственного назначения. Районные планировки становились в этот период главными основаниями для любого нового строительства на всей территории СССР. Большое значение это имело для РНПО Сибири. В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О порядке утверждения проектов планировки и застройки городов Советского Союза» говорилось, что «проекты планировки и застройки городов и поселков, подлежащих строительству в районах, где намечается строительство группы промышленных предприятий, связанных между собой одной системой расселения общей сырьевой и энергетической базой, объединенной системой транспорта, дорог, инженерных сооружений и сетей, составляются на основе утвержденных схем районной планировки, разработка которых для строительства в указанных районах является обязательной»²⁹.

В создании новых индустриальных поселений делались попытки реализовать принципы рациональности и комплексности. В этот период декларировались цели и задачи строительства в СССР коммунистического общества. Поэтому много говорилось о том, что потребности человека должны быть на первом месте в социально-экономическом развитии страны. Задачами партийных и прочих государственных организаций определялось проведение различных мер и мероприятий по созданию такого уровня комфорта и благополучия в советском обществе, который мог бы обеспечить каждому его члену нормальную и здоровую жизнь, высвободить время для отдыха, спорта и всестороннего культурного и духовного развития. В Программе КПСС, принятой на XXII съезде, было записано: «Города и поселки должны представлять собой рациональную комплексную организацию производственных зон жилых районов, сети общественных и культурных учреждений, бытовых предприятий, транспорта, инженерного оборудования и энергетики, обеспечивающих наилучшие условия для труда, быта и отдыха людей.»³⁰

Полагалось, что все эти принципы должны эффективно работать в районах нового промышленного освоения. На сибирские стройки приезжала, в основном, молодежь и очень важно было, чтобы она не только участвовала в строительстве, но и стала активной частью населения новых городов, в которых организация жизни должна быть максимально комфортной и рациональной. Проектанты считали, что жилые микрорайоны в РНПО должны кардинально отличаться от традиционной застройки городов кварталами и создавать лучшие условия для населения. В каждом жилом комплексе необходимо предусмотреть весь спектр организаций и учреждений социально-бытового и культурного обслуживания населения. Люди, проживающие в новых индустриальных центрах должны иметь не только комфортные отдельные квартиры, но и находящиеся недалеко от жилого дома магазины, школы, больницы и учреждения для проведения досуга. Сеть культурно-бытового обслуживания населения должна размещаться в непосредственной близости от жилья.

Ученые и архитекторы убедительно доказывали, что масштабы Сибири позволяют не только строительство в регионе крупнейших в мире предприятий, но и относительно крупных населенных пунктов вокруг них с полным комплексом современного городского бла-

гоустройства. Проектировщиками наиболее рациональным признавалось строительство городов в Сибири на 50–200 тыс. жителей.

В феврале 1960 г. по заданию ЦК КПСС и Госстроя СССР была осуществлена проверка реализации схемы районной планировки Иркутско-Черемховского промышленного района. Проверка показала, что районная планировка внесла определенный порядок в размещение нового строительства. Вместе с тем, её плановые задания и рекомендации отдельные ведомства и организации трактовали по-своему. Изменения в разработанные схемы не всегда носили обоснованный и объективный характер. Например, без согласования с общей схемой развития производительных сил на территории сибирского региона министерство черной металлургии «продавливало» размещение своих предприятий в северных районах Иркутской области. Не оправдало себя размещение целлюлозно-бумажного комбината в устье реки Селенги и т.д.

Одним из первых новых индустриальных центров Восточной Сибири в послевоенные годы стал город Ангарск. Его строительство планировалось в четвертой пятилетке в связи с проектами создания крупной промышленности жидкого топлива на базе углей Черемховского бассейна. Работы по застройке площадки будущего города по проектам Ленинградского института градостроения начались в 1949 г. Вначале предполагалось строить недалеко от предприятия рабочий поселок на 30 тыс. жителей. Однако, уже в 1950–1951 гг. планы резко изменились. В связи с разработкой схемы районной планировки Иркутско-Черемховского ТПК и строительством Иркутской ГЭС было принято в ближайшие 8–10 лет строить город Ангарск примерно на 200 тыс. жителей³¹.

К 1954 г. Гипрогор (г. Москва) при участии Академии наук СССР, института гигиены им. Эрисмана, географического факультета МГУ в основном завершил работу по составлению схемы районной планировки Иркутско-Черемховского ТПК, где наряду с развитием уже существующих населенных пунктов, строились планы создания новых городов Ангарска, Шелехова, Байкальска, каждый из которых должен стать новым индустриальным центром.

В начале 1960-х гг. в системе государственного планового управления социально-экономическим развитием страны произошли существенные изменения. В структуру Госплана (в 1960–1966 гг. – Госэкономсовета) из Академии наук СССР был передан Совет по изу-

чению производительных сил (СОПС). Это решение мотивировалось переходом на преимущественно территориальный принцип управления в связи с созданием совнархозов и усилением региональных органов власти. Тем более, что СОПС, как преемник Комиссии по изучению производительных сил и природных ресурсов России, созданной ещё в 1915 г. под руководством академика Вернадского В.И., был единственной в стране научной организацией, накопившей информацию практически обо всех районах страны и работавший в тесном контакте с плановыми, научными и экономическими учреждениями в республиках и регионах СССР.

Новый статус центральных управленческих и плановых органов определил и новые задачи. В регионы стали поступать научные аналитические разработки и координирующие указания для проведения предплановых исследований. В 1960–1970-е гг. в стране была создана система предпланового обоснования территориального развития СССР, включавшая отраслевые и региональные схемы-прогнозы, результаты которых корректировались и воплощались в Генеральных схемах развития и размещения производительных сил СССР³².

Огромное значение эти изменения имели для Сибири. Здесь в 1960-е гг. по инициативе партийных органов активно стали разрабатываться региональные программы экономического и социального развития. Руководители сибирских обкомов и крайкомов КПСС в период совнархозов стремились обосновать необходимость комплексного развития своих регионов, всячески способствовали проведению в них научных изысканий, конференций по изучению производительных сил, а также старались добиться строительства на подведомственных территориях крупных промышленных предприятий союзного значения.

Механизм проектирования социально-экономического развития в Сибири в этот период претерпел также серьезную трансформацию. По сравнению с предыдущим периодом советской истории усилилось влияние партийных органов краев и областей региона в деле подготовки государственных решений, в обосновании размещения тех или иных предприятий как тяжелой, так и легкой промышленности. Крайкомы и обкомы КПСС в сотрудничестве с научными и проектными организациями выступали за организацию мощных территориально-производственных комплексов, активно взаимодействовали с отраслевыми министерствами, Советами народного хозяй-

ства административных экономических районов. С упразднением Совнархозов эта тенденция не утратилась, а даже усилилась. С возвращением к централизованно-отраслевому принципу управления партийные комитеты пытались по-прежнему влиять на формирование перспективных планов развития своих территорий, входить с предложениями в правительство, министерства и особенно в Совет по изучению производительных сил при Госплане СССР. Во второй половине 1960-х – начале 1970-х гг. от партийных и советских организаций практически всех регионов Сибири в Госплан СССР были направлены обстоятельные записки о развитии производительных сил на перспективу, о разработке генеральных схем развития народного хозяйства краев и областей³³.

Наиболее активно региональные целевые комплексные программы разрабатывались Иркутским, Кемеровским областными комитетами КПСС, Красноярским крайкомом. Последний в этом направлении добился значительных результатов. В 1958–1965 гг. Красноярский Совет народного хозяйства в качестве главной задачи рассматривал проблему повышения эффективности управления региональным экономическим и социальным развитием, необходимости создания в крае научных и проектных организаций, которые бы специально занимались разработкой проблем региона и могли бы оперативно определять и доводить до реализации наиболее эффективные решения. Так, одним из первых мероприятий СНХ Красноярского экономического и административного района, реализованного при поддержке крайкома КПСС и центрального государственного управления, было создание в 1958 г. в г. Красноярске целого ряда институтов по проектированию промышленных предприятий, подготовке проектно-сметной документации для строительства с учетом не только общих народно-хозяйственных задач, но и регионального развития. С 1958 г. в Красноярском крае стали работать филиалы известных и крупных Всесоюзных научно-проектных организаций: «Промстройпроекта», «Главстройпроекта» при Госстрое СССР, Государственного Союзного института по проектированию городов и рабочих поселков, Государственного проектного института по сооружению водопроводных и канализационных сетей, гидротехнических сооружений и т.д.³⁴

В 1960-х гг. в Красноярском крае одновременно реализовывалось сразу несколько крупных индустриальных проектов всесоюзного значения. Строилась Красноярская ГЭС, Красноярский алюминиевый

завод в комплексе с Ачинским глиноземным комбинатом, обсуждалось развитие крупного топливно-энергетического комплекса на базе использования богатейших запасов угля в Канско-Ачинском бассейне и строились первые угледобывающие и энергетические предприятия, продолжалось строительство и развитие Норильского промышленного узла. Красноярский край и Иркутская область, составляя в целом Ангара-Енисейский регион, в этот период со всем основанием могли быть причислены к районам нового промышленного освоения.

1 февраля 1971 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли специальное постановление «О мерах по дальнейшему комплексному развитию в 1971–1980 гг. производительных сил Красноярского края», в котором предусматривалось в ближайшее десятилетие осуществить комплекс мероприятий по рациональному использованию материальных и трудовых ресурсов края в целях наращивания темпов и масштабов социально-экономического развития, особенно районов промышленных новостроек. На базе использования богатейших энергетических, минерально-сырьевых и трудовых ресурсов края планировалось форсированное создание территориально-производственных комплексов и крупных промышленных узлов, в том числе Центрально-Красноярского, Норильского, Канского, Ачинского, Назаровского, Минусинского, Енисейского, Абаканского и т.д.

Реализация планов социально-экономического развития намечалась в основном в направлении производственного строительства и ввода в эксплуатацию новых крупных предприятий, реконструкции существующих на основе роста уровня механизации и автоматизации производственных процессов, повышении организации и производительности труда.

К концу десятой пятилетки предусматривалось увеличить объем продукции промышленного производства в 2,7 раза, в том числе продукции цветной металлургии в 3,2 – 3,5 раза за счет расширения Норильского горно-металлургического комбината, ввода новых мощностей на Красноярском алюминиевом заводе, дальнейшего развития Ачинского глиноземного и Сорского молибденового комбинатов, строительства Северо-Енисейского золотодобывающего рудника, Туимского завода обработки цветных металлов и ряда других. Намечалось довести выработку электроэнергии до 73–76 млрд. кВт ч и с этой целью осуществить строительство мощных электростанций, используя высокоэффективные гидроэнергетические ресурсы рек

Енисея и Ангары, угли Канско-Ачинского бассейна. За счет увеличения мощностей действующих Назаровского и Ирша-Бородинского, строительства Изыхского и Березовского планировалось довести добычу угля до 47–50 млн. т. Предусматривалось строительство уникальных машиностроительных комплексов по производству машин и оборудования для районов Сибири и Дальнего Востока³⁵.

Первая красноярская десятилетка (1971–1980 гг.) разрабатывалась как не имеющий аналогов экономический эксперимент в масштабах страны по созданию крупных территориально-производственных комплексов и промышленных узлов. Решение социальных вопросов в большей степени нашло отражение в планах на следующее десятилетие (1981–1990 гг.), на счет которых было также принято специальное постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 1119. При подготовке данного постановления партийные руководители края уделили гораздо больше, чем ранее, внимания решению социальных вопросов, особенно в районах интенсивного промышленного строительства, где создание социальной сферы часто начиналось на пустом месте с нуля и поэтому требовало значительно больше различных средств и ресурсов, чем в уже обжитых местах. Тем более, что в государственной политике этого периода социальным вопросам придавалось большое значение.

По воспоминаниям одного из красноярских партийных руководителей 1960–1980-х гг. Л.Г. Сизова уже в процессе реализации мероприятий первой красноярской десятилетки комплексного развития производительных сил края стало ясно, что существует значительный перекося в сторону приоритетов производственного развития. Дальнейший успешный ход событий невозможен был без разработки специальных социальных программ. Об этом говорили многие партийные и советские руководители края, обращались с предложениями и рекомендациями в центральные органы государственного управления³⁶.

В результате удалось добиться увеличения доли социального строительства в капитальных вложениях в РНПО примерно до 30 %. В рамках постановления о комплексном развитии производительных сил Красноярского края в 1981–1990 гг. социально-экономическое развитие региона в перспективных планах страны стало планироваться отдельной строкой после Москвы и Ленинграда. Региональными руководителями это было оценено как величайшее достиже-

ние, которое сулило в условиях централизованного управления и распределения ресурсов большие блага³⁷.

Однако на практике объем выделяемых на непроизводственное строительство капитальных вложений в годы одиннадцатой пятилетки не превышал 19 %. Темпы строительства в целом в Красноярском крае стали снижаться по сравнению с предыдущим десятилетием. Заметное отставание наблюдалось при строительстве объектов социально-бытовой и культурной сферы в РНПО. Планы по вводу в эксплуатацию жилья, школ, объектов соцкультбыта хронически не выполнялись. Особенно тяжелое положение складывалось в населенных пунктах КАТЭКа, на строительстве Саянского алюминиевого завода и Богучанской ГЭС. На заседаниях крайкома КПСС высказывалось критическое отношение к политике ведомств, участвующих в строительстве в крае и в целом к политике государственного управления, которая не обеспечивала организационно и материально запланированные объемы строительства в крае. Многие руководители Красноярского края считали, что требуется пересмотр стратегических направлений развития базовых отраслей экономики как сибирской, так и в масштабе всей страны. Например, сформировавшаяся материальная база стройиндустрии в регионе, считавшаяся в 1970-е гг. вполне достаточной, в настоящее время перестала удовлетворять масштабное строительство. Не соответствуют намеченным планам и производство строительных материалов, и мощности строительных организаций³⁸.

Сложившаяся обстановка рассматривалась 26 марта 1985 г. на заседании коллегии Госплана СССР и затем на выездном совещании в августе 1986 г. в г. Красноярске. Здесь в крайкоме КПСС госплановские специалисты встретились не только с представителями партийного и советского руководства края, но и с директорами крупных предприятий истроек, плановыми работниками и учеными. В выступлениях первого заместителя Госплана СССР Бибина Л.А. и начальника отдела территориального планирования Битупова В.В. говорилось о том, что центральное государственное управление беспокоит снижение темпов производственного развития в Красноярском крае, которые вместо опережения неуклонно снижаются и в последний год стали даже ниже, чем в целом по стране. Откровенно заявлялось, что это недопустимо, так как ускорение развития эко-

номики СССР в первую очередь связывается с развитием восточных районов³⁹.

Аналитический доклад о развитии Красноярского края в 1971–1985 гг. сделал первый заместитель председателя крайисполкома Абакумов Ю.А. Он приводил доводы, основанные на научных расчетах, а также наблюдениях специалистов планового и экономического управления края. Выводы связывались с тем, что успешное производственное развитие не возможно без учета интересов людей, в нем участвующих. В районах нового индустриального строительства должна сложиться наконец-то практика опережающего строительства жилья и социально значимых объектов. Затраты на социальное развитие должны составлять не менее 1/3 всех капитальных затрат для того, чтобы обеспечить здесь населению более или менее сносное проживание и снизить очень затратный оборот кадров для предприятий истроек⁴⁰.

На совещании был принят целый ряд решений об интенсификации социально-экономического развития, о повышении в нем роли человеческого фактора. Конкретные программы разрабатывались позднее. Они в общих чертах были доложены генеральному секретарю ЦК КПСС Горбачеву М.С. осенью 1988 г. во время его поездки по Сибири, обсуждались в феврале 1989 г. на специальном совещании в крайкоме КПСС, посвященном перспективам социально-экономического развития Красноярского края на период до 2005 г., в работе которого приняли участие ответственные работники ЦК КПСС, Совета Министров СССР и РСФСР, госплановских структур, представители Академии наук, 15 министерств и ведомств, активно работающих в крае, краевые партийные, советские, комсомольские и профсоюзные работники. На совещании рассматривались основные положения «Схемы размещения и развития производительных сил Красноярского края в 1990–2000 гг. и на период до 2005 г.», в которой значимое место было отведено решению социальных проблем. В частности, предусматривалось дальнейшее развитие строительной индустрии и промышленности строительных материалов, наращивание производства продовольствия и других товаров народного потребления, расширение услуг и бытового обслуживания населения, улучшение экологической обстановки в крае и т.п. Подчеркивалось, что всё это крайне важно для РНПО, где социальные проблемы недооцениваются и решаются во вторую очередь после производственных⁴¹.

Время создания ЗСНГК совпало с пересмотром многих позиций в государственной политике в направлении хозяйственного освоения новых районов Сибири. В послевоенный период очень сильно стали меняться подходы вообще к новому индустриальному строительству, методам его организации и способам реализации планов и проектов. Активно стал использоваться программно-целевой метод реализации планов. Много говорилось о значении комплексного решения всех вопросов создания индустриальных районов и объединений, о заинтересованном участии советских людей в реализации масштабных программ развития производительных сил страны.

В то же время главная цель государственной политики в этот период заключалась в том, чтобы максимально сокращать неоправданные издержки при хозяйственном освоении РНПО Сибири, чтобы наметить такую стратегию их производственного развития, в котором бы социальная составляющая была достаточно мала. Данным целям должна была служить квалифицированная научная и проектная подготовка к реализации крупных индустриальных проектов, специальная миграционная политика, которая разрабатывалась бы на самом высоком государственном уровне и определяла рациональное, как казалось разработчикам и государственным политикам, перераспределение в стране трудовых ресурсов. На этот счет была разработана целая система мер, способствующих необходимой для решения намеченных проблем миграции населения из трудоизбыточных районов в трудонедостаточные, которыми, как правило, и являлись РНПО Сибири.

Однако люди не хотели быть только трудовыми ресурсами. Они мигрировали в соответствии не с государственными целями и решениями, а согласно своих желаний и устремлений. Районы СССР к востоку от Урала по своим природно-климатическим и социально-экономическим характеристикам были менее привлекательными, чем, например, районы юга и запада. Здесь население было в несколько раз более плотным, чем в восточных районах страны и оно увеличивалось более быстрыми темпами. В 1940–1970 гг. удельный вес населения Сибири и Дальнего Востока СССР увеличивался, но не так значительно (с 8,8 до 10,5 %), а в 1960–1970 гг. даже несколько снизился (с 10,8 до 10,5 %). В то время как доля населения южных районов изменилась с 13,0 до 18,6 %.⁴² В государственной политике

намеренно присутствовало стремление коренным образом изменить ситуацию.

В условиях решения многообразия сложных и взаимосвязанных проблем как экономического, так и социального порядка, которые возникали одновременно в РНПО, необходимым и закономерным являлось усиление регулирующей и управляющей роли государства. Это не являлось открытием и достижением руководства СССР, в котором существовала общегосударственная собственность на все ресурсы и средства производства при централизованно-плановом управлении экономикой. В 1960–1970-е гг. это уже стало мировой практикой. Многие страны мирового сообщества столкнулись с проблемами движения в малонаселенные и малоосвоенные человеком районы, богатые природными ресурсами, необходимыми для развития современной экономики.

В Канаде и США в 1960–1970-е гг. под руководством государственного управления создавалось сразу несколько территориально-производственных комплексов и промышленных объединений, происходило очень активное развитие самых различных организационных форм общегосударственного и регионального управления с применением научных методов целевого программирования. Для этого создавались специальные планово-координационные органы, вырабатывались оригинальные стратегии и практики координации межведомственных и межправительственных (федеральных и местных внутриштатных) отношений и интересов⁴³.

По мнению советских экономистов наиболее близок к нам был опыт Канады, в которой в послевоенное время при активном участии государства большое внимание уделялось разработке и реализации крупномасштабных программ вовлечения в хозяйственный оборот природных ресурсов, расположенных в северных районах. В Канаде в этот период в государственном управлении был апробирован целый ряд новых организационных форм и механизмов управления региональным развитием при формировании целевых комплексных производственных программ. На эти цели в плановом порядке закладывалось финансирование из государственных резервов. Государство эффективно контролировало и организовывало корпоративные интересы и отношения. В политике канадского правительства постепенно утвердился подход к управлению северными, богатыми природными ресурсами, районами как самостоятельным

субъектам административно-территориального управления, для которого создавались специализированные государственные учреждения в виде ведомств многоотраслевого характера по комплексному руководству правительственными мероприятиями на Севере. Для этой цели были образованы и межведомственные координационно-совещательные комиссии, сформированы относительно самостоятельные и независимые органы по управлению отдельными, наиболее крупными программами освоения ресурсов Севера страны⁴⁴.

Для более эффективного государственного управления разработкой природных ресурсов северных районов были учреждены государственные корпорации по отдельным отраслям и сферам экономики северных районов. Наиболее крупными из них в 1970-е гг. были корпорация по разработке минеральных ресурсов провинции Саскачеван, компания «Альберта энедж», созданная для обеспечения прямого участия правительства Альберты в освоении месторождений нефтеносных песков на северо-востоке провинции, «Джеймс Бей энедж корпорейшн», осуществляющая строительство и эксплуатацию крупнейшего гидроэнергетического комплекса на северо-западе провинции Квебек и др.⁴⁵

Центральным межведомственным координирующим органом федерального правительства Канады по вопросам северных территорий являлся Консультативный комитет по развитию Севера, созданный ещё в 1948 г. для согласования правительственной политики и выработке соответствующих рекомендаций Кабинету министров, а так же для координации текущих мероприятий федеральных ведомств и частных компаний. В комитет входили, как правило, высшие административные руководители (как минимум на уровне первого заместителя министров) 22 министерств и ведомств Канады, а также председатель Национального совета по энергетике и президенты трех основных государственных корпораций: Североканадской энергетической комиссии, Северной транспортной компании и Канадской корпорации жилищного строительства в северных районах⁴⁶.

Советские специалисты высоко оценивали канадский опыт государственного управления развитием северных территорий, но использование его и применение в полной мере в СССР было невозможным в силу существования целого ряда идеологических и политических доктрин, которые определяли его как капиталистический и неприемлемый для СССР. Вместе с тем, и что-то конкретное за-

имствовалось. Ведущие экономисты страны не могли не пройти мимо мировых достижений в этих вопросах. По предложению сибирских ученых были попытки создать координационные советы и комиссии по разработке и реализации комплексных программ Сибири.

Большой вклад в формировании стратегии развития региона вносила разработка учеными теории территориально-производственных комплексов (ТПК) и на её основе подготовка так называемых комплексных народнохозяйственных программ. На этот счет были проведены значительные научные изыскания и подготовлены методические и методологические рекомендации плановых и государственных управленческих организаций. Региональные социально-экономические комплексные программы рассматривались как слаженная система мероприятий, обеспечивающих сбалансированное решение в заданные сроки всех народно-хозяйственных и социальных проблем на определенной территории.

Неотъемлемой частью технико-экономического проектирования стало рассматриваться проведение предварительных скрупулезных и достаточно длительных во времени научных изысканий на территории предполагаемого ТПК, которые должны были дать всестороннее обоснование реализации всех намеченных хозяйственных планов. По крайней мере, так ставился вопрос об организации и управлении индустриальным строительством в РНПО Сибири в условиях научно-технической революции. Можно сказать, что с одной стороны, научно-технические достижения изменяли методы и способы освоения человеком всё новых территорий, а с другой – они ставили на повестку дня и использование совершенно иных технических и технологических средств и приемов. Более высокие стандарты производственных процессов в РНПО, более высокий уровень здесь механизации и автоматизации труда, его интенсификации, требовали и более квалифицированных кадров и соответственно населения, а значит, в общем комплексе задач должны были планироваться и решаться здесь задачи развития высшего и среднего образования, использоваться особые методы привлечения и закрепления квалифицированных кадров и т.п.

В процессе научных обсуждений было определено, что для результативного комплексного формирования РНПО Сибири роль пионерных отраслей здесь наряду с уже традиционными и известными: транспортным строительством, лесоразработками, добычей и обо-

гашением руд, должна играть научно-техническая подготовка района нового освоения. Здесь нужна иная, чем в старых и обжитых районах структура хозяйственного комплекса, иной состав трудовых ресурсов и соответственно населения. Наука, проектно-конструкторские организации, опытные производства и службы внедрения являются необходимыми элементами производственной инфраструктуры новых районов. Создание их должно во времени предшествовать разворачиванию собственно производственных отраслей.

Развитию данной тенденции в огромной мере способствовало создание Сибирского отделения Академии наук СССР. В своих исследованиях организованный в 1957–1958 гг. Институт экономики и организации промышленного производства (ИЭиОПП) к районам нового индустриального строительства сразу же проявил повышенный интерес. Социальные проблемы РНПО Сибири стали в ряду не просто актуальных научных проблем, а животрепещущих проблем социальной практики. Они активно изучались и рассматривались как в научных трудах ученых, так и в практике социального управления. Значительный вклад в их разработку вносили научно-практические конференции, организовывавшиеся в 1960–1970-е гг. при активном содействии центральных и региональных государственных организаций. Они в историческом контексте вполне могут рассматриваться как своеобразный феномен в разработке социально-экономической стратегии государства по отношению к РНПО Сибири. Они, с одной стороны, намечали необходимые направления стратегического развития, а с другой – подводили определенные итоги. Только по вопросам формирования ЗСНГК во второй половине 1960-х гг. их было организовано пять⁴⁷.

Наиболее серьезно социальные проблемы развития сибирских ТПК обсуждались на конференции по развитию производительных сил Сибири, которая проходила в 1969 г. сразу в нескольких сибирских городах: в Томске, Тюмени, Новосибирске. К этому времени уже значительно продвинулись в своём формировании целый ряд сибирских комплексов: Центрально-Красноярский, Кузбасский, Иркутско-Черемховский, Братско-Усть-Илимский, активно развивался Западно-Сибирский нефтегазовый. И везде социальные проблемы были острыми и требовали безотлагательного решения.

В целом ряде докладов на решении социальных вопросов был сделан основной акцент. В докладе академика Аганбегяна утверждалось,

что в научной и хозяйственно-управленческой практике идеи комплексного подхода к освоению новых территорий предполагают разработку не только основательных производственных программ, но и социальных, которые должны определять методы и формы привлечения трудоспособного населения, а также способы его адаптации и закрепления в малообжитых и освоенных человеком местах. Такой подход требует значительных научных изысканий, как предварительных, так и в процессе строительства. Для успешного решения проблемы комплексного развития ТПК требуется интеграция научного и производственного сообщества, которая должна проявиться уже в планировании, а затем в формировании новых территориально-производственных образований.

Вопросам формирования трудовых ресурсов и расселения на территории Западно-Сибирского нефтегазового комплекса был посвящен доклад Заславской Т.И., которая сообщила, что многолетние исследования её и возглавляемого ею научного коллектива свидетельствуют о необходимости коренного изменения в политике освоения сибирских территорий. Здесь требуется в самое ближайшее время пересмотреть сложившиеся нормы капиталовложений в производственную и непроизводственную сферы формирующихся ТПК. В целях повышения их экономической эффективности целесообразно планировать опережающее создание жилищной и культурно-бытовой инфраструктуры. Для того, чтобы эффективно осваивать нефтегазовые богатства Западной Сибири, необходимо вопросы заселения и обеспечения трудовыми ресурсами региона решать на уровне крупных народнохозяйственных проблем⁴⁸.

Конференция пришла к выводу, что генеральное направление экономической стратегии в СССР должно основываться на новом отношении к человеку, ради которого и должно происходить вовлечение сибирских богатств в народнохозяйственный оборот. Однако мнения ученых учитывались лишь в той мере, в которой они не противоречили интересам общегосударственной стратегии, где без сибирских ТПК уже не возможно было обойтись. Задачи формирования сибирских комплексов всё в большей степени обозначается в директивных документах народнохозяйственного планирования.

Утверждение в научной и хозяйственно-управленческой практике идей комплексного подхода к освоению новых территорий предполагало разработку не только основательных производственных

программ, но и социальных, которые должны определить методы и формы привлечения сюда трудоспособного населения, а также способов его адаптации и закрепления в малообжитых и освоенных человеком местах. Такой подход требовал значительных научных изысканий, как предварительных, так и в процессе индустриального строительства. С самого начала было ясно, что требуется интеграция научного и производственно-проектного сообщества. Для успешного решения проблемы комплексного развития РНПО требовали обширных и дорогостоящих предварительных научных изысканий не только технико-экономических, но и социологических, демографических, медико-биологических и проч.

Начало градостроительства при создании ЗСНГК было связано с попытками экономии на решении социальных проблем, когда расселение работников осуществлялось вблизи осваиваемых месторождений нефти и газа. Это коснулось строительства таких городов и рабочих поселков, как Сургут, Нижневартовск, Урай, Мегион, Нефтеюганск, Стрежевой, Надым, созданных в начале 1970-х гг. в нетронутых до этого хозяйственным освоением районах, а также молодых городов Новый Уренгой, Ноябрьск, Радужный, Лангепас, Нягань, Когалым, образовавшихся в начале 1980-х гг. Ведомства, озабоченные производственными планами, старались быстро и по-минимуму решить социальные проблемы для своих работников. В результате каждый город строился по типу хуторского хозяйства.

Но затем эта практика градостроительства и решения социальных вопросов была признана затратной и необоснованно дорогостоящей. В условиях северных территорий вряд ли возможно существование значительного количества мелких городков и рабочих поселков после выработки месторождений полезных ископаемых. Поэтому стратегия заселения была изменена. Для северных территорий Сибири, малонаселенных, с неблагоприятными природно-климатическими условиями, слабой транспортной инфраструктурой было признано наиболее приемлемой иная система расселения и соответственно социальной политики, основанная на так называемой экспедиционно-вахтовой организации производственной деятельности населения.

Процесс разработки комплексных социально-экономических программ для РНПО Сибири проходил через несколько этапов. Вначале разрабатывалась Генеральная схема развития производительных сил СССР, рассчитанная сразу на несколько пятилетий. Затем, в рамках

её определялись крупные ТПК и промышленные узлы, находящиеся во взаимосвязи и взаимодействии. И только потом разрабатывались долгосрочные программы развития отдельных регионов. Как правило, во второй половине XX столетия такие программы разрабатывались для всех восточных районов⁴⁹.

Градостроительная политика была частью социальных программ, главной целью которых определялся выбор наиболее оптимальных вариантов для создания новых городов и рабочих поселков и развития уже существующих. Основными элементами градостроительных программ являлся выбор принципов и характера застройки осваиваемых территорий с учетом типов поселений, их численности и функционального назначения. Уже в 1970-е гг. практически для всех РНПО Сибири разрабатывались прекрасные проекты городов и рабочих поселков. Однако их практическая реализация натывалась на огромную массу объективных и субъективных обстоятельств.

Разработке стройной и обоснованной социальной политики в РНПО Сибири часто мешала неопределенность производственной стратегии. Проектирование производственных объектов, как показывает исторический опыт, традиционно велось, как говорится «с колес». Уже в процессе строительства обсуждались и решались проблемы, которые иногда коренным образом изменяли ранее задуманные планы. Поэтому социальные проблемы на индустриальных новостройках Сибири решались очень противоречиво.

Первоначально основное градостроительство на Севере Западной Сибири намечалось в Среднем Приобье, где начали в 1960-е гг. эксплуатироваться первые крупные месторождения нефти и газа. Здесь планировалось строительство компактных городов с многоэтажными зданиями и по возможности сокращенными инженерными и транспортными коммуникациями в условиях заболоченной местности со сложными гидрогеологическими и природно-климатическими условиями. В этих городах планировалось постоянное население, которое может быть задействовано вахтово-экспедиционным методом в транспортном строительстве, при разработке месторождений, отдаленных от города, а в перспективе и в различных перерабатывающих отраслях, которые получают развитие в будущем. В 1970-е гг. эта концепция все в большей степени стала подвергаться сомнению. Ежегодно возрастала добыча полезных ископаемых. В промышленную разработку включались месторождения на территории Даль-

него Севера в Заполярье, где были ещё более суровые природно-климатические условия, а малонаселенность не позволяла вести работы уже сложившимися методами. Здесь активно стали применяться вахтово-экспедиционные. Научные изыскания подтверждали их эффективность в условиях Севера⁵⁰. Строительство вахтовых поселений не требовало значительных затрат по сравнению с крупными и благоустроенными для жизненного комфорта городами. Тем более, что медики и биологи своими исследованиями доказывали, что территория Крайнего Севера вообще является малопригодной для постоянного проживания.

Таким образом, постепенно в процессе обсуждений и научных изысканий под давлением обстоятельств разрабатывалась иная модель расселения на территории ЗСНГК, через которую предполагалось решать все социальные вопросы производственного и непроизводственного характера. Новая модель должна была состоять из трёх групп поселений. Самые крупные из них «опорные» города, под которыми понимались ближайшие, уже давно сформировавшиеся городские центры Западной Сибири, такие как Томск, Тюмень, Тобольск, находящиеся в южных благоприятных для проживания природно-климатических условиях и имеющие развитую производственную и в целом городскую инфраструктуру. Здесь при обычных затратах для городского строительства можно было решить проблемы обеспечения жильем и прочими объектами бытовой и социально-культурной сферы вахтовиков и их семей. Считалось, что население, проживающее в «опорных» городах, будет иметь возможность трудоустройства и после завершения строительных и эксплуатационных работ на нефтегазовых промыслах. В «опорном» городе есть возможность обучения в вузах и техникумах, профессиональной переподготовки и перепрофилирования, а также полноценного проведения досуга, роста культурного уровня, воспитания и обучения детей и т.д.

Следующим элементом новой системы расселения, предполагалось, станет «базовый» город, который приближен к местам разработки месторождений. Он может находиться в северной зоне, хотя и менее комфортной по сравнению с югом Западной Сибири, но вполне пригодной для проживания. Здесь может постоянно проживать население, работающее на предприятиях как расположенных в «базовом городе», так и за его пределами, на вахте. Строительство в таком городе более дорогостоящее, чем в южных районах, но при

должной организации и комплексном решении сможет обеспечить нужный экономический и социальный эффект. По мнению проектантов в «базовом городе» необходимо особенно внимательно учитывать социальные и демографические особенности проживающего населения, выполнять требования рациональности и комплексности застройки с обязательным выделением жилых микрорайонов, коммунально-бытовой и производственной сферы. Возможно строительство здесь больших театров, художественных салонов и галерей, крупных музеев не столь обязательно, но строительство полноценного молодежного жилья, представленного в основном отдельными одно-, двухкомнатными благоустроенными квартирами, объектов соцкультбыта необходимо. Рекомендовалось в «базовых» городах также строительство комфортных общежитий с отдельными комнатами для несемейных работников, Домов быта и Культуры, общественных центров досуга молодежи и т.п. Специально для северных городов ЗСНГК были разработаны проекты молодежных жилищных комплексов с полным набором элементов для комфортного проживания, которые были рекомендованы затем для городов и рабочих поселков БАМа и других районов нового освоения.

«Базовыми» центрами рекомендовалось определить уже сформировавшиеся города Приполярной зоны и Среднего Приобья: Сургут, Нижневартовск, Нефтеюганск, Урай, Стрежевой, Надым, Новый Уренгой, Ноябрьск и др. Некоторые из них, развиваясь, возможно в будущем смогут выполнять функции «опорных центров» для районов последующего освоения природных ресурсов, находящихся на Дальнем Севере.

Третья группа поселений – «вахтовые» поселки и городки, которые могли быть достаточно многочисленными. Они предназначались для размещения и проживания трудящихся – вахтовиков на период работы и располагались непосредственно в районах геологоразведки, нефте- и газодобычи, транспортного строительства. Считалось, что в них должен проживать ограниченный состав населения, предполагался только самый минимум объектов социально-культурного и бытового обслуживания таких, как: предприятия торговли и общественного питания, пункты бытовых услуг, библиотеки и спортивные залы, медицинские пункты с небольшим стационаром, почта, телеграф. В целом объекты социальной инфраструктуры в вахтовом поселке должны удовлетворять самые первичные

потребности людей в основных видах жизненных услуг с учетом территориальных и транспортных возможностей.

Проектанты отмечали, что по мере продвижения на север широкое распространение могут получить мобильные полевые городки, как разновидность «вахтовых» поселений, которые при необходимости несложно будет перевезти на новое место. В общем, специалистами рекомендовалось в стратегии комплексного развития ЗСНГК учитывать конкретные условия того или иного осваиваемого района, особенности территории, отраслевую принадлежность предприятия и т.д. Наиболее рациональным признавалось развитие социальной инфраструктуры «опорных» и «базовых» городов. Было подсчитано, что практическая реализация данного проекта позволит снизить капитальные вложения в развитие ЗСНГК на период 1986–2000 гг. на 1 млрд. 161 млн. рублей. Экономия годовых эксплуатационных затрат на содержание объектов социальной инфраструктуры может составить через пять лет 10 млн. руб., через десять лет – 24 млн. и через пятнадцать лет – около 62 млн. руб. с учетом затрат на вахтовые перевозки⁵¹.

Данная модель расселения, разработанная для ЗСНГК, была признана целесообразной и рекомендована для использования в других РНПО Сибири, находящихся в суровых природно-климатических условиях. В 1970–1980-е гг. важнейшим направлением совершенствования социально-экономического планирования и повышения уровня его научной обоснованности стала ориентация на создание долгосрочных целевых комплексных программ по решению важнейших народнохозяйственных проблем, в которых социальные вопросы рассматривались вместе с производственными, как неотъемлемая часть общих планов. В решениях XXV съезда КПСС отмечалось, что составление и практическая реализация таких программ приобретает всё большее значение. Их следует рассматривать как органические части государственных перспективных планов экономического и социального развития⁵².

Прежде чем попасть в решения партийного съезда вопросы социального планирования РНПО Сибири обсуждались и научно обосновывались. В январе 1980 г. Госплан СССР принял решение, в котором одобрил «Методические указания к разработке целевых комплексных программ по решению региональных проблем, формированию и развитию территориально-производственных комплексов»,

в которых определялось структура и содержание данных программ, порядок и этапы их составления⁵³. Таким образом, составление комплексных территориальных программ по хозяйственному освоению РНПО Сибири получили научно-теоретическое и юридическое обоснование.

В материалах октябрьского (1980 г.) Пленума ЦК КПСС отмечалось, что «каждая такая программа должна представлять собой обоснованный, опирающийся на точные расчеты план мероприятий, нацеленных на конечный результат, на полное решение той или иной проблемы. Важно, чтобы в программе были определены этапы и очередность решаемых задач»⁵⁴.

Ещё в большей степени необходимость социально-экономического развития восточных районов страны стала проявляться в государственной политике в 1980-е гг., когда стало ясно, что европейские районы, накопив значительный хозяйственный и социальный потенциал, исчерпали многие ресурсы для своего развития. В то же время, здесь требовалась интенсивная реконструкция и перевооружение предприятий, модернизация оборудования, улучшение использования созданных производственных фондов без увеличения численности работающих. Возможности строительства крупных предприятий здесь были ограничены, ограничены также возможности использования топливно-энергетических и сырьевых ресурсов. Поэтому дальнейший экономический, а следовательно и социальный рост мог быть связан только с развитием восточных районов.

Это отмечалось в главных стратегических документах государства, определялось в качестве основных задач социально-экономического развития СССР. В решениях XXVI съезда КПСС (1981 г.) и Основных направлениях экономического и социального развития на 1981–1985 гг. и на период до 1990 года предусматривалось дальнейшее увеличение роли восточных районов в общесоюзной экономике в целях повышения общей эффективности всего народнохозяйственного комплекса СССР. Для решения этих задач намечалось увеличить долю социальной составляющей в целевых комплексных региональных программах.

В 1980-е гг. в Госплане СССР и плановых организациях республик разрабатывались как основные государственные документы для социально-экономического развития «Схемы развития и размещения производительных сил административных и экономических районов

на период до 2000 и 2005 гг.». Методики и методология составления схем задавалась Центральным экономическим научно-исследовательским институтом при Госплане СССР, привлекались к работе и региональные партийные и научно-исследовательские организации. Партийные и советские органы на местах могли подавать свои предложения. Однако последнее слово в решении конкретных проблем оставалось за центральными государственными организациями. Тем более что схемы развития производительных сил составлялись не по административным, а экономическим районам, которые не имели своего регионального управления.

Значительный вклад в разработку целевых комплексных программ для РНПО Сибири внес коллектив научных работников Института экономики и организации промышленного производства СО РАН СССР, который выполнил целый ряд фундаментальных работ, связанных с прогнозированием долгосрочного развития восточных районов страны. Эти работы значительно обновили и усовершенствовали теоретические положения и методические подходы к перспективному планированию. Самое ценное, что была обоснована идея выделения проблемного аспекта планирования как предмета предплановых научных исследований и территориального планирования в условиях централизованного государственного управления и общественной собственности на средства производства. Правомерность такой постановки вопроса была подтверждена в процессе реализации Урало-Кузнецкого проекта, Ангара-Енисейской программы и других менее масштабных производственных комплексов Сибири.

Методологической основой разработки целевых комплексных программ для РНПО Сибири рекомендовался системный подход, который предполагал, что все элементы научного прогноза в рамках программы должны разрабатываться на основе единых методологических принципов: новый район рассматривается с одной стороны, как часть народнохозяйственного комплекса страны, а с другой – как сложная совокупность составляющих его отраслевых и территориальных подсистем. Комплексные программы имели долгосрочный характер, учитывали поэтапное и постепенное решение как производственных, так и социальных проблем, которые утверждалось, что должны решаться комплексно и рационально с учетом региональных особенностей того или иного РНПО Сибири.

В конце 1970-х – начале 1980-х гг. при Госплане СССР с участием ведущих научных экономических учреждений страны разрабатывалась Программа хозяйственного освоения зоны БАМа, в которой постепенно нарастала социальная составляющая. С первых же месяцев своей работы в 1974–1975 гг. Научный и координационный Совет по проблемам БАМ, возглавляемый академиком А.Г. Аган-бегином, пришел к выводу, что ключевыми проблемами строительства железнодорожной магистрали и хозяйственного освоения территории вокруг неё является не только решение производственно-технических вопросов, но и социальных. Это мнение звучало на Всесоюзных научно-практических конференциях, организованных Советом при активном участии всех заинтересованных и государственных управленческих организаций, в 1975 г. в Чите, в 1977 г. – в Благовещенске, в 1981 г. – в Улан-Удэ. На последней уже обсуждался более или менее конкретный проект Комплексной программы хозяйственного освоения зоны БАМ, рассчитанный на длительную перспективу⁵⁵.

В науке в этот период уже прочно утвердилась точка зрения, что для успешного формирования и развития территориально-производственного комплекса необходимо изначально определить систему последовательных действий и мероприятий, направленных на достижение конечной поставленной цели⁵⁶. Данная система содержит как минимум три важнейших этапа последовательных действий при реализации программы: научно-исследовательскую или предплановую подготовку территории; строительство и проектирование самого комплекса предприятий и его дальнейшее функционирование и развитие.

Предполагалось, что каждый из этих этапов должен сопровождаться соответствующей программой социального развития, все намечаемые мероприятия должны строиться в строгой последовательности по отношению к друг другу и иметь четкую адресность в виде задания тому или иному министерству, ведомству или другому конкретному исполнителю, которые должны учитывать, что каждая территориальная и хозяйственная система имеет свои специфические особенности. В тоже время все крупные региональные программы Сибири и Дальнего Востока могут иметь и общие закономерности, которые необходимо также рассматривать при разработке конкретных производственных и социальных вопросов для РНПО.

Обобщенный и систематизированный Научным Советом АН СССР по проблемам БАМ богатый предплановый материал позволил Госплану СССР с привлечением широкого круга министерств и ведомств подготовить целевую комплексную программу хозяйственного освоения зоны магистрали в качестве планового стратегического документа, в котором важное место занимала социальная составляющая. Например, одним из основных принципов реализации программы предусматривалась строго трудосберегающая политика и ориентация в производственной деятельности на минимальное количество привлекаемых кадров, а следовательно и населения в зону БАМ. Поэтому важной частью программы являлось использование здесь самой производительной и высокоэффективной техники и технологии производственных процессов с целью максимального повышения производительности труда и тем самым снижения потребностей в трудовых ресурсах.

В программе намечались опережающие темпы создания инфраструктуры и в первую очередь социально-бытового обустройства территории с учетом региональных экономических, социально-демографических и природно-климатических особенностей. Производственная программа, безусловно, потребует привлечения большого количества трудовых ресурсов из других районов страны. Поэтому, данная политика должна быть максимально эффективной. Создание социальной сферы городов и рабочих поселков в зоне БАМ должно происходить высокими темпами. Без этого невозможно рассчитывать на закрепление рабочей силы и специалистов в основных производственных коллективах.

При разработке Комплексной программы хозяйственного освоения зоны БАМ учеными и специалистами на основании расчетов и изучения мирового и отечественного опыта освоения пионерных территорий, предлагалось усовершенствовать уже существующую систему северных льгот и дополнительных выплат к заработной плате. Для зоны БАМ предлагалось установить для всех рабочих, ИТР и служащих, независимо от их ведомственной принадлежности единый коэффициент к заработной плате 1,7. Учитывая неоднородность этого региона, целесообразно по сложности условий труда и жизни установить «вилку» для коэффициента к зарплате работников. Для закрепления кадров важно связать размер заработной платы с продолжительностью стажа работы на предприятиях и в учрежде-

ниях зоны. Считалось, что целесообразно ввести выплаты за выслугу лет и надбавки к заработной плате в зависимости от стажа работы всем категориям рабочих и служащих в тех районах зоны, где коэффициент к зарплате будет выше 1,5⁵⁷.

С целью закрепления кадров на строительстве Байкало-Амурской магистрали была разработана целая система специальных льгот, действовавших в масштабе страны. Например, внеочередная покупка легкового автомобиля или кооперативной квартиры в крупных городах СССР. Эти льготы оказались довольно действенными. К 1980 г. в трудовых коллективах, работающих на строительстве БАМа, практически не было недостатка в кадрах⁵⁸. Однако в целом эти меры не способствовали закреплению населения в регионе, а скорее способствовали его оттоку после окончания строительства. Для зоны БАМа эта ситуация могла быть признана нормальной, так как в 1980-е гг. строительство железнодорожной магистрали заканчивалось, а создание промышленных предприятий не было определенным и строители здесь не могли быть задействованы. В других РНПО Сибири, где перспективы хозяйственного развития были более определенными и требовалось стабильное население, данные меры и льготы могли оказаться малоэффективными и даже вредными.

Было подсчитано, что удельный вес затрат на социально-бытовую инфраструктуру на первоначальном этапе нового индустриального строительства должен составлять не менее 1/3 общих капитальных затрат. Важное место в комплексе отраслей социально-бытового обслуживания должны занять предприятия медицинского и культурно-бытового профиля, обеспеченность которыми и создаёт тот жизненный комфорт для населения, который способствует его приживаемости в новом районе. Расчеты, выполненные Центральным экономическим НИИ при Госплане РСФСР при разработке программы хозяйственного освоения зоны БАМ, показали необходимость не ограничиваться для РНПО Сибири и Дальнего Востока средними показателями по стране, а принимать нормативы более высокие с учетом перспектив развития того или иного района. Особенно обеспечение медицинскими, дошкольными и школьными учреждениями должно превышать примерно на 12 % среднереспубликанские показатели.

В программе предлагалось определить четко каждому министерству-застройщику в зоне БАМа его долю затрат в развитие соци-

альной инфраструктуры. В каждом районе строительства представлялось целесообразным иметь генерального заказчика по формированию объектов непроизводственной сферы. Министерства и ведомства, ведущие строительство в зоне, должны передавать запланированные на социальное строительство средства этим генеральным заказчикам, которые и будут ответственными за контроль и выполнение планов по социальному строительству. Его в свою очередь целесообразно вести в основном силами специализированных организаций.

С развитием городов и рабочих поселков в процессе формирования территориально-производственных комплексов в зоне БАМ возможно постепенно передавать функции единого генерального заказчика местным Советам народных депутатов. Таким образом, по предложенной схеме делались попытки избежать недостатков ведомственного подхода в решении социальных проблем в РНПО и способствовать там процессам успешного и эффективного формирования и закрепления населения. Опыт разработки комплексной программы социального развития зоны БАМ предполагалось активно использовать и в других районах Сибири и Дальнего Востока, где намечалось в 12 и 13 пятилетках крупные индустриальные новостройки, в том числе и в северных малозаселенных районах.

Большие масштабы индустриального строительства в Сибири на повестку дня выдвинули экологические проблемы, которые также необходимо было учитывать при составлении комплексных программ социального развития в РНПО. Забота о сохранении природной среды стала неотъемлемой частью общей государственной и региональной политики. Постепенно экологическая политика сложилась как система политических, социально-экономических, юридических и иных мер, принимаемых государством для управления экологической ситуацией в условиях масштабного использования природных ресурсов. К сожалению, забота об экологическом состоянии РНПО, также как и создание благоприятной социальной обстановки для проживания населения, проявлялась в вынужденных обстоятельствах, когда экологические проблемы крайне обострялись. Строительство крупных индустриальных объектов в ранее необжитых районах было мощным фактором воздействия на природу, приводило к истощению ресурсов, загрязнению среды жиз-

недеятельности людей в промышленных зонах и в целом к напряженной экологической ситуации в РНПО.

Таким образом, разработка комплексных программ социального развития для районов нового промышленного освоения Сибири в 1950–1980-е гг. постепенно превратилась в особое направление государственной политики, которое развивалось и функционировало с учетом решения целого спектра взаимосвязанных и взаимообусловленных социальных проблем. Они в процессе активного индустриального строительства в регионе, связанного с урбанизацией и модернизацией в целом жизни и производства, подчас требовали неотложного и специфического решения применительно к каждому РНПО. Поэтому требовались предварительные предплановые научные и проектные исследования. Вместе с тем, в реальной жизни эти закономерности было проще выявить в процессе научного изучения, чем учесть на практике, в которой чаще всего под давлением политических обстоятельств игнорировались данные науки и научного проектирования.

Глава IV. Особенности государственной миграционной политики и формирования населения.

Формирование населения – сложный и опосредованный процесс, основывающийся на двух базовых составляющих: естественном приросте, происходящем в результате рождения и смертности населения, и механическом движении, которое представляет собой различные виды территориального перемещения людей в процессе их жизнедеятельности. В РНПО Сибири эти названные явления имели свои характерные особенности.

Районы нового промышленного освоения, как правило, находились в более суровых природно-климатических условиях по сравнению с обжитыми территориями, были удалены от хозяйственных и социокультурных центров, имели слабую заселенность и малую численность населения, что изначально предопределяло привлечение сюда значительных контингентов людей для решения намеченных хозяйственных задач. Поэтому государственное управление на этот счет разрабатывало особую миграционную политику, которая в

значительной степени определяла процессы формирования населения в РНПО. В свою очередь, миграционное движение рассматривалось здесь исключительно как механизм для создания индустриального кадрового потенциала.

В 1930–1940-е гг. приток населения в Сибирь был связан с реализацией конкретных планов «очагового» промышленного строительства, например, возведением предприятий в Кузбассе в рамках создания Урало-Кузнецкого комбината, Норильского никелевого завода и т.п. Обеспечение трудовыми ресурсами происходило в основном мобилизационными путями, связанными с принудительными и насильственными методами привлечения людей, особенно на северные новостройки. Так, массовую рабочую силу на рудниках в бассейне Колымы составляли заключенные. В 1940 г. в «Дальстрое», организовывавшем добычу олова и золота в Колымском крае, их было занято около 90 тыс. и только 3 тыс. вольнонаемных⁵⁹.

Примерно такой же состав работников был на производственных площадках Норильска. Через Норильлаг за годы его существования (1935–1956) прошло свыше 300 тыс. человек. На 1 января 1951 г. в норильских подразделениях ГУЛАГа трудилось свыше 70 тыс. заключенных. Согласно специальным инструкциям в Норильск предписывалось посылать исключительно физически крепких и работоспособных мужчин в возрасте от 22 до 50 лет, предпочтительно имеющих рабочие и инженерно-технические специальности. До начала 1950-х гг. практически полностью рабочие кадры Норильска формировались за счет заключенных. Затем с разворотом работ на Норильских производственных площадках и одновременно с начавшейся после 1953 г. амнистией политзаключенных, которая усугубила недостаток рабочих рук, предприятиям и стройкам был разрешен прием вольнонаемных. Однако вольнонаемные были, как правило, из бывших узников ГУЛАГа или спецпереселенцев, которых трудно было организовать на сознательный и высокопроизводительный труд. Один из руководителей управления строительством Норильского комбината в своем докладе «О кадровых проблемах Норильска за 1955 г.» писал, что в подведомственных ему подразделениях трудятся примерно 25 тыс. вольнонаемных работников. Из них около 20 тыс. бывшие заключенные и спецпереселенцы, имеющие низкую квалификацию и хронически не выполняющие производственные нормы⁶⁰.

Особенности формирования кадрового потенциала в 1930–1940-е гг. оказывали существенное влияние на численность и состав населения РНПО. Наиболее ярко это проявилось в Норильске, когда со свертыванием деятельности ГУЛАГа предприятия стали испытывать острейший дефицит кадров и вынуждены были принимать бывших заключенных в качестве вольнонаемной рабочей силы. Это создавало серьезные проблемы на предприятиях и среди населения города. Бывшие уголовники представляли собой опасный криминальный контингент, совершали новые преступления. Осужденные за растраты и хищения часто занимали посты административно-хозяйственных и бухгалтерских работников, которые они не должны были занимать.

31 марта 1958 г. этим острым проблемам было посвящено заседание Норильского горкома КПСС, где говорилось, что беспечность партийных и административных руководителей комбината привела к тому, что город Норильск пора объявлять на «осадном положении». В последние годы в нем сильно выросла преступность. Повседневной жизнью стали грабежи «посередь белого дня», убийства, бандитизм. Предприятия, решая кадровые задачи, принимали на работу непроверенных людей, которые совершали новые преступления. Бюро Норильского горкома КПСС приняло Постановление «О фактах политической беспечности по отношению к бывшим заключенным», в котором наметило целый ряд мер по наведению порядка в городе и в производственных подразделениях Норильского комбината. Руководителям вменялась в обязанность строго проверять, каких людей принимают они на работу, и нести полную ответственность за проявленную халатность или беспечность, допущенную в приеме на работу бывших заключенных⁶¹.

15 апреля 1958 г. начальник кадровой инспекции полковник Синицын Ф.И. докладывал, что на комбинате приняты меры по индивидуальному подходу к приему на работу бывших заключенных. Решено было лиц, ранее осужденных за уголовные преступления, принимать на работу в качестве строительных рабочих, в особые бригады, где возможен контроль и надзор за ними. Особо выделялась группа специалистов: инженеров, техников, счетных работников и бывших административно-хозяйственных руководителей, осужденных за политические преступления. Они по просьбе руководства

предприятий оставались на своих постах до появления возможностей замены⁶².

Таким образом, администрации предприятий истроек, партийные и советские органы Норильского промышленного района пытались решить проблемы кадров и населения в складывающихся обстоятельствах. В целом, проблемы обеспечения кадрами РНПО Сибири, которые были тесно связаны с проблемами формирования населения, в начале 1950-х гг. детерминировались двумя главными факторами: с одной стороны, последствиями демонтажа ГУЛАГовской системы, а с другой – необходимостью ускорения в общегосударственных интересах социально-экономического развития восточных районов СССР, в том числе и Сибири. Здесь в 1950-е гг. начала реализовываться разрабатывавшаяся ещё в 1920–1930-е гг. Ангаро-Енисейская энергетическая программа, были сделаны первые открытия крупнейших в мире нефтегазоносных месторождений. Всё это вносило значительные изменения в ранее намеченные планы индустриального строительства СССР. Заметный отпечаток накладывался всё возрастающими темпами научно-технического прогресса в индустриальном развитии страны, когда требовались кадры более высокого, чем ранее, уровня общего и профессионального образования, более высокой квалификации.

В решениях съездов КПСС, в директивах пятилетних планов в Сибири планировалось крупное промышленно-транспортное и энергетическое строительство, что всячески пропагандировалось и поддерживалось на всех уровнях государственного управления. Уже в начале 1950-х гг. было ясно, что индустриальное строительство в Сибири требует иных, чем ранее методов и подходов, совершенно новых политических решений, а соответственно и форм их претворения в жизнь.

В первую очередь новые принципы стали проявляться в миграционной политике. К её разработке были подключены ученые, которые путем несложных расчетов сделали выводы, что для того, чтобы иметь в РНПО стабильные и квалифицированные кадры, необходимо создать там не просто хорошие, а лучшие условия для работы и проживания людей по сравнению с другими районами страны⁶³. Главными целями миграционной политики стали рассматриваться не только задачи перераспределения трудоспособного населения в пользу восточных и северо-восточных районов, но и соз-

дание целой системы мер, способствующих заинтересованности людей поехать туда на относительно длительный период. На миграционные службы были возложены новые обязанности. Они должны были заниматься информированием желающих переселиться в РНПО Сибири, совместно с другими органами государственного управления разрабатывать систему материального и морального стимулирования миграции в Сибирь.

Существенным фактором в процессах формирования населения являлась реальная активизация хозяйственной жизни в том или ином районе Сибири. Новое строительство привлекало людей, становилось мощным стимулом роста населения. До начала промышленного освоения большинство районов были слабозаселенными. Так, в Среднем Приангарье, где происходило формирование Братско-Усть-Илимского ТПК на 1 января 1955 г. проживало всего около 76 тыс. человек, что составляло плотность населения менее одного человека на кв. км. Ещё менее населенными были районы севера Западной Сибири до начала освоения нефтегазовых месторождений⁶⁴.

На индустриальные стройки прибывало множество людей и не только из ближайших сел и городов, но и других регионов страны. Поэтому все РНПО Сибири в начальный период своего развития отличались значительным ростом населения. Так, население района Братско-Усть-Илимского ТПК в течение первого десятилетия (1955–1966 гг.) увеличилось с 75,8 тыс. чел. до 258,5. Население Тюменской области за 1970–1981 гг. выросло на 610 тыс. чел. Среднегодовые темпы прироста более чем в 9 раз превышали республиканские показатели и были самыми высокими в России. Ещё более они увеличились в 1980-е гг., когда началось форсирование разработки нефтяных и газовых месторождений с целью значительного увеличения добычи полезных ископаемых. Население Ямало-Ненецкого автономного округа в 1981–1985 гг. увеличилось примерно в два раза. Прирост составил более 90 тыс. человек. Если в начальный период освоения нефтегазовых месторождений Ямала доля его насчитывала лишь 5,1 % среди населения области, то к середине 1980-х гг. – 14,3 %.⁶⁵ В 1986–1987 гг. за счет северных районов Тюменская область получила самый высокий за всю историю прирост населения, который составил около 400 тыс. человек. Среднегодовые темпы

прироста населения Тюменской области в 1981–1990 гг. были самыми высокими в Сибири⁶⁶.

Быстрее всего росло число жителей городов и рабочих поселков, где сосредотачивалось строительство основных промышленных или энергетических объектов. Вначале строители давали главный прирост населения РНПО, но затем с пуском в эксплуатацию основных градообразующих предприятий сюда прибывали и представители других профессий и специальностей. Начальный период рождения новых городов характеризовался самыми высокими темпами роста населения. Например, численность населения Братска с 1955 по 1965 г. увеличилась в 12 раз, Железногорска-Илимского с 1959 по 1965 г. – в 7 раз, Усть-Илимска с 1967 по 1977 г. в 14 раз.⁶⁷

Анализ данных Всесоюзных переписей показывает, что население Сибири и Дальнего Востока в изучаемый нами период в целом росло, но не очень высокими темпами. За 1959–1979 гг. его общий удельный вес в масштабе страны даже несколько сократился. Главный прирост населения Сибири происходил за счет районов нового промышленного освоения. Здесь темпы роста городского населения значительно превышали региональные и среднесоюзные данные. Самые высокие показатели роста городского населения были в районах интенсивного индустриального строительства и разработки месторождений полезных ископаемых. Так, в Тюменской области городское население увеличилось в 3 раза, в Ханты-Мансийском автономном округе – в 13,4 раза. В Восточной Сибири из 2,4 млн. человек прироста городского населения почти половина приходилась на новые города региона⁶⁸.

Ориентация на городские поселения в РНПО Сибири прослеживается при реализации всех крупных индустриальных проектов в регионе, которые предусматривали одновременно с производственным и городское строительство. На конференции по изучению производительных сил Иркутской области в августе 1947 г. во многих выступлениях говорилось о том, что выполнение масштабной энергетической Ангаро-Енисейской программы должно сопровождаться созданием так называемых «промгородов», в которых будут сосредоточены в едином комплексе энергетические и перерабатывающие сырьё предприятия. Первыми городами такого плана были призваны стать как уже давно существующие городские центры (Иркутск, Черемхово, Зима и др.) так и вновь построенные. В 1951–1954 гг.

Центральным Государственным Всесоюзным институтом городского проектирования (Гипрогор) в г. Москве была разработана схема районной планировки Иркутско-Черемховского промышленного района на территории площадью около 800 кв. км, в которой наряду с размещением предприятий предусматривалось строительство «промгородов» с населением от 50 до 200 тыс. чел. Первыми новыми городскими центрами, которые стали строиться уже в начале 1950-х гг., стали города Ангарск, Байкальск, Шелехово. За 1940–1962 гг. в Иркутской области число городов областного подчинения увеличилось в 3,5 раза, рабочих поселков городского типа в 2,5 раза. К 1990 г. горожане составляли около 80 % всех жителей региона, большинство из которых проживало в крупных промышленных центрах, получивших своё развитие во второй половине XX столетия⁶⁹.

Стратегический курс на урбанистическое развитие РНПО Сибири продолжился и при освоении нефтегазовых районов севера Западной Сибири, при строительстве КАТЭКа, БАМа, Якутских горно-промышленных комплексов и т.д. Районы нового индустриального строительства со временем превращались в высокоурбанизированные, с преобладанием городских поселений и городских жителей по сравнению с уже давно обжитыми районами Сибири.

Увеличение населения главным образом происходило за счет механического прироста, обеспечивающегося активным миграционным движением, которое особенно в начальный период развертывания индустриальных новостроек было очень значительным. Миграция должна была обеспечить необходимыми кадрами возведение в запланированные и достаточно короткие сроки основных производственных объектов. В этот период за счет прибытия из различных регионов страны происходил основной прирост жителей в новых индустриальных поселениях. Вместе с тем значительный приток сопровождался и значительным оттоком. В результате сибирские новостройки характеризовались высоким миграционным оборотом. В 1959–1970-х гг. он был самым большим в районах нефтегазовой добычи Западной Сибири, где превышал данные по другим районам Сибири и Дальнего Востока на 25 %⁷⁰.

Основные тенденции не изменились и в последующие годы. Многочисленные наблюдения специалистов в 1970–1980-е гг. констатировали, что и в этот период рост городского населения в зонах нового промышленного строительства также происходил за счет высо-

ких темпов миграционного движения. Разработка нефтегазоносных месторождений Тюменской и Томской областей, комплексное развитие производительных сил Красноярского края, строительство БАМ не обходились без привлечения населения в эти районы. Мероприятия государственной миграционной политики благоприятно сказывались на притоке населения в районы нового индустриального строительства. Кроме того, в начале 1970-х гг. для восточных регионов страны были введены коэффициенты к заработной плате. Для районов значимых для страны новостроек вводились дополнительные льготы и выплаты. Всё вместе взятое положительным образом сказывалось на желании приехать в Сибирь. Однако желающих уехать из Сибири было также значительное количество. В итоге общая численность населения региона росла не так быстро. Подсчитано, что вследствие миграционного оттока из общего прироста населения Сибири в 1975–1985 гг. терялся каждый четвертый. Это превращалось в серьёзную проблему для РНПО, так как уезжали, как правило, опытные и квалифицированные работники, способные устроиться в более благоприятных для жизни европейских или южных районах страны. Высокий миграционный оборот был особенно характерен для северных районов ЗСНГК, зоны БАМ, Якутской АССР. Положительное сальдо миграции в Сибири наблюдалось лишь в годы X пятилетки⁷¹.

Естественный прирост начинал постепенно играть свою роль в процессе формирования населения индустриальных новостроек Сибири. На новое строительство прибывала в основном молодежь, которая постепенно обживалась в новых поселениях и создавала семьи. В новых городах, как правило, рождаемость была гораздо выше, чем в старых и давно обжитых населенных пунктах, но она не сразу давала себя знать в росте населения. В то время как механический приток сразу давал результат.

Нами проведено исследование процесса формирования городского населения в зоне КАТЭКа в 1956–1983 гг., в результате которого выяснено, что периоды активного производственного строительства здесь совпадали с периодами наиболее значительного роста населения в городах и рабочих поселках, где происходило данное строительство. Механический прирост населения сопровождался и более высоким уровнем рождаемости и соответственно естественным приростом. Так, периоду интенсивного развития городов Назарово и

Бородино в конце 1940–1950-е гг. соответствовала высокая рождаемость населения, превышающая уровень её в целом по стране и краю. Одновременно наблюдалась меньшая смертность. А это в целом давало более значительный естественный прирост⁷².

Этот вывод подтверждают данные по формированию населения города Шарыпово в 1980-е гг., когда он переживал период своего интенсивного развития в связи с разворотом строительства крупнейших предприятий Березовского угледобывающего разреза и Березовской ГРЭС-1. Естественный прирост в городе значительно превышал средние краевые и союзные показатели. В 1981 г. в первый же год существования Шарыпово как города в городском бюро ЗАГСа было зарегистрировано 527 детей или 25 на 1000 жителей. В 1982 г. на 1000 жителей уже было зарегистрировано 34 ребенка, а в 1983 г. – 64, в то время как в среднем по краю эти показатели не превышали 20 детей на 1000 чел. населения⁷³.

Такое положение объяснялось в первую очередь особенностями половозрастной структуры населения развивающихся индустриальных городов, среди жителей которых преобладали молодые люди в возрасте до 30 лет, вступающие в браки втрое чаще, чем население более старших возрастов⁷⁴. С окончанием периода активного производственного строительства темпы роста населения снижались, соответственно снижались и показатели естественного прироста. В свою очередь значительно уменьшались и миграционные потоки.

Таким образом, можно сделать вывод, что формирование населения в РНПО Сибири в изучаемый нами период находилось в прямой зависимости от активности производственного строительства. Интенсивность миграционного движения связывалась, как правило, с расширением фронта работ по возведению и пуску в эксплуатацию производственных объектов, когда увеличивалось количество рабочих мест и потребность в трудовых ресурсах, а соответственно происходил и больший рост населения. Так, в связи с разворотом строительства Братской ГЭС, Братского лесопромышленного комплекса и алюминиевого завода в 1955–1961 гг. среднегодовой прирост населения Среднего Приангарья был самым высоким, затем постепенно снижался⁷⁵. В 1969–1970 гг. в Нижневартовске высокие темпы роста населения были связаны с началом освоения Самотлорского нефтяного месторождения, в Сургуте – со строительством ГРЭС и т.д.⁷⁶

На рост и формирование населения РНПО Сибири большое влияние оказывала динамика реализации производственных планов, которая при строительстве многих всемирно известных объектов сибирской индустрии второй половины XX в. не отличалась стабильностью. Так, строительство Красноярской ГЭС, активно начавшееся в 1956 г., затем приостановилось. В государственном управлении самого высокого ранга появились сомнения в правомерности её сооружения. Несколько лет, пока происходили многочисленные согласования и подсчеты экономической эффективности будущего энергетического производства, основные работы по сооружению ГЭС не проводились. Медленными темпами велось дорожное строительство, которое было жизненно важным для новостройки, так как она, находясь в 35 км от Красноярска, не была связана с ним элементарной шоссейной дорогой. Предпринимались попытки строить поселок гидростроителей Дивногорск. В 1957–1958 гг. строительство вообще прекратилось, значительно сократилось финансирование, не выделялись лимиты по труду, фонды на оборудование и строительные материалы. В декабре 1958 г. главный инженер управления строительством Красноярской ГЭС Севенард К.Р., обращаясь за помощью в Красноярский крайком КПСС, писал в докладной записке, что «коллектив строителей численностью в 6 тыс. человек поставлен в тяжелые условия», находится на грани расформирования⁷⁷.

Однако региональные власти не решали таких проблем. В это время в правительстве СССР и Государственном плановом комитете обсуждался вопрос: продолжать ли строительство Красноярской ГЭС или строить более дешевые по капитальным затратам теплоэлектростанции на углях Канско-Ачинского бассейна. Только к концу 1959 г. с помощью изысканий специалистов Всесоюзных институтов Теплоэлектропроект и Гидроэнергопроект (г. Москва), удалось доказать правомерность строительства Красноярской ГЭС, которое хотя и требовало больших капитальных вложений по сравнению с теплоэлектростанциями, но в перспективе позволяло получить больший экономический и экологический эффект. Себестоимость одного кВт/час электроэнергии, выработанной на ГЭС, по подсчетам должна будет составлять всего 0,5 коп. В то время как на ТЭЦ – не менее 2 коп.⁷⁸

Ситуация на строительстве Красноярской ГЭС более или менее стабилизировалась только в 1960 г. Не соответствие планов произ-

водственного строительства и реальных действий по их претворению в жизнь были характерны практически для всех индустриальных новостроек Сибири. В условиях жестко централизованного государственного управления формированием РНПО через систему различных министерств и ведомств это было неизбежным явлением. Хронически нарушались сроки возведения производственных объектов, которые должны были вступать в эксплуатацию одновременно и сочетаться по своему назначению. Например, при строительстве Назаровской ГРЭС отставало строительство линий электропередач и вспомогательных предприятий. При строительстве Ачинского глиноземного комбината отставало строительство Кия-Шалтырского рудника и дорог к нему, цементного завода, который должен работать в единой цепочке с глиноземным производством и использовать для выработки цемента его отходы⁷⁹.

Нестабильность в выполнении производственных планов влияли на формирование населения. С одной стороны, ситуация не способствовала притоку новых людей, а с другой создавала настроение отъезда у уже проживающих. В такие периоды население районов индустриального строительства приостанавливалось в своем росте, а отдельные поселения даже теряли своих жителей, которые стремились переехать в более перспективные с точки зрения развития производства и заработка места.

В целом главной задачей государственной миграционной политики в рассматриваемый нами период было стремление перераспределить трудовые ресурсы страны в пользу восточных районов, в том числе и сибирского региона, где намечалось активное освоение природных ресурсов, строительство новых крупных предприятий и формирование экономически эффективных территориально-производственных комплексов.

Второй не менее важной задачей рассматривалось закрепление населения в регионе, особенно в новых промышленных центрах Сибири, максимального снижения его обратного оттока за пределы региона. Для достижения этих двух основных целей определялись и строились все мероприятия государственной миграционной политики, которые в конечном итоге должны были дать результат – обеспечить РНПО Сибири трудовыми ресурсами для решения производственных задач. Но, если первая задача решалась более или менее успешно, то вторая крайне неравномерно и противоречиво.

Специальные пропагандистские мероприятия, решения о дополнительных льготах и выплатах привлекали большое количество людей, желающих поехать в Сибирь. Вместе с тем приживаемость приехавших на новостройки была очень слабой. Проблемы закрепления населения в РНПО Сибири в рамках советского государственного управления решались, как правило, ведомствами, которые действовали по своему усмотрению, часто отдавая приоритет производственным проблемам.

Территориально-географические источники пополнения населения РНПО Сибири определялись влиянием нескольких факторов. Здесь специалистами была выявлена некая закономерность в том, что если новые поселения создавались в отдаленных районах с суровыми климатическими условиями и низкой плотностью населения, то они привлекали людей из трудоизбыточных и густонаселенных районов страны, независимо от того, где они находились, возможно, и на значительном расстоянии. При строительстве же новых городов в относительно обжитых районах, например, на юге Сибири, население их формировалось в значительной мере за счет населения окружающего региона. Это можно сказать о формировании населения городов Дивногорска, Саяногорска, Шелехово и др. Строящиеся новые города в благоприятных для жизни районах с хорошими перспективами социально-экономического развития всегда привлекали сельское население. Иногда это превращалось в значительную проблему, так как лишало трудовых ресурсов другие отрасли района, например, сельское хозяйство, транспорт, которые также должны были служить целям формирования промышленных комплексов, обеспечения их населения продовольствием и т.п.

Наиболее показательно в этом отношении развитие промышленной зоны КАТЭКа. Здесь в конце 1940-х – начале 1950-х гг. на строительство первых разрезов прибывали исключительно жители прилегающих районов Красноярского края. Так, Назаровская районная газета «Ударник пятилетки» в 1948 г. (20 августа) сообщала, что строительство угольного разреза ведется рабочими из местного населения, «которые за период своей работы на строительстве приобрели новые специальности и с любовью взялись за созидательный труд строителя». При сооружении разреза «Бородинский» отмечалось активное участие бывших жителей Канска, Заозерного, колхозников Рыбинского района. Для укрепления партийной организа-

ции строительного управления Красноярский крайком КПСС направил 40 коммунистов – передовиков производства из числа рабочих промышленных предприятий, с которыми прибыли и несколько десятков беспартийных, пожелавших испытать себя на новом строительстве⁸⁰.

Ведущую роль в формировании контингентов горожан КАТЭКа продолжало играть население окружающих районов Красноярского края и в последующие годы. Это показали исследования экономистов и социологов в 1970-е гг.⁸¹, подтвердили и данные нашего социологического обследования в 1982 г., проведенного среди трудящихся основных предприятий комплекса. В трудовых коллективах промышленных предприятий выходцы из Красноярского края и близлежащих районов Сибири составляли основную часть трудящихся. Среди работников разреза «Назаровский» таких было 91,1 %, разрезов «Бородинский» и «Березовский» около 84 %⁸².

В составе работников строительных организаций по сравнению с промышленными предприятиями доля выходцев из Красноярского края была значительно меньше, так как строительные организации имели более широкий диапазон формирования кадров. Первое строительное управление по возведению объектов КАТЭКа в г. Шарыпово было организовано в рамках треста Кузнецкэнергострой, базирующегося в г. Новокузнецке, с переводом нескольких десятков наиболее квалифицированных строителей. В 1980-е гг. на строительные площадки КАТЭКа были привлечены и другие крупные организации Сибири: Красноярскгэсстрой, Таймырэнергострой, Братскгэсстрой. Ареал формирования населения городов КАТЭКа расширился за счет прибытия бывших жителей сибирских городов: Дивногорска, Норильска, Братска, Усть-Илимска, Нерюнгри и др.

Однако основная часть новоселов в города КАТЭКа прибывала всё-таки из сельских поселений региона. Так, по данным нашего обследования в 1982 г. только 1/3 работников разреза «Березовский-1» жили до поступления на предприятие в г. Шарыпово, а остальные в соседних поселках или сельской местности. С одной стороны, это давало положительный эффект, так как специальные исследования доказывали, что выходцы из окрестных районов лучше закрепляются на предприятиях и приживаются в новых поселениях, но с другой стороны – это создавало свои проблемы. Значительно убывало сельское население. За 20 лет (1959–1979 гг.) оно уменьшилось

почти на треть. Специалисты били тревогу. Прирост населения на селе характеризовался отрицательными показателями. Причем, из совхозов и колхозов на предприятия и стройки КАТЭКа уходили работать главным образом молодые мужчины, представители важнейших для села профессий – механизаторов⁸³. А этим хозяйствам по программе КАТЭКа предназначалось обеспечивать продовольственную базу для населения промышленных центров.

Примерно такая же ситуация складывалась в процессе формирования Братско-Усть-Илимского и Саянского ТПК. Промышленные стройки были крайне привлекательными для местного населения. В результате можно сделать вывод о том, что рост населения новых городов в РНПО Сибири, относительно благоприятных для проживания, зачастую происходил за счет уже сложившихся малых и средних городов региона, не получивших пока существенных импульсов для своего социально-экономического развития, и сельской местности. Это представление подтверждается данными Всесоюзных переписей в 1959 и 1979 гг., согласно которым численность населения средних и малых городов региона, сельских поселений постоянно сокращалась в результате оттока в новые города, где активно развивалось промышленное строительство.

Существенным фактором, определявшим территориально-географические источники формирования населения РНПО Сибири, являлась пространственная близость той или иной территории, с которой прибывало население в новые города и поселки, где разворачивалось новое индустриальное строительство. Другими, не менее важными факторами выступали сложившиеся производственные и в целом экономические связи. В нефтегазодобывающие районы Западной Сибири в различные периоды по времени прибывало много мигрантов из нефтегазодобывающих районов Поволжья, Северного Кавказа, Украины. Значительный миграционный поток поступал из районов Урала (особенно Свердловской, Пермской, Челябинской, Курганской областей), Западной Сибири (Омской, Новосибирской, Кемеровской областей), которые вместе с Поволжьем давали почти половину мигрантов⁸⁴. В 1965 г. удельный вес рабочих и ИТР, прибывших из нефтедобывающих районов Азербайджана, Татарии, Башкирии и Поволжья составил почти 90 % всех квалифицированных работников «Главтюменьнефтегаза». В основных центрах добычи нефти – Сургуте, Нижневартовске, Нефтеюганске, Игриме и др. в

начальный период разработки месторождений он также достигал почти 100 % общей численности трудовых коллективов. Прибывшие имели, как правило, высокую квалификацию и значительный стаж практической работы по специальности⁸⁵.

Примечательно, что первые специалисты на предприятия и стройки ЗСНГК поступали в составе целых бригад, нередко становившимися основой новых трудовых коллективов, что намного ускоряло процессы их формирования. Посланцы старых нефтегазодобывающих районов и в последующие годы оказывали существенное влияние на формирование новых трудовых коллективов ЗСНГК, однако рассчитывать на их массовое привлечение постоянно было нереально, так как этот источник пополнения кадров, а следовательно и населения, был очень ограниченным.

Другие районы страны не имели такого значения в пополнении и формировании населения новых нефтегазодобывающих центров Сибири. Всего удельный вес так называемых внешних мигрантов в Тюменскую область во второй половине 1960-х – начале 1970-х гг., то есть в начальный период формирования ЗСНГК, составлял в иные годы около 90 % от общего прироста населения новых городов. В то время как старые тюменские городские центры окружного и областного значения со специализацией производства в лесной и рыбной промышленности не имели такого объема внешней миграции. Формирование населения в них происходило за счет естественного прироста и переселенцев из самой Тюменской области⁸⁶.

Данные тенденции в развитии территориально-географических источников пополнения населения районов ЗСНГК мало изменились и в последующее время. Это можно подтвердить, используя в качестве источника статистический материал и наблюдения исследователей Алексеева В.В., Логунова Е.В., Шабанова П.П., которые в результате историко-социологического анализа установили, что в 1970–1980-е гг. трудовые коллективы, а следовательно и население в районах нефтегазового освоения севера Западной Сибири, формировались за счет интенсивной внешней миграции. Более половины рабочих Главсибтрубопроводстроя были выходцами из европейской части страны. При этом 25,4 % рабочих прибыли с Украины, 6,6 % – с территории Поволжья, 23,2 % – из других районов европейской части страны. В то время как 13,7 % прибыли с Урала, из Тюменской области и других сибирских областей – 8,7 % и 0,6 % с

Дальнего Востока. Примерно такие же тенденции наблюдались при анализе прибывающих на новостройки ИТР и служащих⁸⁷.

Основные причины прибытия большинства новоселов в города и рабочие поселки ЗСНГК из Европейской части страны связаны в какой-то степени с перенаселенностью районов выхода мигрантов, их трудоизбыточностью. Однако, немаловажную роль играла и их производственная специализация, например в области нефте- и газодобычи. Отсюда и прибывали в районы формирования ЗСНГК квалифицированные работники: рабочие и ИТР, имеющие богатый профессиональный опыт. Нередки были случаи переезда в Сибирь целых бригад во главе со своими руководителями.

Значительный приток, в основном рабочих кадров, с Урала объясняется давно сложившимися экономическими связями двух регионов, наличием удобного и надежного транспортного сообщения, схожих природно-климатических условий.

Внутрирегиональная миграция в пределах Тюменской области и прилегающих районов Западной Сибири постепенно получала свое количественное и качественное развитие в процессе формирования ЗСНГК, когда всё большее значение приобретало перераспределение кадров в нефтегазовой и строительной отраслях в связи с освоением новых месторождений, строительством новых городов и рабочих поселений всё в более северных районах. Если в 1965–1975 гг. более активно заселялось Среднее Приобье (территория Ханты-Мансийского автономного округа), то в последующее десятилетие население стало перераспределяться в районы Ямало-Ненецкого автономного округа в связи с открытием и разработкой здесь крупных газовых месторождений.

По-видимому, данное явление носило объективный характер. В результате его происходило перераспределение опытных и профессионально подготовленных кадров в рамках отдельных отраслей. Этот вывод можно подтвердить наблюдениями из истории формирования других территориально-производственных комплексов, которые создавались в Сибири в различное время.

Таким образом, одна из особенностей формирования населения РНПО Сибири – интенсивный рост в начальный период развития была связана с активизацией здесь производственной деятельности. Другая – выражалась в интенсивной миграционной подвижности населения, которая характеризовалась как значительными объемами

притока, так и оттока населения из РНПО. Приживаемость в начальный период строительства основных предприятий практически везде была очень слабой. В 1968–1969-х гг. сотрудники Института экономики и промышленного производства СО РАН провели исследование потенциальной приживаемости новоселов в районах нового промышленного освоения на примере предприятий и строек Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. В результате выяснилось, что она невысока. Несмотря на то, что многие прибывающие на новое строительство, рассчитывали остаться здесь надолго, проникались патриотическими и романтическими настроениями, желанием принести как можно больше пользы стране и обществу, они быстро изменяли свои установки и намерения и уезжали иногда в первые же два года по прибытию. Было подсчитано, что коэффициент потенциальной приживаемости населения, составляющий отношение числа опрошенных, намеревающихся остаться на постоянное место жительства к числу прибывших после 1962 г., в городах Стрежевой (Томская область), Сургут, Нефтеюганск, Нижневартовск составил примерно 30 %. Около 1/5 опрошенных на момент исследования пока не определились в своих намерениях, но, как показывала дальнейшая практика, многие из них с большой долей вероятности оказывались в числе обратных мигрантов⁸⁸.

Многочисленные социологические исследования, проведенные на предприятиях и стройках зоны БАМа в конце 1970-х – начале 1980-х гг. также выявили слабую приживаемость новоселов. До 1/3 работников строительных организаций ежегодно покидали свои коллективы, что приносило большой урон экономике страны. На обустройство одного человека в зоне БАМа затраты достигали 18–20 тыс. руб. в год, что в 4–5 раз было выше, чем в обжитых районах страны⁸⁹.

В 1982–1984 гг. в отделы кадров предприятий и строек КАТЭКа, в штаб ЦК ВЛКСМ, находящийся на строительстве в г. Шарыпово ежемесячно приходили сотни писем от желающих жить и работать на Всесоюзной комсомольской стройке. Некоторые сразу же присылали свои производственные характеристики, выписки из трудовых книжек и дипломов. Многие и приезжали, устраивались и через несколько месяцев уезжали. Текучесть в коллективах строителей была очень велика. Некоторые производственные подразделения в течение нескольких месяцев почти полностью обновляли свой состав.

Интенсивное миграционное движение определяло не только численность населения РНПО, но и его состав, который отличался наличием значительной части людей, находящихся в активном трудоспособном возрасте. Возрастной состав населения РНПО, как правило, был молодежным. Так, в 1968–1969 гг. среди прибывших на территорию ЗСНГК в г. Сургут доля возрастной группы 25–39 лет составила 72 %, в Урай – 75 %, Нижневартовск – 77 %. Примерно такой же возрастной состав мигрантов отмечен на строительстве БАМа и КАТЭКа. Стройки объявлялись комсомольско-молодежными и на них приезжали в основном молодые люди комсомольского возраста⁹⁰. В результате средний возраст жителей новых поселений в РНПО Сибири был не высок. В 1969 г. исследователи ИЭиОПП СО РАН отметили, что в г. Сургуте он составлял 26 лет, Нефтеюганске – 24 года, Нижневартовске – 26 лет. В то время как средний возраст жителя Западной Сибири равнялся 30 и более годам⁹¹.

Первым естественным следствием молодежной структуры населения РНПО являлись более высокая, чем в старых и обжитых населенных пунктах, рождаемость и более низкая смертность населения, что в качестве результирующего компонента давало более высокий и естественный прирост. В целом данная ситуация определяла быстрый рост населения РНПО, находящегося в активном трудоспособном возрасте. Структурный состав также характеризовался высоким удельным весом детей и низким лиц пожилого возраста. По данным Малинина Е.Д. и Ушакова А.К. в 1970 г. в населенных пунктах ЗСНГК на каждые 100 детей в возрасте до 9 лет приходилось всего 15 человек пенсионного возраста, в то время как в целом по РСФСР – свыше 50 человек. Удельный вес среди населения лиц старше 50 лет составлял 6,5 %. В то время как в РСФСР – 21,2 %. Возрастная группа от 0 до 14 лет составляла в РНПО – 31,7 %, в РСФСР – 26,5 %, возрастная группа 15–49 лет соответственно – 61,8 и 52,3 %⁹².

Молодежь по известным причинам имела и более высокий уровень образования, чем лица старших возрастов. Поэтому уровень образования населения РНПО Сибири был выше по сравнению со средними данными по стране. Кроме того, в процессе исторического развития он имел тенденцию к росту, основанную на объективных процессах и изменениях, происходивших в советском обществе в изучаемые годы.

На начальных этапах формирования новых промышленных поселений в них, как правило, преобладал мужской состав населения. В период пионерного освоения отдаленных районов, находящихся ещё и в суровых природно-климатических условиях, требовались преимущественно представители традиционно мужских профессий, поэтому среди мигрантов в РНПО прибывали в основном мужчины. В результате складывался не совсем благоприятный демографический перекос в пользу мужчин, но затем положение постепенно выравнивалось и становилось более естественным. Этому способствовало развитие в новых поселениях непроектной сферы, расширение возможностей применения женского труда на вводимых в эксплуатацию предприятиях. Так, при создании Братско-Усть-Илимского ТПК потребовалось всего десятилетие для относительного выравнивания долей мужского и женского населения. Если в 1959 г. в г. Братске численность мужчин намного превосходила численность женщин, то в 1969 г. уже этого не наблюдалось⁹³.

Своеобразный слепок процессов формирования населения РНПО Сибири представлен В.В. Воробьевым в книге «Население Восточной Сибири: современная динамика и вопросы прогнозирования» (Новосибирск, 1977), в которой он в освоении каждого нового района условно выделил четыре этапа:

1. Изучение и разведка;
2. Строительство промышленных предприятий и транспортных линий;
3. Функционирование предприятий, в том числе и добывающей промышленности;
4. Обрастание существующих промышленных центров предприятиями обрабатывающей промышленности и обслуживающих отраслей. При этом каждому из названных этапов, по мнению автора, соответствовали определенные характеристики, определяющие особенности формирования населения.

На первом этапе в РНПО, как правило, не было постоянного населения, ориентированного на индустриальное производство. В малолюдную, а то и безлюдную до этого местность прибывали геолого-разведочные и изыскательские партии. Несмотря на сравнительно небольшое абсолютное число их работников, прибывшие уже могли влиять на численность и состав населения РНПО. На этом этапе население новых поселков росло преимущественно за счет миграции,

миграционная подвижность была очень велика. Далеко не каждый поселок геологов и изыскателей мог вырасти в крупный населенный пункт или даже город, поэтому первые поселения сооружались как временные. Работники приезжали сюда, как правило, без семей. В составе населения преобладали мужчины активного трудоспособного возраста, примерно 18–40 лет.

Следующий этап освоения характеризовался широким разворотом строительных работ. Сооружались основные градообразующие промышленные предприятия. В РНПО устремлялся значительный поток трудоспособного населения. Население на этом этапе, как и предыдущем, формировалось в основном за счет притока извне. Его структура в значительной степени определялась составом переселенцев, в составе которых могло быть уже значительное количество женщин, но большинство пока принадлежало мужчинам, так как на этом этапе требовались в основном профессии мужского труда.

Для возрастной структуры населения в этот период было характерно преобладание (более 80 %) людей в активном трудоспособном возрасте (16–59 лет), молодежи в возрасте 16–39 лет. В составе населения было небольшое количество детей и пенсионеров. В этот период население РНПО росло очень быстро. Это сочеталось с высокой миграционной подвижностью. Новостройки характеризовались как большим притоком населения, так и его оттоком.

Третий этап развития РНПО был связан с функционированием основных предприятий, определяющих экономическую специализацию района. Приток мигрантов несколько сокращался, состав их приближался к общим показателям страны. Постепенно происходило выравнивание полового состава населения, увеличивалась рождаемость. Уже естественный прирост обеспечивал быстрое увеличение населения. Многие из новых промышленных узкоспециализированных центров характеризовались незначительными возможностями применения женского труда. Находящиеся в северных и неблагоприятных для жизни районах города достаточно долго сохраняли высокую подвижность населения, преобладание в составе мужчин и малого количества стариков и детей.

На заключительном этапе развития РНПО в городах и рабочих поселках наряду с основными градообразующими предприятиями создавались разнообразные обслуживающие и обрабатывающие производства, происходило постепенное превращение новых индустри-

альных поселений в современные города с многочисленными экономическими, социокультурными и административными функциями. По составу населения они постепенно приближались к среднему уровню своего экономического района, становясь такими же, как и соседние, более старые города региона по половому и возрастному составу населения. Вследствие старения населения рождаемость в новых городах снижалась, повышалась смертность. В результате естественный прирост достигал средних показателей, характерных для окружающей территории. Миграционное движение также нормализовалось.

Между этапами в исторической ретроспективе не было резких границ. Они могли постепенно переходить из одного в другой, нередко совмещаясь друг с другом. Анализ касался в основном Восточной Сибири, но как показывала последующая социально-экономическая практика, он мог быть применен и для нефтегазовых районов севера Западной Сибири, БАМа, Южной Якутии и др.

Процессы формирования населения РНПО Сибири в значительной степени происходили под контролем и при участии государства, которое индустриальным новостройкам уделяло гораздо больше внимания, чем обжитым районам страны. Это выражалось в том, что для РНПО Сибири разрабатывалась особая система миграционных мероприятий, в которых успешно сочеталось как планомерно организованная миграция в районы активного индустриального строительства, так и стихийно складывающееся индивидуальное переселение.

Организованное миграционное движение в РНПО Сибири осуществлялось планомерно с помощью государственных и общественных организаций, подкреплялось, как правило, экономическими льготами и субсидиями государства и было тесно связано с методами и формами комплектования производственных коллективов в зависимости от этапов развития РНПО. В 1950 – начале 1960-х гг. особенно в районах с низкой плотностью проживания коренных жителей преобладали так называемые оргнаборы трудоспособного населения из трудоизбыточных регионов страны, которыми активно пользовались строительные организации, чтобы в короткие сроки сформировать работоспособные производственные коллективы, быстро набрать рабочих массовых профессий.

Своеобразным оргнабором было привлечение на новое строительство демобилизующихся после службы из Советской Армии воинов. Последние, если ещё и обладали нужными для строительства рабочими профессиями, были ценным пополнением для производственных коллективов. Простой же оргнабор в трудоизбыточных районах очень быстро переставал удовлетворять строительные организации, так как привлекаемые по этому каналу люди часто не соответствовали требованиям отделов кадров новостроек ни по уровню квалификации, ни по профессиональному составу. Кроме того, в человеческом плане по оргнабору на новое строительство прибывали не самые надежные и дисциплинированные люди.

В истории формирования кадров промышленных предприятий оргнаборы вообще имели эпизодический характер. Здесь при комплектовании производственных коллективов использовались другие методы, а в частности практиковались приглашения рабочих и специалистов нужных производству профессий и квалификации. Широко был распространен прием выпускников по распределению из учебных заведений, прием на месте по усмотрению отдела кадров и т.д. Поэтому в период, начинающийся с пуском в эксплуатацию основных градообразующих предприятий, уже действовали иные факторы формирования населения РНПО. Промышленные предприятия, используя удобные для себя формы комплектования производственных коллективов, привлекали не только трудовые ресурсы с определенными социально-демографическими и профессионально-квалификационными характеристиками, но и определяли в какой-то степени состав и структуру населения РНПО Сибири, его пополнение за счет молодых образованных и профессионально подготовленных мигрантов.

Молодежный состав трудовых ресурсов в целом являлся положительным фактором формирования населения РНПО Сибири. В результате обеспечивались его хорошие качественные характеристики: высокий удельный вес трудоспособных в составе населения, его повышенная трудовая, социальная и культурная активность, что было очень важным не только для реализации производственных планов государства, но и для развития в РНПО новой социокультурной среды, создания новых современных общественных отношений.

Большое значение в формировании населения РНПО Сибири имел так называемый общественный призыв комсомольцев и молодежи,

который стал практиковаться в 1950-е гг., когда были приняты первые постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР о привлечении городской молодежи на промышленные и транспортные стройки в районы Урала, Казахстана, Сибири и Дальнего Востока. Для этого предусматривалась целая система мер и льгот по трудоустройству и жизнеобеспечению желающих поехать на стройки народного хозяйства.

В этот период крупнейшие сибирские индустриальные стройки стали получать статус ударных комсомольско-молодежных. Для участия в них через партийные и комсомольские организации стали привлекаться многие сотни и тысячи молодых людей. По сути дела это являлось своеобразным видом оргнабора, но по масштабам и качеству поставляемых трудовых ресурсов общественный призыв значительно превосходил ранее существовавшие организованные формы комплектования кадров. В проведении его теперь участвовали не только уполномоченные ведомства чиновники, а вся система государственного и общественного управления, которая через механизмы пропаганды и агитации создавала соответствующее идеологическое обеспечение, делавшее общественно значимыми установки на то, что жить и работать в РНПО Сибири престижно и важно для молодых людей, для реализации их активной жизненной позиции, выполнения гражданского долга и т.п.

Отбор в строительные комсомольско-молодежные отряды производился комсомольскими организациями по определенным критериям, среди которых главными были положительные характеристики по месту прежней работы или учебы молодых людей, наличие нужных профессий и соответствующего образования. Первый отряд комсомольцев и молодежи в количестве 4 тыс. чел., сформированный в Москве, прибыл в г. Братск в июле 1956 г. Всего посредством общественного призыва в Братскгэсстрой за 1955–1980 гг. поступило на работу 22,1 тыс. чел. или 5,8 % от общего количества принятых в этот период⁹⁴.

В 1956–1958 гг. на строительство Назаровской ГРЭС, объявленное Всесоюзной комсомольской стройкой, прибыло несколько отрядов молодых рабочих, которые составили 7–14 % от всех прибывших на стройку работников. Документы тех лет отмечали трудолюбие и высокую дисциплину рабочих, прибывших по комсомольским путевкам, и незначительную текучесть среди них⁹⁵.

Общественный призыв, как способ пополнения трудовых ресурсов и населения, наиболее значимую роль играл в суровых северных районах, когда промышленное или транспортное строительство начиналось в необжитых человеком местах. Так, большую роль сыграли комсомольские десанты в 1950-е гг. при строительстве г. Норильска и в развитии Норильского промышленного района. До 1953 г. основную часть населения здесь составляли заключенные. Весной 1955 г. руководители Всесоюзного совещания строителей призвали молодежь ехать осваивать Север. На призыв откликнулись молодые строители из Москвы, Ленинграда, Новосибирска. Уже летом этого же года в Дудинку прибыли пароходы с первыми посланцами комсомола. Всего в 1955 г. в Норильск приехали по комсомольским путевкам около 4 тыс. молодых строителей, а через год их было уже более 30 тыс.⁹⁶

В 1950-е гг. Норильск только начинал строиться как городское поселение. Приехавшим не могли предложить ни высокооплачиваемой работы, ни нормальной спецодежды. Их селили в старые лагерные бараки по 5-6 человек в комнате. Было нормой, что приезжающие в город врачи первое время жили при больницах, учителя – при школах. Приезжающих могли поселить в конторах, спортзалах, столовых. Кто-то просто не выдерживал и уезжал обратно, но многие оставались и составили основу населения нового свободного Норильска. Летом 1956 г. каждому молодому новоселу, прибывшему на строительство города, выдавалось в качестве подарка настоящее верблюжье одеяло, которое представляло тогда большую ценность и не только материальную. Вручение простого одеяла воспринималось как знак поощрения и оценки поступка приехавших молодых людей в северный далекий город – очень важный для страны по своему производственному потенциалу. Руководству комбината удалось «продать» доставку в город несколько тысяч одеял через Совет Министров СССР в рамках выполнения специального государственного решения «О мерах помощи Норильску в хозяйственном и социально-культурном строительстве». Через тридцать лет норильские городские власти уже ограничивали приток в город населения.

В трестах Уренгойтрубопроводстрой и Севертрубопроводстрой, ведущих строительство трубопроводов на Крайнем Севере ЗСНГК, количество рабочих, прибывших по общественному призыву, дос-

тигало 20 и более процентов. Всего за двадцатипятилетие (1966–1986 гг.) на стройки и предприятия ЗСНГК прибыло примерно 150 тыс. молодых посланцев комсомола⁹⁷. Они осваивали Самотлорское нефтяное месторождение, Уренгойское и Медвежье газоконденсатные, строили нефтепроводы Усть-Балык-Омск, Нижневартовск-Альметьевск, Сургут-Полоцк, системы магистральных газопроводов Север Тюменской области – центральные районы Европейской части СССР, в том числе экспортного газопровода Уренгой-Помары-Ужгород; сооружали первую очередь Сургутской ГРЭС, Тобольского нефтехимического комбината, железнодорожной линии Тюмень-Тобольск-Сургут, Сургут-Нижневартовск. Руками молодых построены и продолжают строиться новые северные города Урай, Нефтеюганск, Ноябрьск, Мегион, Нижневартовск, Сургут, Надым, Новый Уренгой и др.

При строительстве БАМа в отдельных коллективах их было более 60 %. Всего за 1974–1985 гг. на строительство БАМа прибыло по путевкам комсомола примерно 45 тыс. человек. Многие из них имели 2–3 профессии и испытали себя как строители в достаточно трудных условиях индустриальных новостроек⁹⁸.

Общественный призыв, как явление, сыгравшее существенную роль в формировании населения РНПО, за несколько десятилетий в своем развитии претерпел значительные изменения. Особенно в 1970-е гг. ЦК ВЛКСМ через систему комсомольских организаций предпринимал всевозможные попытки более эффективно организовывать комсомольско-молодежные строительные отряды, чтобы максимально повысить их значимость в деле освоения всё новых территорий страны, при перераспределении трудовых ресурсов в связи со строительством крупных народнохозяйственных объектов. Штабы формирования комсомольско-молодежных отрядов стремились улучшить их не только количественные, но и качественные характеристики, а также повысить информированность добровольцев, желающих поехать на новое строительство, часто в отдаленные от их местожительства места с более суровыми природно-климатическими условиями. Организаторами общественных призывов было оценено, что важную роль в их значимости и общественной полезности играет привлечение в конкретные комсомольско-молодежные отряды не случайных людей, желающих поехать за романтическими впечатлениями в новые места, а представителей соответствующих потребности индустриальных строек профессий, осознанно готовых

к испытаниям и трудностям, которые могут ожидать их в новых местах. Для этого штабами комсомольско-молодежных строительных отрядов проводилась большая предварительная работа, иногда производилась профессиональная подготовка новых рабочих прямо на месте комплектования отрядов. В результате комсомольско-молодежные отряды представляли собой уже не сборище случайных людей, а слаженные трудовые коллективы, объединенные общими целями и по прибытии на места своего назначения способные решать необходимые производственные задачи. Данная ситуация позволяла молодым строителям быстрее адаптироваться не только на производстве, но и в новых для них населенных пунктах, оставаться здесь на длительный период, а возможно и на постоянное место жительства.

Успешному закреплению прибывших по общественному призыву людей способствовало и то, что администрации и общественные организации строек специально готовились к приему комсомольско-молодежных отрядов, стремились поместить их в лучшие производственные и бытовые условия. Адаптации способствовало и само нахождение молодых людей в отрядах, где они чувствовали поддержку и защищенность в новых жизненных условиях, социальный и психологический комфорт, имели возможности не только для интересного и значимого для себя труда, но проведения досуга, общения с друзьями и единомышленниками. В 1974–1980 гг. отмечено, что в целом ряде коллективов западного участка строительства БАМа текучесть среди прибывших по общественному призыву была более низкой и составляла 23,7 %, в то время как у прибывших по свободному найму и через прочие формы комплектования рабочих кадров – 76,4 %⁹⁹.

И для других ТПК неоднократно отмечалось, что приживаемость прибывших в РНПО по комсомольским путевкам значительно выше, чем у приехавших самостоятельно или по оргнабору в трудоизбыточных областях страны¹⁰⁰. Кроме того, общественный призыв, как форма пополнения населения, обеспечивал оптимальные социально-демографические характеристики новых пополнений. По данным анализа состава поступающих в комсомольско-молодежных отрядах на различные стройки Сибири, можно заключить, что через общественный призыв в РНПО поступало в основном молодое, трудоспособное население, имеющее уже определенный профессио-

нальный опыт, и образование не ниже среднего общего или среднего специального. Кроме того, в составе комсомольско-молодежных отрядов находились не только юноши, но и девушки, что также было положительным явлением, так как способствовало тому, чтобы население новых городов и поселков имело более естественный состав. Таким образом, можно заключить, что общественный призыв играл положительную роль в формировании населения РНПО. Он поставлял не только квалифицированные кадры со сравнительно высоким уровнем образования предприятиям и стройкам, но и влиял на демографическую структуру населения, его социальный состав, повышение культурного уровня и т.д.

В итоге в 1950–1980-е гг. в районах активного индустриального строительства Сибири происходил значительный рост городского населения, который повлиял на общие по региону и стране показатели развития городского населения. За 1964–1985 гг. время формирования ЗСНГК на территории северной части Западной Сибири появилось 15 новых городов и свыше 30 поселков городского типа. Развитие нефтегазового комплекса сопровождалось высоким приростом населения (с 1,2 млн. человек в начале освоения до 3,1 млн. к концу 1980-х гг.)¹⁰¹. Тюменская область стала одним из самых урбанизированных районов Западной Сибири. В 1970–1980-е гг. прирост здесь городского населения превысил аналогичные показатели Новосибирской, Томской, Омской, Кемеровской областей и Алтайского края вместе взятых.

В Восточной Сибири количество городов и городских поселений в изучаемый нами период также увеличилось под влиянием индустриального строительства. В 1950–1960-е гг. этот рост ограничивался территориями Иркутско-Черемховского и Братско-Усть-Илимского ТПК. Затем новые города и рабочие поселки стали образовываться на территориях формирования КАТЭКа и Саянского ТПК. В 1970–1980-е гг. активный рост городского населения происходил в южной части Якутии и зоне строящейся Байкало-Амурской магистрали. Всего в сибирском регионе к 1990 г. городское население составляло более 70 %.¹⁰² Значительная часть его проживала в районах, которые в изучаемый нами период можно определить как районы нового промышленного освоения.

Таким образом, анализ процессов формирования населения районов нового промышленного освоения Сибири в 1950–1980-е гг.

показывает, что они развивались очень активно. На изменение численности и состава населения новых индустриальных городов и рабочих поселков всё в большей степени оказывали влияние социально-экономические и политические условия в стране. Государственная политика активного индустриального строительства в Сибири сопровождалась быстрым ростом здесь городского населения. Особенно стремительным он был в районах нового промышленного освоения. Здесь высокий рост населения городов и рабочих поселков происходил в основном за счет механического прироста из других регионов страны. Наиболее характерно это было для начального периода освоения того или иного района. Высокие темпы механического прироста сопровождались высокими показателями естественного прироста, которые в новых городах и рабочих поселках превышали данные по стране и Российской Федерации. В целом РНПО Сибири по темпам механического и естественного прироста населения в изучаемый период имели самые высокие показатели в СССР.

Глава V. Развитие системы социально-бытового и культурного обеспечения как фактора стабилизации населения.

Развитие системы социально-бытового и культурного обеспечения населения в РНПО имело чрезвычайно важное значение, так как оно начиналось здесь буквально с нуля и определяло во многом успех всех хозяйственных и политических начинаний. С началом каждого крупного индустриального строительства в Сибири в XX в. практически всегда приходилось создавать заново всю совокупность жизнеобеспечения населения: строить жильё, детские, медицинские, образовательные и культурно-просветительские учреждения, предоставлять широкий круг бытовых услуг, создавать возможность рационального использования свободного времени. Кроме того, удовлетворять спрос в продуктах питания и промышленных товарах, обеспечивать транспортом, связью и другими необходимыми для жизни современного человека вещами.

Решение социальных проблем в районах нового промышленного освоения Сибири происходило на фоне хронического отставания развития социальной сферы населенных пунктов Сибири по сравнению с европейской частью страны. На протяжении всего XX столетия сибирский регион со всем основанием можно считать осваиваемой территорией, которая характеризовалась высокими темпами экономического развития и быстрым ростом населения, за которыми не успевало решение социальных проблем.

Известно, что в годы первых пятилеток материально-бытовое и культурное обеспечение работников индустриальных новостроек откровенно считалось делом вынужденным и второстепенным. Классикой являются примеры из истории строительства Урало-Кузнецкого комбината, когда рабочие жили в ужасающих условиях, а требования каких-то материальных благ вообще считались непристойными и даже аморальными.

В изучаемый нами период ситуация уже была совершенно иной. В государственной политике задачи развития системы социально-бытового и культурного обеспечения населения, неуклонного повышения его уровня жизни и благосостояния объявлялись важными и необходимыми, для РНПО ещё и оценивавшимися в качестве главного фактора закрепления и стабилизации здесь кадров.

Данная политическая установка декларировалась в важнейших государственных документах, звучала в выступлениях первых лиц государства, подтверждалась научными изысканиями различного уровня. Поэтому, казалось бы, было руководство к действию, особенно важное для районов нового промышленного строительства, в которых в большинстве случаев социальную инфраструктуру приходилось создавать заново. Значит, с самого начала производственного строительства на её развитие необходимо было закладывать значительные средства. Однако при распределении капитальных вложений для каждого конкретного строительства приоритет отдавался производству. Предплановые исследования при создании промышленно-производственных комплексов доказывали, что экономический результат реализации каждой программы напрямую зависел от наличия стабильных трудовых коллективов, а значит и населения. Но, тем не менее, на практике с началом строительства финансовые и прочие материальные ресурсы, необходимые для благополучного жизнеобеспечения населения в РНПО были недостаточными для

оперативного решения социальных проблем. Кроме того, нередко они ещё и урезались в пользу производства на различных этапах строительства.

Особенно мало средств на развитие социальной инфраструктуры индустриального строительства выделялось в послевоенные годы. При сооружении в конце 1940-х гг. первых предприятий КАТЭКа Министерством угольной промышленности СССР данные средства вначале вообще не планировались, затем были обозначены в производственных проектах очень ограниченно. Так, в проектном задании разреза «Бородинский», составленном в 1948–1949 гг., было запланировано 12 % всех капитальных вложений на создание поселения работников угледобывающего предприятия, которые при обсуждении были сокращены до 9,2 %.¹⁰³

В этот период государство было весьма ограничено в средствах на решение социальных проблем и ситуация не могла не отразиться на развитии РНПО. Для размещения первых строителей Братской ГЭС в конце 1954 – начале 1955 гг. управлению «Братскгэсстрой», созданному Министерством строительства электростанций СССР, пришлось приспособлять под жилые помещения бараки (6 тыс. кв. м), оставленные заключенными – строителями железной дороги Тайшет–Лена. Кроме того, было установлено 300 утепленных палаток общей жилой площадью 17 тыс. кв. м, оборудовано под жилье 88 товарных вагонов общей площадью 1,5 тыс. кв. м¹⁰⁴. Всё социально-бытовое и культурное обслуживание строителей осуществлялось администрацией и общественными организациями строительного управления «Братскгэсстрой», управление рабочего снабжения которого от Главурса Министерства строительства электростанций СССР разворачивало систему торговли, общественного питания, создавало подсобные хозяйства для обеспечения продовольствием строителей Братской ГЭС. Профсоюзные и комсомольские организации строительного управления стремились обеспечить более или менее сносный быт и досуг строителей.

В важном для экономики страны строительстве в Приангарье по возможности участвовали и региональные партийные и советские организации. В 1956 г. Иркутским обкомом КПСС было принято постановление «О мерах по улучшению жилищных и культурно-бытовых условий рабочих на строительстве Братской ГЭС», в котором был разработан целый комплекс мероприятий, направленных

на строительство в Братске жилых домов, детских и медицинских учреждений, магазинов, столовых, школ, клубов и других объектов социально-культурного назначения¹⁰⁵.

Вскоре были утверждены объемы жилищного и прочего городского строительства в Братске и Вихоревке, где началось строительство Коршуновского горно-обогатительного комбината. Братскгэс-строю поручалось наряду со строительством Братской ГЭС и промышленной базы строительства, построить 600 тыс. кв. м жилой площади, 500 тыс. кв. м зданий культурно-бытового назначения. Убрать из зоны затопления 238 населенных пунктов и обеспечить переезд жителей на новое место. Строителей управления «Коршуновстрой» партийные решения обязывали не только построить рудник и обогатительную фабрику, но и город на 20 тыс. жителей: 110 тыс. кв. м жилой площади, необходимое по нормам количество социально-бытовых объектов, 158 км инженерных сетей (водопровод, канализация и др.), освоить на эти цели 1 375,5 млн. руб.¹⁰⁶

Иркутский обком КПСС развернул большую пропагандистскую и организационную работу в трудовых коллективах совместно с профсоюзными и комсомольскими организациями, призывал мобилизовать все силы и средства для активизации жилищного строительства, устранить острый недостаток жилой площади в районах нового индустриального освоения в ближайшее десятилетие. Планировалось довести жилую площадь на одного человека в области к 1960 г. до 6 кв. м, а к 1965 г. — до 9 кв. м¹⁰⁷.

В годы шестой пятилетки городское строительство в РНПО Сибири развивалось на фоне усилившегося внимания государственного управления СССР к решению социальных проблем. В июле 1957 г. было принято специальное постановление ЦК КПСС и СМ СССР «О развитии жилищного строительства в СССР», в котором строились реальные планы решения жилищной проблемы в стране, увеличения капитальных вложений в сферу жилищного строительства, расширения производства строительных материалов, всемерного развития индустриальных методов и технологий не только в производственном, но и гражданском строительстве¹⁰⁸.

Основной путь решения жилищной проблемы намечался через государственное строительство новых многоэтажных и многоквартирных домов специализированными подрядными организациями. Для районов нового промышленного освоения Сибири эти принципы

рассматривались как определяющие. В планы производственного строительства стало вписываться на равных сооружение непроизводственных объектов, среди которых важное место занимало строительство жилья. Для РНПО с привлечением ученых и инженеров-проектантов стали разрабатываться специальные градостроительные и жилищные программы, составляющие важную часть освоенческой стратегии для того или иного района индустриального строительства. В научных дискуссиях и государственном управлении всё более откровенно высказывалось мнение, что от своевременного жилищного и в целом социального строительства в РНПО Сибири в значительной степени зависит выполнение намечаемых хозяйственных планов.

Все проблемы управления строительством в РНПО Сибири государственные организации пытались решать в процессе разработки и реализации комплексных социально-экономических программ, включающих как производственное, так и социальное строительство с учетом особенностей природно-климатического и экономико-географического характера той или иной сибирской территории, где планировалось, или уже организовывалось индустриальное строительство. Через государственные программы вырабатывались основные методы и направления хозяйственного освоения РНПО, связанные с созданием здесь преимущественно социокультурной среды урбанистического характера. В общие государственные планы строительства производственных объектов и развития территории вписывалось жилищное строительство в новых городах, которое происходило в рамках разработки так называемых районных схем планировки, которые включали в себя все без исключения производственные и непроизводственные объекты в том или ином осваиваемом районе.

Следование схемам районной планировки было основной задачей в деятельности, как проектантов, так и затем градостроителей. На этот счет было принято даже специальное постановление ЦК КПСС и СМ СССР, где говорилось, что «проекты планировки и застройки городов и поселков в районах нового промышленного строительства, где намечается создание промышленных предприятий, связанных между собой одной системой расселения, общей сырьевой и энергетической базой, объединенной системой транспорта, дорог, инженерных сооружений и сетей, составляются на основе утвер-

женных схем районной планировки, разработка которых для строительства в указанных районах является обязательной.»¹⁰⁹.

В 1950 – начале 1960-х гг. наиболее успешно данные планы стали осуществляться в г. Ангарске, который начал строиться ещё в конце 1940-х гг. как небольшой рабочий поселок при предприятии. Однако, в связи со строительством Иркутской ГЭС и формированием Иркутско-Черемховского ТПК, было решено в ближайшие 8–10 лет строить город примерно на 200 тыс. жителей¹¹⁰. К 1954 г. Всесоюзным государственным проектным институтом по строительству городов (г. Москва) была составлена схема районной планировки Иркутско-Черемховского ТПК, в которой планировалось строить сразу несколько новых промышленных центров. Самым крупным был обозначен Ангарск.

Основной застройщик нефтехимический комбинат смог оперативно и масштабно организовать застройку города. Значительную часть мощностей строительных организаций удалось переориентировать на жилищное строительство промышленными методами. С целью изучения опыта крупнопанельного строительства ангарские домостроители выезжали в г. Ленинград на Полюстровский домостроительный комбинат. Промышленные методы жилищного строительства всемерно поддерживались и пропагандировались Иркутским областным и городским комитетами КПСС, которые через партийные организации предприятий стремились внедрить их в производственную практику. В городе был налажен выпуск необходимых для промышленного строительства материалов, стеновых блоков и деревянных конструкций, сборного железобетона и арматуры. Дома по типовым проектам не столько строились, сколько собирались из деталей заводского изготовления. Это значительно ускорило и удешевляло строительство¹¹¹.

В 1959 г. в Ангарске в крупнопанельном исполнении было введено около 9 тыс. кв. м жилья, в 1960 г. – около 65 тыс., а в 1961 – около 100 тыс. кв. м., что резко увеличило жилой фонд города и повысило показатели обеспеченности жильем на каждого жителя¹¹².

В других строящихся городах Восточной Сибири крупноблочное и панельное строительство жилья развивалось гораздо медленнее. В Дивногорске и Братске строительные организации главное внимание уделяли выполнению планов производственного строительства, что подверглось резкой критике на зональном совещании 30–

31 января 1962 г. в Иркутске по вопросам внедрения крупнопанельного строительства жилых домов в районах Восточной Сибири и Дальнего Востока. На совещании, организованном партийными и советскими учреждениями, присутствовали лучшие строители регионов, специалисты проектных и научно-исследовательских организаций, в том числе московских и ленинградских, которые первыми начали освоение индустриальных методов.

На выставке, организованной для участников совещания, были представлены лучшие достижения с мест и ВДНХ СССР. Ведущие специалисты страны в области крупнопанельного домостроения рассказывали об его результатах и перспективах. Более 200 участников совещания побывали в Ангарске и познакомились с опытом работы ангарских домостроителей. Это было своеобразным общественным признанием достижений сибирских строителей. Совещание способствовало развитию крупнопанельного и крупноблочного строительства жилья в Сибири и на Дальнем Востоке. К концу 1965 г. общая площадь жилого фонда в новых индустриальных центрах значительно увеличилась: в Братске и Дивногорске примерно в два раза, а в Железногорске-Илимском, где строился Коршуновский горно-обогатительный комбинат, более чем в три раза¹¹³.

В Братске был построен крупный завод панельного домостроения, который стал производственной базой для жилищного строительства всего Братско-Усть-Илимского ТПК. Успешной реализации жилищных программ здесь способствовало и своевременное создание специальных строительно-монтажных управлений строительством городов Братска и Усть-Илимска, которые стали наиболее рационально и квалифицированно использовать имеющиеся строительные мощности в целях повышения темпов и объемов жилищного строительства.

В регионе в этот период активно создавались цементные, железобетонные, кирпичные заводы. В Ангарске появился единственный в то время на востоке страны завод керамических изделий, выпускающий различные виды облицовочной плитки, санитарно-строительный фаянс. В Братске пущен завод отопительного оборудования. Активно производились и применялись новые строительные материалы, такие как перлитобетон, зологазобетон, керамзитобетон, теплоизоляторы и отделочные материалы. Всё это вместе взятое способствовало более успешной реализации жилищных программ в

РНПО Сибири, которые по сравнению с другими районами страны отличались высокими темпами строительства, но не удовлетворявшими, как бы хотелось, в короткие сроки быстро растущее население.

Кроме государственного строительства социальных объектов были попытки решить проблемы жилья в новых городах Восточной Сибири за счет возведения жилых домов так называемымхозспособом или методом «народной стройки», когда базовое предприятие за счет внутренних ресурсов организовывало строительство, выделяло стройматериалы и прочие ресурсы, привлекая на строительные работы своих трудящихся, нуждающихся в жилье. Только в 1958 г. методом «народной стройки» в Ангарске сверх установленных государственных планов строительства жилья было построено 120 одно-двухквартирных домов, 50 восьмиквартирных¹¹⁴.

Однако, несмотря на явные положительные стороны данного вида строительства, оно было осуждено государственными контролирующими организациями, которые увидели в этом самостоятельном перераспределении капитальных средств предприятиями в пользу жилищного строительства нарушение финансовой и исполнительской дисциплины. Метод «народной стройки» подвергся критике в печати, некоторые руководители получили административные взыскания¹¹⁵.

Серьезным резервом в решении жилищной проблемы в РНПО Сибири в 1950-е гг. рассматривалось индивидуальное строительство, которое очень активно развивалось в годы шестой пятилетки. В Иркутской области в этот период индивидуальные застройщики вводили ежегодно по 200 тыс. кв. м жилой площади. Активно строились индивидуальные дома в Ангарске, Братске, Байкальске, Шелехово. В Братске в 1957 г. индивидуальные застройщики получили ссуды в размере 683,5 тыс. руб.¹¹⁶ Основное предприятие города Братскгэсстрой оказывало помощь застройщикам. Это происходило в рамках государственной политики решения жилищной проблемы в стране. Вопросы индивидуального строительства контролировались администрациями, партийными и профсоюзными комитетамистроек, местными органами советской власти, которые согласно специальных постановлений и решений государственных организаций должны были оказывать помощь индивидуальным застройщикам в приобретении строительных материалов, выделении транспорта, консультаций специалистов. На отведенной для индивидуальных застройщиков территории бесплатно производилась планировка

улиц и усадеб, осуществлялось строительство дорог, подвод электролиний, строительство магазинов. Люди с энтузиазмом строили себе дома, широко была распространена товарищеская помощь застройщиков друг другу¹¹⁷.

В 1957 г. в Братске индивидуальные застройщики ввели в эксплуатацию 10 тыс. кв. м жилья, а за первое полугодие 1958 г. – 75 тыс. кв. м. В Ангарске в 1956–1960 гг. ежегодно в среднем вводилось по 1500 индивидуальных домов¹¹⁸. Это было весомым вкладом в жилищное строительство в новых городах, сглаживало здесь жилищную проблему, позволяло организовать производство продовольствия на приусадебных участках. На данном историческом этапе такая политика способствовала социально-экономическому развитию РНПО Сибири, способствовала здесь закреплению постоянного населения, а соответственно и формированию стабильных трудовых ресурсов.

Но затем данные процессы пошли на спад. Начиная с 1960 г. количество индивидуальных застройщиков в новых городах стало резко уменьшаться. К концу 1965 г. их практически не стало. Это объяснялось большими трудностями, с которыми сталкивались индивидуальные застройщики в приобретении материалов для строительства, в найме специалистов. В задачу государственных строительных организаций не входило индивидуальное строительство. Местные органы власти не справлялись со своими задачами благоустройства районов индивидуальной застройки, в которых люди долгие годы могли жить без радио, электричества, надежного водоснабжения и т.д. Кроме того, разворот государственного жилищного строительства давал надежду на получение благоустроенных квартир. Поэтому люди перестали стремиться к строительству жилья самостоятельно.

Надо отметить, что и городские власти в 1960-е гг. также охладели к индивидуальному строительству. В это время в новых городах повсеместно согласно правительственных директив стали составляться генеральные планы благоустройства и застройки на длительную перспективу, а индивидуальный сектор мешал этим планам, не позволял рационально развивать городские коммуникации, добиваться более современного уровня благоустройства территории городов¹¹⁹.

Это напрямую коснулось и г. Братска. В нем в 1960-е гг. значительно увеличились темпы строительства государственного много-

этажного жилья и объектов социального назначения. На эти цели выделялось всё больше средств, хотя надо отметить, что они осваивались не полностью. К пуску первых агрегатов Братской ГЭС из 62,1 млн. руб., выделенных на строительно-монтажные работы по жилищно-гражданскому строительству, было освоено только 37,2 млн. руб., или 60 %. Аналогичное положение сложилось и в г. Усть-Илимске. Здесь в начале строительства Усть-Илимской ГЭС, когда население города очень быстро увеличивалось, осваивалась только половина капитальных вложений, запланированных на социальное строительство¹²⁰.

В последующие годы происходили существенные сдвиги в социальном строительстве в Братско-Усть-Илимском ТПК. В городах и рабочих поселках рос и благоустраивался жилой фонд, увеличивалась обеспеченность объектами социально-бытовой и культурной сферы. Однако решить проблемы жизнеобеспечения населения полностью не удавалось. И в 1980-е гг. острой оставалась жилищная проблема. На 1 января 1979 г. в очереди нуждающихся в устройстве детей в Братскгэсстрое числилось 4240 чел., на Братском алюминиевом заводе – 933, а в трудовых коллективах Усть-Илимска – 7500 чел.¹²¹ Фиксировались и значительные отставания в обеспечении населения больницами, школами, культурными учреждениями.

Со всем основанием можно утверждать, что развитие социальной инфраструктуры в процессе индустриального строительства в Сибири хронически отставало и имело последующий характер, когда социальные вопросы решались после производственных, приобретали уже достаточно острый и безотлагательный характер. В этом отношении показательно развитие Кузбасса, который на протяжении всего XX столетия был районом активного индустриального освоения. Здесь десятилетиями складывалась практика, когда вначале строились предприятия, а затем постепенно с большим напряжением решались социальные проблемы для населения. Так, в конце 1950-х – начале 1960-х гг. в Новокузнецке велось строительство крупнейшего предприятия Западно-Сибирского металлургического комбината, на котором, предполагалось, будут работать тысячи новокузнецчан. На строительство привлекались люди из других регионов страны. А строительство новых жилых микрорайонов планировалось и намечалось к сооружению с большим отставанием.

В 1960–1963 гг. на строительстве Запсиба отмечалось хроническое невыполнение планов непроизводственного строительства. На строительных площадках рабочие тратили по 2–2,5 часа, чтобы пообедать. Многие из них вообще не имели жилья или проживали далеко от строительства в плохих жилищно-бытовых условиях. Это являлось одной из основных причин большой текучести кадров и низкой производительности труда на строительстве. Так, в 1960 г. из 4849 человек уволившихся из строительных управлений Запсиба 3500 уволилось по причине отсутствия жилья и мест в детских учреждениях и только 254 человека уволилось по причине низкой оплаты труда¹²².

По вопросам решения социальных проблем постоянно проводились специальные совещания, заседания бюро Сталинского горкома КПСС. 27 февраля 1961 г. на пленуме, посвященном строительству крупнейшего в стране металлургического комбината, констатировалось, что «это вопрос в первую очередь политический и городская и областная партийные организации должны считать его главным в своей деятельности на ближайшие годы». Было принято стандартное в тех условиях решение: «Обязать хозяйственных, партийных и профсоюзных руководителей предприятий города и области в первую очередь выполнять заказы для строительства комбината. Мобилизовать в распоряжение строительного управления Запсиба 300 коммунистов и 700 комсомольцев. Принять безотлагательные меры для повышения профессиональной квалификации строителей, обеспечения их высокопроизводительной техникой, совершенствовать организацию и условия труда, наладить эффективное использование техники и транспортных средств. Особое внимание уделить улучшению жилищно-бытовых условий строителей с целью сокращения текучести кадров и создания стабильных трудовых коллективов.»¹²³.

24 июля 1961 г. вопросу благоустройства и озеленения города Новокузнецка (в то время Сталинска) был посвящен специальный пленум горкома КПСС, где в основном докладе председателя горисполкома Фролова Т.С. отмечалось, что этот вопрос обсуждается в таком объеме впервые за всю историю города. В докладе также говорилось, что создание хороших и здоровых условий для труда и жизни трудящихся должно рассматриваться в качестве первоочередной задачи в деятельности партийных организаций города, а это значит, что коммунисты должны не только стремиться повышать

производственные показатели, но и бороться с травматизмом и шумом на производстве, заниматься санитарным состоянием города. Его благоустройство рассматривать не только «как украшение улиц и скверов цветочками, а как создание условий, обеспечивающих в целом высокую санитарную и эстетическую культуру города и не только центра, а буквально всех районов, улиц, квартир». На этот счет было принято решение с указанием ответственных должностных лиц и требованиями неукоснительного выполнения¹²⁴.

В 1950–1960-е гг. в государственной политике и её реализации на местах через партийные и советские организации сохранялись ещё элементы «чрезвычайщины», характерные для предыдущего периода советской истории. Поэтому в решениях как центральных, так и местных органов власти содержалось большое количество директив и циркуляров, которые требовали «обязать», «обратить серьёзное внимание», «строго следить», «принять срочные меры». И надо отметить, что в тот период они ещё работали и в целом принимались как руководителями различного уровня, ответственными за выполнение решений вышестоящих организаций, так и рядовыми гражданами. Потребности в сильной вертикали власти сохраняется в российском обществе и до настоящего времени, хотя уже система государственной власти поменялась коренным образом.

В изучаемый нами период партийные и советские организации на местах, с одной стороны, должны были выполнять указания вышестоящих органов, проводить их стратегическую линию на подведомственных территориях, а с другой – отстаивать региональные интересы, не только контролировать хозяйственные структуры, принадлежащие различным ведомствам, но и добиваться реальных результатов в их деятельности.

Социальные проблемы, обеспечивающие качество жизни в городах и рабочих поселках РНПО Сибири, всегда решались с большим трудом. Главная причина трудностей, конечно же, заключалась в низком уровне финансирования их решения. Но многое зависело и от системы государственной организации и управления. Социальные проблемы в СССР должны были решаться предприятиями, которые действовали на той или иной территории. Региональным властям, как правило, их трудно было организовать, так как они принадлежали к разным ведомствам, имели разную структуру управления и финансирования. Кроме того, предприятия всячески старались уйти

от решения не связанных напрямую с основным производством вопросов. Партийным и советским руководителям на местах иногда годами приходилось решать социальные проблемы, обращаясь в самые высокие государственные инстанции.

Так, много лет решался вопрос о строительстве в Новокузнецке нового водозабора и канализационного коллектора с очистными сооружениями. Потребовалось специальное постановление Совета Министров РСФСР от 14 апреля 1960 г. о начале строительства, к которому приступили только через два года. Потребовалось ещё целый ряд согласований, было составлено несколько проектных заданий. Уже с началом строительства нового водопровода в Новокузнецке в 1962 г. Всесоюзный головной институт «Водоканалпроект», рассмотрев проектное задание, составленное специалистами Министерства коммунального хозяйства РСФСР, признал его непригодным для осуществления ввиду того, что источники воды не позволяли реализовать его запланированную производственную мощность. Они оказались в 4 раза меньшими, чем требовалось по проекту¹²⁵.

Не удалось сразу и оперативно решить вопрос о строительстве канализации. Специалистов проектировщиков в Новокузнецке, да и в ближайших городах Западной Сибири, не было. Проект, разработанный в Свердловском отделении Всесоюзного специализированного проектного института «Водоканалпроект», не учитывал местные особенности и несколько раз перерабатывался в процессе стройки. Водопровод в г. Белово проектировался с 1954 г. Ленинградским отделением «Водоканалпроекта». Было разработано несколько вариантов, проведено несколько экспертиз и согласований и когда, наконец, он был принят к исполнению Министерством коммунального хозяйства РСФСР и началось в 1961 г. его строительство, оказалось, что оно обеспечено рабочими чертежами только наполовину¹²⁶.

Однако и этому проекту не суждено было осуществиться в короткие сроки. Экспертная комиссия ВСНХ в 1962 г. в порядке выборочной проверки строительства коммунальных объектов в городах РСФСР установила, что проект вообще непригоден для реализации, так как источники водоснабжения не соответствуют потребностям города. Потребовалось вмешательство партийных и советских органов Кузбасса, чтобы ускорить изыскательские работы Главного Управления геологии и охраны недр РСФСР по поискам подземных

источников воды для населенных пунктов региона. Строительство водопровода в Белово затянулось на несколько лет.

Строительство жилья и объектов социально-культурного и бытового обслуживания для работников Западно-Сибирского металлургического комбината также проходило с большим отставанием от потребностей, в течение нескольких десятилетий. В Кузбассе наиболее устойчиво сохранялись традиции: вначале строить предприятие, а потом «соцкультбыт». Так, в г. Топки был построен цементный завод, ввод в эксплуатацию которого способствовал значительному увеличению городского населения, а затем потребовались годы на то, чтобы доказывать необходимость включения в государственные планы социально-экономического развития Кузбасса строительство новой больницы в городе, новых школ и детских садов и т.п.¹²⁷

Когда в 1960-е гг. в Кузбассе было принято решение о строительстве целого ряда предприятий пищевой и легкой промышленности в целях обеспечения региона основными потребительскими товарами, а женского населения рабочими местами, то совершенно не рассматривались вопросы жизнеобеспечения строителей и работников будущих производств. Хотя было ясно, что потребуются привлечение специалистов из других регионов, но, тем не менее, строительство социальных объектов не сразу включалось в планы. Так, при сооружении Кемеровского комбината шелковых тканей, Беловской трикотажной фабрики и Киселевской обувной в 1965–1968 гг. строительство жилья и зданий социально-бытового и культурного назначения в соответствующих городах не планировалось. Затем с обострением ситуации Кемеровский обком КПСС вынужден был обращаться в Министерство легкой промышленности, в Совет Министров СССР и РСФСР, обосновывать и просить предусмотреть необходимые ресурсы и финансы на социальное развитие предприятий. Секретарям обкома приходилось решать проблемы бытового обеспечения трудящихся, вести переписку с десятками ведомств, «выбивать» фонды и лимиты не только на новое строительство, но и на ремонт помещений социальной сферы, приобретение мебели и оборудования и т.д.¹²⁸

В рамках реализации программы комплексного развития Кузбасса в 1960-е гг. было принято несколько постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР, в которых признавалось, что слабое со-

циальное развитие региона является основной причиной медленно наращивания темпов производственного роста. В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 6 мая 1967 г. говорилось, что в Кузбассе сложилось «систематическое отставание от потребностей населения жилищного, культурно-бытового и коммунального строительства». Поэтому министерствам, работающим в регионе, вменялось в обязанности решать не только производственные задачи, но и социальные, предусматривать в планах нового производственного строительства капитальные вложения в достаточном объеме на жилищное, коммунальное и культурно-бытовое строительство. Кемеровский Обком КПСС, облисполком, городские и районные партийные, советские, профсоюзные и комсомольские организации угольных районов и предприятий Кузбасса привлекались к выполнению данного постановления, обязывались на месте не только участвовать в реализации запланированных мероприятий, но и контролировать их выполнение. Особенно большая ответственность ложилась на партийные организации, которые обязывались «повышать требовательность к хозяйственным руководителям, способствовать более полному использованию резервов производства, выполнению и перевыполнению производственных заданий на базе внедрения новой техники и прогрессивной организации труда, а также стремиться к созданию лучших производственных и бытовых условий для трудящихся»¹²⁹.

В 1964-1967 гг. на высшем государственном уровне было принято сразу несколько конкретных решений о социальном развитии Кузбасса: ускоренном строительстве детских, культурных и образовательных учреждений значительном улучшении медицинского обслуживания, снабжения трудящихся продовольствием и товарами первой необходимости, о повышении объема бытовых услуг на душу населения. В постановлениях партии и правительства СССР предусматривалось строительство в регионе школ и больниц, Домов культуры и бытового обслуживания, парниковых и тепличных хозяйств, а также рыбопроизводственных и животноводческих комплексов, птицефабрик, хлебокондитерских и молочных комбинатов. К 1970 г. намечалось ликвидировать дефицит продовольствия в регионе, увеличить объем бытовых услуг в городах в 2,5 раза, а на селе – в 3 раза¹³⁰.

Однако на практике выполнять принятые решения было непросто. Механизм реализации государственной политики часто «пробуксовывал» по объективным причинам. Намечались нужные мероприятия, под них планировались капитальные вложения, а осваивать выделенные средства на местах было некому. Так, в Кемеровской области в 1960-е гг. отсутствовали специализированные и проектные организации, которые могли бы создавать специфические предприятия сферы услуг и службы быта, современные фабрики и производства для продовольственного обеспечения. Например, тепличное и оросительное оборудование для тепличных хозяйств в Сибири в этот период вообще не производилось, практически отсутствовал опыт проектирования и строительства подобных производств.

Требовалось ещё несколько лет переписки и различных согласований, чтобы преодолеть организационные и предпроектные вопросы, которые решались исключительно на уровне первых лиц государственного управления. Так, в декабре 1966 г. первый секретарь Кемеровского обкома КПСС Ештокин А.Ф. вынужден был обращаться напрямую к Косыгину А.Н. – председателю Совета Министров СССР с просьбой об увеличении капитальных вложений в строительство общеобразовательных школ Кузбасса, так как в целом ряде населенных пунктов учащиеся занимались в три смены, а 220 школ области размещались в зданиях, находящихся в аварийном состоянии¹³¹.

Серьезные противоречия в управлении индустриальными новостройками на региональном уровне пытались преодолеть Советы народного хозяйства в конце 1950-х – начале 1960-х гг., но это был кратковременный период и он не принес коренных изменений в финансировании и управлении социальным развитием. По-прежнему главные решения принимались централизованно в Москве и региональным властям ничего не оставалось делать, как соглашаться с установившимися правилами игры: исполнять, просить, ждать вышестоящих решений.

Создание Западно-Сибирского нефтегазового комплекса начиналось в другое историческое время, когда социальное развитие в СССР не только декларировалось в качестве приоритетной задачи государственной политики, но и получило определенную финансовую и юридическую поддержку. По целому ряду постановлений и решений государственных организаций, принятых в 1950–1960-е гг. и

имевших статус законов, гражданское строительство считалось важной и необходимой частью производственных проектов, учитывалось при расчетах финансирования строительства всех предприятий и производственных комплексов.

В постановлении Совета Министров СССР от 4 декабря 1963 г. «Об организации подготовительных работ по промышленному освоению открытых нефтяных и газовых месторождений и о дальнейшем развитии геологоразведочных работ в Тюменской области» предусматривалось вместе с созданием материальной базы нефтегазовой промышленности начать здесь жилищное строительство¹³².

Для сооружения объектов жилищно-коммунального хозяйства и культурно-бытового назначения Совнархоз и Минстрой РСФСР выделили дополнительные фонды на поставку в Тюменскую область крупнопанельных и деревянных сборных домов общей площадью около 200 тыс. кв. м, строительных материалов. В короткие сроки был решен вопрос о создании базы строительной индустрии непосредственно в нефтегазодобывающих районах: заводов крупнопанельного домостроения в Тюмени, Сургуте, Урае общей мощностью 350 тыс. кв. м жилья в год, заводов легких наполнителей, древесно-волоконистых и древесно-стружечных плит, железобетонных и столярных изделий. Местные партийные и советские органы изыскивали возможности для увеличения поставок леса, пиломатериалов, кирпича за счет внутренних ресурсов области. Уже в начале 1964 г. на новое строительство поступили 200 вагонов-домов, 70 тыс. кв. м крупнопанельного жилья, строительные материалы, машины и механизмы, прибыли отряды опытных строителей¹³³.

Вместе с тем, процесс разработки и реализации жилищных программ для ЗСНГК был затруднен с самого начала в связи с тем, что долгое время не удавалось определить главные научно и технически обоснованные составляющие общей схемы развития и размещения производительных сил всего Западно-Сибирского нефтегазодобывающего района. По свидетельству первого секретаря Тюменского обкома КПСС Б.Е.Щербины, «масштабы, темпы, география добычи нефти и газа были неопределенными на всем протяжении 1960-х годов»¹³⁴. Поэтому сложно было определить масштабы и конкретные мероприятия социального строительства в регионе.

Существенное влияние на развитие социально-культурной сферы оказало постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от

11 декабря 1969 г. «О мерах по ускоренному развитию нефтедобывающей промышленности в Западной Сибири». В нем предусматривалась система мер по комплексному обустройству месторождений, значительное место уделялось и социальному развитию трудовых коллективов. Социально-бытовые объекты и жилье предполагалось строить с учетом природно-климатических особенностей, а также потребностей населения. В этом документе были сформулированы конкретные задачи для Министерства торговли СССР, которое должно было обеспечить бесперебойное снабжение ЗСНГК промышленными и продовольственными товарами. Особое внимание уделялось поставке товаров зимнего ассортимента (утепленной и валяной обуви, меховой верхней одежды). Указывалось на необходимость ускоренного развития в зоне добычи нефти и газа общественного питания, производства местного продовольствия и соответственно в Тюменской и Томской областях расширения и интенсификации сельского хозяйства¹³⁵.

С разворотом производственного строительства в 1970-е гг., ростом объемов добычи полезных ископаемых проблемы жилищно-бытового и социокультурного обеспечения быстро растущего населения на территории ЗСНГК приобретали особую важность. На эти цели выделялась почти четвертая часть капиталовложений, ассигнованных на освоение месторождений. В базовых городах индустриального освоения региона они ещё более увеличивались. Здесь создавалась мощная база строительной индустрии, ориентированная на строительство и на Крайнем Севере, отрабатывались принципы застройки городов и рабочих поселков в специфических условиях в зоне нового освоения месторождений. В этот период основной объем жилищно-гражданского строительства в нефтегазовых районах Западной Сибири выполнялся главком Главсибжилстрой, но отдельные объекты сооружались и другими многочисленными строительными организациями, работавшими в зоне.

В результате принятых на общегосударственном и на региональном уровне решений, проведенных мероприятий, затраты на социальное строительство в городах и рабочих поселках ЗСНГК в годы девятой и десятой пятилеток существенно возросли в том числе на строительство жилья и коммунальной инфраструктуры – в 3,1 раза, школ – в 2 раза, детских дошкольных учреждений – в 3, объектов здравоохранения – в 1,7 раза. Объем капиталовложений в жилищно-

гражданское строительство в Ямало-Ненецком автономном округе увеличился более чем в 8 раз, в Ханты-Мансийском – в 3 раза¹³⁶.

Особенно увеличились темпы строительства жилья и объектов социокультурной сферы на территории ЗСНГК в годы десятой пятилетки. В 1975–1980 гг. в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах, где находились основные предприятия нефтегазодобывающей промышленности, было сдано почти 3,2 млн. кв. м жилья, большое количество объектов коммунального назначения, что позволило обеспечить коммунальными удобствами 80 % жилого фонда. Труженики объединения Тюменьгазпром в десятой пятилетке получили жилья в 2,5 раза больше, чем в предыдущей¹³⁷.

Быстро застраивались новые города Нефтеюганск и Нижневартовск – центры нефтедобывающей промышленности, заложены были Надым и Новый Уренгой как центры газодобывающей. Росли и благоустраивались рабочие поселки Пангоды, Белоярский, Ноябрьский, Комсомольский и др., некоторые из них со временем получили статус городов. В целом городское строительство в Тюменской области за всю историю территории не знало таких темпов и объемов. Создание ЗСНГК дало импульс и социальному строительству на севере Томской области, где располагалось одно из первых месторождений нефти. Здесь в г. Стрежевом и рабочих поселках Александровский, Кедровый и др. в 1970-е гг. было введено почти 4,3 млн. кв. м жилья, сданы в эксплуатацию общеобразовательные школы почти на 49 тыс. мест, детские дошкольные учреждения на 21 тыс. мест, больницы на 1,8 тыс. коек, сотни предприятий торговли, общественного питания, бытового обслуживания¹³⁸.

В 1970–1985 гг. капиталовложения только в жилищное строительство на севере Тюменской области в главных районах нефте- и газодобычи увеличились в 40 раз, ежегодный ввод жилья в 1980-е гг. в 18 раз превысил уровень 1970 г. Средняя обеспеченность общей жилой площадью увеличилась с 7,3 кв. м на человека до 9,2. Только за 1980–1985 гг. она выросла в Лабитнангах с 8,7 до 10,7; в Новом Уренгое – с 5,0 до 8,9, в Ноябрьске – с 2,0 до 8,6 кв. м на человека¹³⁹.

Однако даже эти очень высокие темпы гражданского строительства не позволяли решить жилищную и другие социальные проблемы в нефтегазовых районах Западной Сибири. В годы двенадцатой пятилетки намечалось ещё более существенное расширение программы непроизводственного строительства в зоне ЗСНГК. Осо-

бенно возрастал объем жилищно-бытового и культурного строительства в автономных округах. Вместе с тем он не удовлетворял быстрый рост населения и его потребностей. В 1985 г. практически по всем показателям обеспеченность объектами социальной инфраструктуры была ниже действующих в стране норм¹⁴⁰.

Это признавал глава государства в тот период Горбачев М.С. 6 сентября 1985 г. в своем выступлении на собрании партийно-хозяйственного актива Тюменской и Томской областей он говорил, что социальные вопросы развития нефтегазового комплекса решаются недопустимо медленно, а это ведет к срыву выполнения планов государства по добыче нефти и газа¹⁴¹.

В постановлении ЦК КПСС и СМ СССР № 561 «О строительстве Байкало-Амурской железнодорожной магистрали» от 8 мая 1974 г. отдельной строкой говорилось о социальной составляющей строительства. В планах намечалось избежать на «стройке века» бараков, палаток и прочего временного некомфортного жилья, обеспечить здесь условия для жизни человека по всем параметрам более высокие, чем в обжитых районах страны. К разработке проектов социального строительства на БАМе привлекался широкий круг специалистов и научно-проектных учреждений. В 1975 г. был организован в системе государственного управления Научный Совет по проблемам БАМ.

В формировании и развитии социальной инфраструктуры в зоне БАМа большую роль должно было сыграть шефское движение. В средствах массовой информации ему обеспечивал идеологическую и пропагандистскую поддержку лозунг «БАМ строит вся страна». В государственной политике это направление реализовывалось через распределение заданий строительства городов и рабочих поселков в зоне магистрали между региональными проектными и строительными организациями.

Это было нечто новое в системе организации крупных промышленных строек национального значения. В результате проектирование и строительство городов и рабочих поселков в зоне БАМ вели 13 союзных и 22 автономных республики, несколько областей и краев РСФСР, а также крупных городов. Например, Москва строила Тынду, Ленинград – Северобайкальск, Горький – Могот, Новосибирск – Постышево, Башкирия – Зейск, Украина – Ургал, Белоруссия – Золотинку, Молдавия – Алонку, Грузия – Нию и т.д. Всего силами так

называемых шефов на БАМе был выполнен общий объем работ на 600 млн. руб., за 1974–1989 гг. было построено 45 городов и поселков с общей площадью жилых домов, превышающей 1 млн. кв. м, предприятия торговли, общественного питания, школы, детские сады, учреждения здравоохранения и другие объекты социально-культурного и бытового назначения¹⁴².

С началом строительства был создан специальный архитектурный Совет во главе с главным архитектором для координации и управления сооружением всех городов и поселков в зоне магистрали с целью создания единого художественного архитектурного стиля, хотя каждая их шефствующих республик СССР стремилась в архитектурных формах отразить и что-то своё национальное.

Не все проекты городской застройки принимались Советом к реализации. Так, проекты комплексных многоэтажных микрорайонов признаны подходящими только для крупных индустриальных и административных центров. Для небольших городов и железнодорожных поселков выбиралась более компактная малоэтажная архитектура, сочетающая в себе как городское благоустройство, так и деревенскую планировку. По мнению проектантов даже небольшие населенные пункты при железной дороге, рассчитанные на 500–1000 чел., должны иметь свою индивидуальность и полный набор социокультурных и бытовых учреждений: торговых предприятий, школ, кинотеатров, библиотек стадионов и спортзалов, комбинатов бытового обслуживания, необходимых для комфортного проживания современного человека, эстетично вписываться в природный пейзаж.

Для суровых в климатическом отношении районов проектировались особый тип жилых домов и различных учреждений, соединенных теплыми и крытыми переходами, с закрытыми балконами, противосейсмической защитой и т.д. В домах предусматривались вместительные прихожие со специальными сушильными шкапами для обуви и верхней одежды. В 4–5 этажных домах предусматривались лифты. Архитекторы объясняли, что это не излишество, а внимание к людям, которые в тяжелой рабочей одежде и обуви после работы на улице, в условиях холодной и вьюжной погоды возвращаются домой, когда «каждый лестничный пролет дается с трудом»¹⁴³.

Специалисты, разрабатывающие жилищные программы, на основе научных исследований ставили важные вопросы перед государственными планирующими и управленческими организациями,

касающиеся того, что для РНПО Сибири и особенно для находящихся на северных территориях, должны быть пересмотрены нормы обеспеченности жилой площадью. Здесь должны строиться иные жилые микрорайоны, чем в южных районах, чтобы компенсировать суровые природно-климатические условия, долгие полярные зимы. В обязательном порядке дома должны быть оборудованы водопроводом и канализацией, центральным отоплением и горячим водоснабжением, электроосвещением и газом, лифтовым хозяйством, мусоропроводом, телефоном, радио и телевизионной проводкой. В квартирах достаточной площади для проживания должны быть установлены современные системы вентиляции, защиты от пыли и шума и т.п. Экстремальность климата сильно увеличивает функциональную нагрузку на жилье, которое должно выполнять компенсирующую роль по отношению к природным условиям.

Однако, в реализации жилищных программ это условие выполнялось крайне противоречиво. Молодежь, прибывающая на новое строительство, в лучшем случае проживала в благоустроенных общежитиях, а то и в балках, вагончиках и другом временном жилье. И это могло продолжаться достаточно долго. Несколько лет необходимо было прожить и проработать на севере, чтобы получить отдельную квартиру. Значимость жилищных условий для стабильного проживания в РНПО увеличивалась с возрастом, изменением семейного статуса, приобретением человеком более высокого образовательно-квалификационного уровня и т.п. А вместе с тем, именно такие люди и имели большую ценность для РНПО, так как они имели более значительный производственный стаж и более высокую северную квалификацию.

В целом же необходимо отметить, что в 1970–1980-е гг. в разработке и реализации жилищных программ для РНПО Сибири произошли существенные изменения. Стало больше внимания уделяться так называемой привязке к местности, сохранению природных ландшафтов, экологии поселений. Изменился и сам вид городов. Несмотря на то, что по-прежнему применялось типовое жилищное строительство, использовались проекты наиболее подходящие для того или иного РНПО, новые серии жилых домов, более качественные отделочные материалы.

В работе над проектированием городов и рабочих поселков в РНПО Сибири стали участвовать не только столичные, но и специа-

лизированные региональные организации, которые иногда создавали поистине сказочные проекты. Так, в 1975 г. НИИ «Красноярск-гражданпроект» разработал проект застройки г. Шарыпово на КАТЭКе с расчетом возможностей проживания 300 тыс. чел. населения в 11 комплексных микрорайонах с полным социокультурным и бытовым обеспечением, с широким использованием больших и малых архитектурных форм в многоэтажном домостроении, декоративных вставок в домах, городской скульптуры и т.д. Планировалось внедрение в городскую архитектуру значительных парковых зон, линий зеленых насаждений и различного растительного декора. Предполагалось, что Шарыпово будет прекрасным современным индустриальным центром, настоящей столицей КАТЭКа. Существовали прекрасные проекты городов и рабочих поселков для зоны БАМ, нефтегазодобывающих районов Крайнего Севера Западной Сибири.

Однако реализация проектов на практике оказывалась достаточно сложным и противоречивым делом, зависящем от множества не столько технико-экономических факторов, сколько от организационных и политических. Ни одной из индустриальных строек Сибири не удалось избежать влияния ставшего уже традиционным остаточного принципа распределения капитальных вложений, когда социальная сфера оказывалась на втором плане после производственной, даже в самый начальный период строительства, когда она требовала самых больших затрат. Так, при сооружении БАМа в 1975 г. на социальное строительство было отпущено в 35 раз меньше средств, чем на производственное¹⁴⁴.

В государственном управлении, плановых органах постоянно делались попытки преодолевать данную тенденцию. В 1980-е гг. при разработке технических проектов ГЭС Ангаро-Енисейского каскада и предприятий в их зоне уже сразу предусматривались затраты не только на производственное, но и непроизводственное строительство, особенно в начальный период развития новостроек. В сметы технических проектов закладывались значительные расходы на строительство нового жилья, различных объектов социально-культурного и бытового назначения, на обустройство водохранилищ, транспортное обеспечение и т.п. При проектировании Богучанской ГЭС по сравнению с другими гидроэлектростанциями Ангарского каскада эти затраты увеличивались на 20–40 % и более. На непроизводственное строительство при сооружении этой электростанции было

запланировано в 2,5 раза больше средств, чем при строительстве Братской ГЭС¹⁴⁵.

Интересные подходы и инициативы в жизнеобеспечении населения РНПО Сибири предпринимались на региональном уровне. В городе Норильске местные органы власти, администрация и общественные организации Горно-металлургического комбината – основного предприятия города, всегда рассматривали развитие системы социально-бытового и культурного обеспечения как важнейшего фактора стабилизации населения. Много делали для того, чтобы обеспечить справедливое и централизованное распределение жилья, всех общественных фондов, единое решение проблемы городского транспорта, бытового обслуживания, торговли, общественного питания.

Создание социальной инфраструктуры города по сути дела началось в 1950-е гг., когда были ликвидированы последние подразделения ГУЛАГа и руководство города озадачилось созданием для населения более или менее сносных условий жизни и труда в заполярном городе. И надо отдать должное и государственному и краевому управлению, которые принимали всевозможные меры по строительству Норильска, его социальному развитию. Эти темы были самыми обсуждаемыми в Красноярском крайкоме КПСС в 1958–1960 гг., что в значительной мере определило разворот масштабного городского строительства в Норильске уже в начале 1960-х гг. В марте 1960 г. Норильский горисполком принял решение о прекращении прописки в балках и барачных поселках. Их решено было снести в течение трёх лет. Ежегодно сдавалось по 5–6 жилых многоквартирных домов. В 1964 г. в Норильске была построена целая улица, которая получила название им. Орджоникидзе. В городе впервые за всю его историю были утверждены санитарные нормы обеспечения жильем, которые составляли не менее 5 кв. м на человека. Постепенно открывались специализированные магазины, рестораны, столовые и домовые кухни. Визитной карточкой Норильска стали Дома Связи, Быта, Торговли, Хозяйственных товаров¹⁴⁶.

В 1957–1962 гг. в Норильске много жилых домов сооружалось методом так называемой «народной стройки», которая уже была осуждена на «материке», но в заполярном городе сохранялась ещё довольно длительное время со своими интерпретациями. Методом «народной стройки» сооружались не только жилые дома, но и зна-

чимые для города предприятия социально-культурной, торговой и бытовой сферы.

В первую очередь решали жилищную проблему. Городские власти и администрация Горно-металлургического комбината договаривались о выделении земельных участков и направлении на стройку инженеров-строителей, а роль рядовых рабочих выполняли добровольцы из числа работников комбината. Работали бесплатно, но активистов «народной стройки» могли поощрить внеочередным получением квартиры в построенных ими домах. Для этого на стройке в свободное от основной работы время необходимо было отработать не менее 300 часов.

«Народные стройки» были одним из самых массовых общественных движений в 1950–1960-е гг., которое поощрялось партийными, комсомольскими и профсоюзными организациями. В нем сочетался общественный энтузиазм с острым желанием получить свою отдельную квартиру. На предприятиях создавались целые бригады «народных строителей». Свои дома возводили металлурги, строители, милиционеры и учителя. Молодые энергетики построили методом «народной стройки» одно из лучших и благоустроенных общежитий в городе. Металлурги Медного завода собственными силами построили два жилых дома. Городская пресса отмечала, что качество «народного строительства» выше, чем у строителей профессионалов. Со временем статус «народныхстроек» городские власти стали присваивать не только жилым домам, но и социально значимым объектам в городе. «Народной стройкой» стал плавательный бассейн, в возведении которого приняли участие более шести тысяч норийчан. Методом «народной стройки» возводились школы, детские сады, стадион и телецентр. Последним объектом «народного строительства» был в 1968 г. Дворец спорта «Арктика». Но к этому времени жилищный вопрос в городе был в значительной степени решен и в городе были созданы мощные строительные организации. В 1969 г. суммарная площадь построенного в городе жилья приближалась к миллиону квадратных метров. Темпы жилищного строительства были признаны самыми высокими в СССР¹⁴⁷.

Несмотря на то, что в 1964–1984 гг. численность населения заполярного города в связи с активизацией производственного строительства, вводом в строй новых производственных мощностей удвоилась и достигла 260 тыс. чел., проблемы жизнеобеспечения его

успешно решались. При городском комитете КПСС работал методический совет по вопросам социального развития города, который проводил большую координационную работу, объединял усилия государственных и хозяйственных организаций.

Норильский Горно-металлургический комбинат был не только специализированным предприятием мирового значения, но и, по сути дела, формой организации городской жизни. Например, в структуре комбината в 1980-е гг. действовало управление «Норильскремстрой-услуга», которое оказывало помощь норильчанам в ремонте жилья, утеплении дверей, принимало заказы на изготовление встроенной мебели по индивидуальным заказам и даже мини-стадионов на дому. В 1987 г. на каждого жителя заполярного города приходилось более 300 руб. платных услуг в год, что почти вдвое превышало общесоюзные показатели. Через специализированные подразделения Норильского горно-металлургического комбината в городе происходило обеспечение населения жильем, общественным транспортом, торговлей, медицинским и бытовым обслуживанием. Прямо в цехах комбинатовских предприятий были оборудованы спортивные залы и оздоровительные комплексы, которыми могли бесплатно пользоваться не только работники предприятия, но и члены их семей¹⁴⁸.

Таким образом, можно заключить, что создание системы социального обеспечения в РНПО Сибири было не адекватным требованиям времени и крайне противоречивым. Оно зависело от многих обстоятельств как объективного, так и субъективного характера. Были отдельные примеры успешного решения социальных проблем, но в целом в государственной политике не просматривалось единой и четко функционирующей системы обеспечения благоприятных бытовых условий и труда населения в зоне индустриальных новостроек Сибири. Здесь на первом плане в устремлениях всех участников событий было достижение производственных показателей.

Вместе с тем существовали прямые расчетные доказательства, что приживаемость населения в РНПО зависела от своевременного формирования здесь социальной инфраструктуры и полноценного социально-бытового и культурного обеспечения населения. Так, исследованиями сотрудников Института экономики и организации промышленного производства СО АН СССР, проведенными в 1968–1969 гг. в новых городах, формирующихся на базе развития в Сибири нефтегазовой промышленности Стрежевом, Сургуте, Нефте-

юганске, Нижневартовске было выявлено, что главной причиной отъезда людей из этих поселений являлась неудовлетворенность жилищными условиями. Примерно половина уезжала по причине неудовлетворенности жилищными условиями, 37,2 % – по причине неудовлетворительного снабжения продовольственными и промышленными товарами, 34,7 % – по причине неудовлетворенности культурными и бытовыми условиями и только 18,1 % – по причине низкой оплаты труда. 17,9 % уезжали по причине неподходящего климата¹⁴⁹.

В 1960-е гг. советские ученые имели возможность в своих изысканиях изучать закономерности социального развития районов нового промышленного строительства. Они пытались найти причины высокой текучести кадров на новостройках, определить пути её преодоления в рамках действующих хозяйственных и политических механизмов в СССР. Государственная политика, конечно, не могла информационно не подпитываться от научных изысканий. В то же время в ней присутствовала своя логика. Экономический интерес государства находился в производственной сфере. Поэтому главное внимание уделялось именно ей, а социальное развитие планировалось без особого учета особенностей формирования населения, климатических признаков, инфраструктурного состояния территории РНПО и т.д. Создание ТПК, главным образом, мотивировалось высокой эффективностью здесь производства или добычи полезных ископаемых. В основе социальной политики с самого начала закладывался принцип усреднения, достижения нормативов, которые могли и не отражать реального положения дел. Поэтому развитие социальной инфраструктуры, изначально отстав, уже имело мало возможностей для своего полноценного существования и удовлетворения запросов населения.

Ситуация слабо менялась, хотя казалось бы о ней все знали и пытались что-то изменить. Несмотря на значительное социальное строительство в РНПО, более высокие его темпы по сравнению с обжитыми районами страны и значительные капитальные вложения в развитие социальной инфраструктуры, оно было не адекватным росту потребностей населения и становилось по-прежнему причиной его слабой приживаемости, что отмечалось исследователями с незавидным постоянством¹⁵⁰.

В 1980-е гг., особенно после XXVII съезда КПСС развитию социальной инфраструктуры населенных пунктов РНПО стало уде-

ляться большое внимание. По линии центральных органов государственного управления и региональных советских и партийных организаций принималось множество решений, составлялись планы конкретных мероприятий, которые должны были в короткие сроки улучшить положение дел с жизнеобеспечением населения РНПО. В связи с предполагаемым ускоренным развитием в Сибири территориально-производственных комплексов создание социальной инфраструктуры планировалось в зависимости от трех обстоятельств: региональных производственных планов, особенностей роста и формирования населения и природно-климатических условий того или иного района расселения. В зависимости от каждого из названных факторов разрабатывались конкретные планы градостроительства и соответственно планировались финансовые и прочие затраты.

В этом направлении интересен опыт, приобретенный в Красноярском крае. Здесь при активном участии партийных и советских региональных организаций разрабатывались комплексные программы социально-экономического развития края, в которых важное место занимало решение социальных проблем в РНПО. Во второй половине 1980-х гг. с привлечением научных учреждений и представителей плановых органов были разработаны перспективные программы развития городов КАТЭКа, Саянского ТПК, Нижнего Приангарья. Много внимания уделялось Норильску, в котором жизненная практика в течение полувека доказала, что экономическая эффективность работы промышленного предприятия напрямую зависит от успешного функционирования всех жизнеобеспечивающих систем в городе¹⁵¹.

С учетом климатических факторов планировалось широкое развитие мобильной инфраструктуры, включающей полевые городки, в которых обеспечивалось коммунальное, бытовое, торговое, медицинское и культурное обслуживание. Такие городки существовали на строительстве БАМа. Положительный опыт создания и работы таких городков накоплен при строительстве трансконтинентального газопровода Уренгой-Помары-Ужгород. При его сооружении было создано 50 полевых городков, в которых проживало одновременно около 25 тыс. человек. В них работало 90 врачебных и 500 фельдшерских здравпунктов, 140 столовых, 154 магазина. Кроме того, строителей обслуживали 87 вагонов-столовых, 28 вагонов-магазинов.

Полевые городки оснащались даже сборными спортивными комплексами с плавательными бассейнами и финскими банями¹⁵².

Поиск новых форм и методов обслуживания населения, повышения качества его жизни и труда, безусловно, способствовали росту производственных успехов. Однако для РНПО Сибири данная политика имела ещё и важнейший социальный эффект, который выражался в обживании региона, в закреплении здесь населения. К сожалению, данные тенденции стали к концу 1980-х гг. постепенно принимать противоположный характер. Снижение централизованного финансирования на социальное строительство в РНПО, противоречивость общегосударственного и регионального управления постепенно снижали темпы реализации намеченных социальных планов, контроль за их выполнением. Намеченные социальные планы на двенадцатую пятилетку для РНПО Сибири не были выполнены.

В условиях советской государственной системы, основанной на всеобъемлющем плановом и централизованном управлении социальным и экономическим развитием на территории, как отдельных регионов, так и всей страны, для РНПО Сибири были разработаны специфические механизмы для реализации государственной политики. Одним из них была ведомственность, когда решение общих задач формирования того или иного территориально-производственного комплекса распределялось между отдельными министерствами и ведомствами. В определенные исторические периоды ведомственное управление сыграло свою положительную роль в освоении пионерных районов Сибири, помогло добиться важных результатов при решении крупных хозяйственных задач. Например, в своё время такие крупные ведомства как «Воркутауголь», «Комсеверопуть», «Главсеворопуть» обеспечили единое руководство на определенной территории при создании территориально-промышленных и транспортно-промышленных комбинатов, включая и социальную инфраструктуру¹⁵³.

Однако в 1950-е гг. использовать этот опыт в полной мере было нельзя. Усложнились задачи хозяйственного освоения, в котором одновременно участвовали сразу десятки министерств и ведомств, в первоочередную задачу которых входило производственное строительство, а социальное уходило на второй план. Поэтому средства на него распылялись, снижалась оперативность решения многих вопросов. Отдельные ведомства с трудом можно было организовать

вокруг решения каких-то общих задач. В системе государственного управления отсутствовали организации, в чьи компетенции входило бы такое общее и централизованное управление. Для производства данная ситуация не имела большого значения, а для создания социальной инфраструктуры, особенно в начальный период разворота строительства в РНПО, была крайне важна. Специфика её формирования требовала единых действий и оперативных решений, которые не могли осуществить ни сами ведомства, ни формирующиеся органы местного управления.

Были попытки преодолеть противоречия через создание специфических управленческих и координационных организаций, научно-технических советов по реализации конкретных комплексных программ, Дирекций строящихся городов. На этот счет имеется положительный опыт. Вместе с тем, ведомственность была трудно преодолимой. Она в условиях оперативного решения производственных проблем в РНПО Сибири, очень быстро проявляла себя в практическом решении социальных вопросов, повсеместно оставляя после себя хуторские хозяйства, когда министерства и ведомства в ускоренном режиме создавали для своих работников собственные поселения, не использовали возможности кооперации с другими отраслями на принципах долевого участия. Данная ситуация была характерна для всех РНПО Сибири, начиная со строительства Братска и Усть-Илимска и кончая городами БАМа, появившимися в 1980-е гг. Например, город Ноябрьск в Западно-Сибирском нефтегазовом районе состоял из пяти поселков, где проживали своеобразными анклавами нефтяники, газовики, строители, геологи и транспортники. Каждый поселок имел свою обособленную систему обслуживания. Жилищный фонд Ноябрьска отапливался одновременно 28 котельными¹⁵⁴.

Подобная тенденция к натуральному хозяйству и ведомственной ограниченности присутствовала при решении проблем обустройства населения практически во всех районах промышленных новостроек в Сибири. Она была осуждена в Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии ещё в 1976 г. И затем постоянно на самом высоком государственном уровне, на научно-практических конференциях и хозяйственных собраниях отмечалось, что при освоении новых районов необходимо учитывать и решать одновременно весь комплекс задач в том или ином населенном пункте. Для при-

влечения и закрепления квалифицированных кадров в РНПО Сибири должны обеспечиваться опережающие темпы жилищного, коммунального и культурно-бытового строительства. На практике же каждое ведомство заботилось в первую очередь о выполнении производственных планов, не уделяя достаточного внимания вопросам создания социальной сферы. В конечном итоге это отражалось на деятельности всего комплекса, приводило к несвоевременной подготовке к эксплуатации производственных мощностей, их недогрузке, которая огромными потерями оборачивалась для всего народнохозяйственного комплекса страны. Большие затраты были связаны с повышенной текучестью кадров и необоснованным движением населения.

При проектировании социальной сферы в зоне БАМ в рамках деятельности Научного совета по проблемам новостройки, возглавляемом академиком А.Г. Аганбегяном, предпринимались попытки преодолеть данные несоответствия и противоречия. Но во второй половине 1980-х гг. в условиях сокращения финансирования, трудностей при разработке программы перспективного производственного развития зоны БАМ, капитальное жилье строили только для железнодорожников, которые должны постоянно жить и работать на магистрали. Для строителей предусматривались временные дома, а для эксплуатационников будущих промышленных и добывающих предприятий вообще строительство жилья и прочих объектов социальной инфраструктуры не предусматривалось.

Ведомственность изначально определяла второстепенность создания социальной инфраструктуры и соответственно выделяла недостаточно средств на её развитие, а с другой стороны, она и не могла в должной мере организовать строительство новых поселений, так как ситуация напрямую зависела от развития производства. Производственные программы часто менялись уже в процессе их реализации, приобретали новые акценты и направления. В результате трудно было определиться и с социальным строительством. Так, первый генеральный план г. Братска был утвержден в 1958 г. и был рассчитан на строительство города с населением 60 тыс. человек. После решения о строительстве крупнейших предприятий в стране Братского лесопромышленного комплекса, а затем Братского алюминиевого завода и значительного роста населения пришлось его пересматривать. Затем после решения строить в городе завод отопи-

тельного оборудования и другие предприятия снова последовал пересмотр планов строительства города¹⁵⁵.

Подобные проблемы возникали в нефтегазовых районах Западной Сибири, в зоне строительства БАМ, где формировались высокоэффективные территориально-производственные комплексы. Везде возникали проблемы управления комплексным развитием. Ситуация на наш взгляд была порождена существующей в СССР системой государственного управления, построенной по территориально-административному и отраслевому принципу. Территориально-производственным образованиям в ней не находилось места. В 1970–1980-е гг. постоянно дискутировались проблемы эффективного управления формированием и развитием ТПК, предлагались различные варианты разрешения противоречий в государственном управлении. Однако кардинально проблемы, касающиеся развития РНПО не решались¹⁵⁶.

Местные органы власти, заинтересованные в развитии социальной сферы новых городов, не имели достаточно рычагов для осуществления действенного контроля на своей территории. Все градообразующие предприятия, в планы которых было вписано социальное строительство, не были особенно в нем заинтересованы, выполняли в первую очередь производственные задания и имели подчинение непосредственно своим министерствам, находящимся в Москве. Во времена существования Совнархозов были попытки объединить ведомственные и территориальные интересы, создавать Дирекции строящихся городов с правом министерств. После ликвидации совнархозов эти функции автоматически передались облисполкомам. Однако, они во властной структуре государства имели уже другой статус и полномочия.

Местные органы государственной власти: партийные и советские организации всегда брали на себя функции по обеспечению нормальных условий жизни населения на подведомственных им территориях, но поскольку они управлялись по вертикали и имели каждая своё назначение, то горизонтальное управление давалось с большим трудом. В городском управлении в решении, казалось бы, насущных городских проблем приходилось преодолевать огромную массу препятствий, принимать большое количество решений и согласований, накапливать горы переписки, на что уходили годы, менялись руководители, а проблемы не становились менее острыми.

В результате развитие системы социально-бытового и культурного обеспечения в районах нового промышленного освоения Сибири не смогло стать, как определялось, мощным фактором успешного формирования и стабилизации населения. Возможно, просто не хватило для этого исторического времени, ведь процессы обживания новых территорий Сибири происходили по ускоренной схеме, при жизни одного поколения людей. Вместе с тем и нельзя не отметить, что очень многое всё-таки было сделано. При мобилизующей роли государства и подвижническом устремлении населения в ранее пустынные и малоосвоенные с точки зрения хозяйственной деятельности человека районы пришла современная жизнь. Здесь сформировались не только крупнейшие в мире производственные комплексы, но и выросли новые города, которые выдержали испытание временем, несмотря на теоретические расчеты некоторых кабинетных ученых, много рассуждающих в последние десятилетия на тему, что России не нужно было так активно вторгаться на северные территории, тратиться на их обживание и освоение в ущерб для жизни последующих поколений.

Глава VI. Роль государственных организаций в адаптационных процессах в городах районов нового промышленного освоения Сибири.

Проблемы адаптации и закрепления новоселов в новых городах, в новых для них условиях труда и в целом жизнедеятельности решались на государственном уровне. Несмотря на то, что постоянно дискутировались проблемы о характере хозяйственного освоения Сибири, особенно северных её территорий, о дилемме создания здесь постоянных или временных поселений в процессе индустриального строительства, главная стратегическая линия государственной политики основывалась всё-таки на долгосрочном освоении и обживании сибирских территорий. Планы строительства крупных энергетических или промышленных объектов, обустройства месторождений полезных ископаемых, как правило, сопровождались проектами создания новых городов и рабочих поселков, которые затем становились опорными пунктами дальнейшего освоения территории,

центрами формирования экономических районов. Районы нового индустриального строительства, как правило, были малонаселенными, отличались неразвитостью транспортной, экономической и социокультурной инфраструктуры. Чтобы организовать в данных условиях крупное энергетическое или промышленное строительство разрабатывалась целая система мероприятий государственной миграционной политики, с помощью которой организовывались значительные контингенты желающих переселиться в Сибирь, жить там и работать, несмотря на все трудности и лишения, связанные с недостаточным социальным и экономическим развитием территорий нового строительства. С использованием богатейшего опыта агитации и пропаганды, накопленного советской системой ещё в годы первых пятилеток и послевоенного восстановления, у переселенцев формировались общие цели и задачи, для решения которых они и прибывали на новые места. В результате соответствующего настроя новые горожане легче переживали все трудности начального периода, адаптировались к новым видам производственной деятельности, изменениям социально-бытовой жизни, к новым межличностным отношениям.

Вместе с тем, они становились в значительной степени заложниками существующей общественно-политической системы, которая постоянно недооценивала человеческий фактор в производстве, рассматривала людей в качестве одного из производственных ресурсов, использовавшегося в интересах ведомств, что само по себе уже создавало не очень благоприятные условия для жизни населения в новом городе. В процессе его строительства на первый план выдвигались производственные проблемы, что в конечном итоге тормозило решение социальных и растягивало во времени трудности начального периода. В государственном управлении и в общественном мнении формировалось соответствующее отношение к этому, как к чему-то неизбежному и даже героическому, что накладывало отпечаток на все социально-экономические и демографические процессы в новых индустриальных городах, в том числе и на создание условий и механизмов социокультурной адаптации населения.

В начальный период строительства нового города существенная роль в этом важном деле отводилась трудовым коллективам и общественным организациями, администрациям строительных предприятий, которые не только принимали людей на работу и обеспе-

чивали их труд, но и всячески обустроивали их жизнь на новом месте, способствовали закреплению на стройке. В последующее время с развитием города всё большую роль начинали играть и другие традиционные городские организации, например, органы местного самоуправления, учреждения образования, культуры и т.п., которые брали на себя значительную часть забот по жизнеобеспечению населения и адаптации его в новых городах.

Новые индустриальные центры Сибири, создававшиеся в рамках государственных программ и планов социально-экономического развития СССР, особенно в начальный период своего формирования, представляли собой относительно замкнутые системы, развивающиеся по своим особым законам, возникшие при определенных обстоятельствах, в определенном месте и в короткие исторические сроки сформировавшие свои отличительные черты. Общие цели и задачи как в производственной, так и прочих сферах деятельности в значительной степени объединяли и сплачивали население новых городов, которое, несмотря на активное движение, значительные прямые и обратные миграционные потоки, представляло собой единое социальное сообщество, а само городское пространство формировалось по своим законам и правилам и уже этим было как бы защищено от постороннего влияния. Таким образом, каждый новый город представлял собой особое социокультурное явление, которое было специфическим как вид пространственной организации населения в новых индустриальных районах Сибири. Со временем он мог превратиться из поселения при промышленном предприятии в крупный административно-экономический и культурный центр, аккумулирующий и интегрирующий всю общественную жизнь определенной территории.

В новых городах изначально закладывался потенциал перемен. Здесь люди, оказываясь с определенными целями, сразу же вынуждены были создавать себе не только материально-бытовую среду, но и социокультурную, не полагаясь на постепенное развитие градостроительных и градообразовательных процессов. В эволюционно складывающейся городской среде сильны традиционные регуляторы жизнедеятельности людей, полнее действуют механизмы социальной преемственности, когда каждое новое поколение органично входит в локальную культуру и постепенно осваивает через местные социальные институты черты культуры всего общества.

В необжитых районах – новостройках все эти процессы развивались иначе и более ускоренно, а соответственно быстрее происходила и социокультурная адаптация населения.

Ускоренные процессы адаптации определялись и всей логикой исторического процесса обживания новых территорий Сибири. Люди прибывали сюда для выполнения социально значимых народно-хозяйственных задач и это становилось стержнем жизнедеятельности не только участвующих в производстве, но и их семей, соседей, друзей. В складывающихся условиях приоритета производственного созидания формировался и особый тип ценностных ориентаций, поведенческих стереотипов, менталитета населения новых промышленных городов, что отразилось в возникновении специфических образов и понятий: «братчане», «норильчане», «нижневартовцы», «бамовцы» и т.д.. Принадлежностью к своему особому городскому сообществу люди гордились, им дорожили и высоко ценили при осознании своего гражданского долга и статуса. В последствие это отношение передавалось по наследству и их детям. В результате всего через два-три десятилетия в новых промышленных городах формировалась достаточно значимая прослойка коренных жителей, родившихся здесь и связывавших свою жизнь с родными местами, пусть и не всегда комфортными для жизни в наших обычных представлениях.

Многие исторические факты свидетельствуют, что весь круг социального общения в новых промышленных городах во время строительства основных градообразующих предприятий проникался производственными интересами. В общей атмосфере первостепенно значимых забот формировалось особое отношение к происходящему, которое расставляло свои приоритеты и помогало людям адаптироваться в новых условиях, терпимее относиться к отсутствию привычного комплекса услуг и благ цивилизации. Любые ощутимые положительные перемены в производственной жизни вселяли оптимизм и становились существенными факторами адаптации. Эта особенность развития новых промышленных поселений делала их весьма притягательными для прибывающих в новые районы молодых людей, которые по своим социально-психологическим установкам, связанным с созиданием и стремлением сделать в жизни что-то важное и значительное, уже были готовы к свершениям через преодоление трудностей.

Социологами и культурологами отмечалось, что в новых индустриальных поселениях Сибири в изучаемый нами период уже два-три года были достаточны для того, чтобы сложился механизм включения новичков в социально-культурную среду и установились устойчивые отношения внутри новопоселенческой общности, сформировались свои ценностные ориентации, которые помогли бы успешно жить и работать в новых индустриальных поселениях как старожилам, так и вновь прибывшим¹⁵⁷.

На процессы социокультурной адаптации населения в новых индустриальных городах Сибири существенно влияли и изменения в социальной государственной политике и отношении государственного управления к индустриальному строительству в регионе. В послевоенные годы была разработана целая система мер по его активизации, особенно на северных, богатых природными ресурсами территориях. Положительную роль сыграл отказ от преимущественно принудительных и насильственных мер обеспечения трудовыми ресурсами предприятий и строек Сибири и переход на добровольные. Через средства массовой информации руководство страны стремилось воздействовать на патриотические чувства молодежи, призывая её принять участие в реализации народнохозяйственных проектов общегосударственного значения. Долгое время патриотизм являлся основным мотивом для принятия человеком решения о поездке на сибирскую новостройку. Во время анкетирования, проведенного в 1970 г. в коллективе Усть-Илимской ГЭС, на вопрос «Какова основная причина, в силу которой Вы приехали на стройку?», 63 % опрошенных ответили, что главной причиной стало желание участвовать в большом и важном деле, 34 % в качестве ведущего мотива указали интерес к новым местам работы, и лишь 17 % – материальную заинтересованность¹⁵⁸.

Заметим, что уже в 1970-е годы структура мотивов приезда новичков в районах нового индустриального освоения Сибири стала меняться. В трудовые коллективы формирующегося Западно-Сибирского нефтегазового комплекса прибывало все больше тех, кто главную цель видел в решении своих материальных проблем. Однако, среди несемейной молодежи, приезжающей на новостройки по общественному призыву через комсомольские организации, по распределению из учебных заведений патриотические устремления и интерес к новым местам жизни и деятельности сохранился¹⁵⁹.

Активное использование общественного призыва, распределения специалистов после окончания учебных заведений, приглашения отдельных профессионалов и целых производственных коллективов на индустриальные новостройки Сибири непосредственно воздействовали на формирование населения, его структуру и состав, а соответственно и определяли в каждом конкретном случае специфику социокультурной адаптации в новом индустриальном городе. На приживаемость новоселов в начальный период строительства примерно в равной степени влияли осознание важности задач строительства того или иного производственного объекта и условий бытового обустройства работников.

Огромную роль, как часть государственной системы управления и организации общественных процессов, сыграл ВЛКСМ, который принимал самое активное участие не только в привлечении молодежи в РНПО Сибири с целью пополнения кадрового потенциала, но всемерно способствовал закреплению и адаптации молодых людей, прибывших на новостройки. Этому способствовала и отрядная форма прибытия, посредством которой объединялись не случайные люди, а единомышленники, связанные общими целями и задачами, профессиональными и жизненными интересами. ЦК ВЛКСМ разрабатывал специальные программы шефства над РНПО Сибири, над формированием и развитием здесь ТПК, строительством наиболее важных предприятий.

На самом высоком уровне управления комсомольскими организациями занимались проблемами как посылки комсомольских отрядов на индустриальные новостройки Сибири, так и их там обустройством. С первых лет существования комсомольского общественного призыва ЦК ВЛКСМ регулярно посылал комиссии на стройки, в которых участвовали не только рядовые комсомольские чиновники, но и первые руководители, секретари ЦК ВЛКСМ. Так, работавшая в Красноярском крае в апреле 1958 г. комиссия ЦК ВЛКСМ отметила, что на строительстве Красноярской ГЭС и Назаровской ГРЭС, объявленных всесоюзными комсомольскими стройками, руководители строек «крайне безответственно относятся к организации труда и быта молодежи, прибывшей по комсомольским путевкам». В выписке из решения заседания секретариата ЦК ВЛКСМ, направленной в ЦК КПСС и Совет Министров РСФСР, а так же в ВЦСПС и ЦК профсоюзов рабочих электростанций и электросетей

говорилось, что проверка установила, что на всесоюзных ударных комсомольских стройках руководители не заботятся о создании необходимых условий для жизни и высокопроизводительного труда молодых рабочих, которые составляют большинство в трудовых коллективах. В выписке из решения, подписанной первым секретарем ЦК ВЛКСМ В. Семичастным говорилось, что необходимо срочно и безотлагательно принять меры по улучшению положения молодых рабочих на новостройках иначе под сомнение ставится выполнение намеченных партий и правительством планов народнохозяйственного развития страны¹⁶⁰.

В 1970-е гг. по линии комсомольских организаций широко проводились шефские мероприятия по улучшению условий труда и быта молодежи новостроек. Значительное место в этом занимала идейно-политическая пропаганда, проведение политшкол и политсеминаров, но в целом в этой деятельности было и много полезного. Молодежь приобретала не только политические, но и производственно-технические и экономические знания, расширяла свой культурный и образовательный кругозор.

В 1978 г. в Тюменской области начал свою работу агитпоезд ЦК ВЛКСМ «Молодогвардеец», в составе которого действовали клуб оперативной политической информации, кабинет комсомольского пропагандиста, библиотека-читальня, книжный киоск. Штатные комсомольские работники агитпоезда, научные консультанты и лекторы, командированные ЦК ВЛКСМ, проводили консультации по широкому кругу вопросов. В составе агитпоезда прибывали в районы ЗСНГК известные в стране люди писатели, поэты, артисты, а также общественные и политические деятели¹⁶¹.

Только по комплексному развитию ЗСНГК в 1980-х гг. ЦК ВЛКСМ на заседаниях бюро и в Секретариате рассмотрел такие вопросы, как «О работе комсомольских организаций по дальнейшему усилению шефства над развитием нефтяной и газовой промышленности Западной Сибири», «Об участии комсомольских организаций в строительстве системы магистральных трубопроводов Север Тюменской области – Центральные районы Европейской части СССР и экспортного газопровода Уренгой-Помары-Ужгород» и др. В этих документах разрабатывалась система мероприятий, шефства комсомола над освоением нефтяных и газовых месторождений Тюменской и Томской областей, обобщался многолетний вклад деятель-

ности союза молодежи на Всесоюзных ударных стройках СССР, определялись формы и методы патриотического воспитания молодых людей для их активного участия в развитии РНПО, в том числе и Сибири¹⁶².

В годы десятой-одиннадцатой пятилеток в зоне ЗСНКТ, на строительстве БАМ активно действовали штабы ЦК ВЛКСМ. Они участвовали в создании высокопроизводительных крупных комсомольско-молодежных трудовых коллективов в составе основных строительных трестов, монтажных управлений и поездов, в которых требования ответственности и высокой производительности труда сочетались с взаимопомощью и взаимовыручкой членов коллективов не только на производстве, но и в быту. В Тюменской области в нефтегазовом комплексе в годы одиннадцатой пятилетки работало более трёх тысяч комсомольско-молодежных коллективов, объединяющих в своем составе около 50 тыс. человек¹⁶³.

Государственная политика привлечения молодежи в РНПО действовала через проверенные временем и ставшие уже традиционными для советской системы воздействия на общество, идеологические механизмы, которые в реальной жизни проявлялись в деятельности партийных, профсоюзных и комсомольских организаций. Большое воздействие имела периодическая печать. Самые популярные среди советской молодежи издания объявлялись шефами ударных комсомольскихстроек. В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об общественном призыве молодежи на важнейшие стройки пятилетки» от 6 июня 1966 г. подчеркивалась необходимость усилить пропаганду ударного строительства в Сибири через периодическую печать. В Западной Сибири шефами ударных комсомольскихстроек назначались газета «Комсомольская правда», журналы «Юность», «Смена» и другие центральные и республиканские издания.

Особенно большое внимание уделялось проблемам молодежи в РНПО Сибири на страницах «Комсомольской правды», которая постоянно знакомила своих читателей с проблемами закрепления молодежи на новостройках, вопросами ускорения темпов строительства предприятий и городов, стремилась пропагандировать активную жизненную позицию, рассказывать о непростых условиях здесь жизни и труда.

Проблемам ударных комсомольскихстроек посвящались специальные выпуски и рубрики областных молодежных газет. В газете «Тюменский комсомолец» с 1967 г. существовали постоянные рубрики, в которых помещались материалы о молодежи, прибывшей по общественному призыву на стройки ЗСНГК. Корреспонденты еженедельно сообщали о работе комитетов ВЛКСМ с юношами и девушками, оказавшиеся в новой для них жизненной ситуации. В органе Томского обкома ВЛКСМ газете «Молодой ленинец» была создана постоянная рубрика, в которой регулярно печаталась информация о сибирских новостройках, а также консультации для желающих поехать на них¹⁶⁴. В целом печать, как одно из основных средств массовой информации в советском обществе, была ещё и мощным средством идеологического воздействия, играла в значительной степени организующую и мобилизующую роль в привлечении молодежи на сибирские новостройки, способствовала не только их приезду на них, но и закреплению в трудовых коллективах, в населенных пунктах.

Комсомольские организации ударныхстроек придавали большое значение массовой агитационно-пропагандистской работе, которую они определяли как идейно-политическое воспитание, проводили соответствующие мероприятия: активы, семинары, фестивали, в деятельности которых сочетались и пропаганда передового опыта на предприятиях, и культурно-спортивные мероприятия, а также проходили выступления популярных артистов, поэтов, писателей, ученых и различных общественных и политических деятелей СССР. Это в целом имело благоприятное воздействие на молодое население РНПО, давало ему определенный творческий и эмоциональный заряд, способствовало опосредованно как производственным успехам, так и адаптации в новых жизненных условиях. Особенно важно было проведение таких мероприятий для молодых тружеников, проживающих в вахтовых поселках, работающих на трассах, на месторождениях, удаленных от обустроенных мест.

Проблемы адаптации решались в процессе разработки и реализации комплексных социально-экономических программ, включающих как производственное, так и социальное строительство с учетом особенностей природно-климатического и экономико-географического характера той или иной сибирской территории, где планировалось или уже организовывалось индустриальное строительство. Че-

рез государственные программы хозяйственного освоения вырабатывались основные адаптационные механизмы, связанные в основном с созданием социокультурной среды урбанистического характера на новых, ранее малозаселенных сибирских территориях.

В условиях новых городов происходило взаимодействие и взаимовлияние как на уровне отдельных личностей, составляющих население, так и целых социальных сообществ, в которых формировалось устойчивое положительное отношение к общим социальным задачам, для решения которых и прибывали люди на новые места работы и проживания. Такое отношение позволяло успешно проходить наиболее трудный начальный период адаптации, как отдельным людям, так и социальным группам. С одной стороны, отдельные личности в ходе адаптации участвовали в новых видах производственной деятельности, межличностных общественно-культурных и бытовых отношениях, а с другой стороны – сами активно формировали социальную среду города. Таким образом, в процессе адаптации происходило очень тесное и связанное взаимодействие социальной среды и отдельной личности.

В 1950–1980-е гг. в Сибири активно осваивались северные, северо-западные и северо-восточные районы, имеющие до этого крайне слабую заселенность и низкую плотность населения, характеризующиеся отдаленностью от уже сформировавшихся крупных промышленных и культурных центров страны, отличающихся слабой территориальной доступностью, неразвитостью транспортной и в целом социокультурной инфраструктуры.

Решение проблем адаптации здесь в первую очередь преследовало цели обеспечения данных районов трудовыми ресурсами. Государственные адаптационные программы, с одной стороны разрабатывали различные способы и механизмы привлечения в районы индустриального строительства Сибири трудоспособного населения, а с другой – определяли здесь масштабное социальное строительство, которое в свою очередь само являлось мощным фактором адаптации населения и быстрого экономического и социального роста территории.

С учетом региональной специфики, природно-климатических и географических особенностей развития того или иного сибирского района государством определялись более высокие ставки заработной платы и социальных льгот, более высокие нормативы обеспе-

чения населения новых индустриальных городов благоустроенным жильем и прочими объектами социокультурной и бытовой сферы. В строящихся городах с учетом особой социальной и профессиональной структуры их населения планировалось строительство соответствующих объектов культурного, спортивного и бытового назначения, детских дошкольных и образовательных учреждений и т.п.

Начиная с 1970-х гг. регулярно проводились дорогостоящие социолого-экономические исследования, которые помогали научно обосновывать главные стратегические направления социально-экономической политики в районах нового индустриального строительства. Постепенно в научных исследованиях СССР сформировалось своего рода северное направление, которое объединило все комплексные исследования в районах нового индустриального освоения Сибири, в большинстве своем либо находящиеся действительно в районах Севера и Крайнего Севера или согласно специальных постановлений правительства приравненных к ним. Многие научные учреждения были организованы на местах. В Тюмени был создан академический научно-исследовательский институт проблем освоения Севера, в задачу которого входило комплексное изучение как производственных так и социальных вопросов, связанных с освоением нефтегазовых месторождений Западной Сибири. Академические институты медицинских и биологических проблем Севера созданы в Красноярске, Норильске, Магадане. Большой объем исследований, касающихся северных территорий и районов нового промышленного освоения выполнялся многими другими, неспециализированными по проблемам Севера, научными учреждениями страны, вузовской наукой.

Исследования показывали, что целям адаптации населения в РНПО может служить значительный комплекс факторов социально-экономического характера, среди которых главную роль играла не столько высокая степень заработной платы, сколько обеспечение в целом более высокого уровня жизни по сравнению с центральными районами страны. Кроме того, крайне важными факторами адаптации для молодого населения новых городов являлось наличие возможностей профессионального и карьерного роста, интересного досуга и времяпрепровождения в свободное от работы время. На третьем месте по значимости оказалась группа факторов, связанных с удов-

летворенностью организаций и условиями труда, состоянием психологического комфорта в производственных коллективах¹⁶⁵.

Таким образом, через научный инструментарий вырабатывались основы государственного управления стратегией и практикой адаптации населения в РНПО Сибири. Необходимо отметить, что в 1950–1980-е гг. политика советского руководства приобретала все большую социальную направленность. В самых главных государственных программах и документах провозглашались новые социальные ориентиры: «Всё – во имя человека», «Всё – для блага человека». Они находили конкретное выражение в демографической политике государства, повышенных по сравнению с предыдущими историческими периодами в жизни СССР темпах жилищно-гражданского строительства, особенностью которого становился повсеместный переход на индустриальные методы, заботе об улучшении качества торгово-бытового и культурного обслуживания населения, в целом о повышении уровня жизни.

Эти позитивные изменения в государственной политике в полной мере коснулись и районов нового индустриального строительства в Сибири, но практическая реализация разработанных планов оказалась достаточно сложной. В начальный период формирования новых городов социальное строительство, как правило, велось одновременно с производственным несколькими ведомствами, которые не всегда корректно распределяли финансовые и прочие материальные ресурсы. Приоритетное обеспечение получало производственное строительство, что значительно осложняло реализацию адаптационных программ, которые в Сибири требовали более значительных капитальных вложений, чем в центральных или южных районах страны. Например, бытовое обустройство каждого новосела в начале 1980-х гг. по подсчетам ЦЭНИИ Госплана РСФСР в Западно-Сибирском экономическом районе, исключая северные территории, составляло 8,3 тыс. руб., в Восточно-Сибирском – 9,5, а в Дальневосточном – 18 тыс. руб., тогда как в Центрально-европейском эта сумма составляла 5 тыс. руб. В отдельных регионах Сибири эти расходы были ещё выше: в Среднем Приобье они составляли примерно 20 тыс. руб., на полуострове Ямал – более 40¹⁶⁶.

Начальный период адаптации населения в новых городах сопровождался проблемами и чисто биологической акклиматизации. Для многих переселенцев из трудоизбыточных и более южных рай-

онов непривычными были природно-климатические условия Сибири. Сложность адаптации к климатическим условиям в большей степени сказывалась в начальный период жизни в районах нового индустриального освоения, где пока отсутствовала соответствующая социально-бытовая и производственная инфраструктура, а жилище имело временный характер. В таких условиях биологическая адаптация приобретала важнейший социально значимый характер, так как от результатов её прохождения зависело, останутся ли новоселы в новом городе и будут ли выполнять те задачи, ради которых они сюда приехали, или уедут в другие более благоприятные для жизни места.

Под трудными природно-климатическими условиями Сибири понимались не только низкие зимние температуры воздуха, но в целом все аномальные условия внешней среды, которые были непривычны для переселенцев из более южных районов СССР и нарушали их самочувствие и внутреннее экологическое равновесие. Например, северные районы Западной Сибири, где в изучаемый нами период происходило интенсивное создание Западно-Сибирского нефтегазового комплекса, характеризовались не только резкими изменениями температурного режима, перепадами атмосферного давления в течение всего календарного года, но и сильными ветрами, полярными сменами дня и ночи. Специфика зоны строительства БАМа также отличалась условиями экстремальности, которые характеризовались не только резким континентальным климатом, но и повышенной сейсмичностью, сложным рельефом местности. Большая часть районов нового индустриального освоения Сибири находилась на территориях присутствия вечной мерзлоты. Разумеется, не каждый новосел мог быстро адаптироваться в новых для себя природно-климатических условиях.

Переезд в иную климатическую зону по сравнению с прежним местом жительства – всегда определенная нагрузка на организм, который должен приспособиться к новым непривычным условиям среды обитания. Неподготовленность к климатическим условиям нового района проживания, недостаточная физическая выносливость организма оборачивались текучестью кадров, снижением производительности труда, потерями рабочего времени. Подсчитывалось, что только экономические потери от слабой приживаемости в районах нового индустриального освоения Сибири и Дальнего Вос-

тока в 1961–1980 гг. и текучести в производственных коллективах составляли примерно 800 млн. руб. в год. И эта цифра имела тенденцию к росту¹⁶⁷.

Ученые-медики и биологи с участием социологов разрабатывали специальные адаптационные программы привлечения для работы в экстремальных условиях Сибири физически крепких и выносливых людей, подготовленных не только профессионально, но и психологически. Данные программы предусматривали, наряду с отбором и систему контроля за тем как происходил период акклиматизации у приезжих, давались рекомендации, направленные на более быстрое и эффективное приспособление организма человека к новым для него условиям. Разрабатывались специальные предложения по территориальному и отраслевому перераспределению трудовых ресурсов с целью смягчения проблемы природно-климатической адаптации людей. Научные исследования доказывали, что наибольшей приспособляемостью к суровым климатическим условиям обладали жители территориально более близких регионов.

В г. Норильске в 1970-е гг. на государственном уровне была разработана целая система организации акклиматизации новоселов. При городском комитете КПСС и горисполкоме действовал специальный штаб, контролирующий главные жизнеобеспечивающие системы города, связанные со здоровьем населения, социально-бытовым обслуживанием, обеспечением комфортных условий проживания и труда. Каждая из данных систем вносила свой вклад в адаптацию населения в северном городе, в обеспечение приживаемости в нем. Местные органы управления своим активным участием добились установления для норильчан особых норм жизнеобеспечения. Например, в городе были установлены повышенные нормы питания и соответственно обеспечения продуктами с преобладанием в них жиров и белков. По рекомендациям медиков были организованы в зоне Норильска тепличные хозяйства для производства на месте витаминной продукции: зелени и овощей. Из года в год увеличивалось производство и добыча оленины, так как были доказаны уникальные свойства её в питании северян.

Местная пищевая промышленность перешла на производство специальных хлебобулочных изделий, обогащенных витаминами, напитков с витамином «С». Особое внимание на обеспечение витаминами и другими важными компонентами пищи обращалось в се-

ти общественного питания, в детских дошкольных учреждениях и школах.

В Норильске с начала 1970-х гг. все вопросы развития социальной сферы решались с точки зрения сохранения и укрепления здоровья северян, полноценного и комфортного проживания в городе. С данных позиций рассматривалось строительство жилых зданий, детских и спортивных сооружений, социально-бытовых комплексов, предприятий общественного питания. В городе была создана автоматизированная система обработки медицинских данных, которая содержала информацию о состоянии здоровья десятков тысяч норильчан. Таким образом, медики стремились контролировать и предупреждать, например, прединфарктные состояния, вспышки вирусных инфекций, желудочно-кишечных расстройств. Они изучали, что происходит с людьми в ответ на перепады давления, при смене полярной ночи полярным днем, с чем связаны пики обморожения и т.д.¹⁶⁸

Работа по обеспечению приживаемости и стабилизации населения в Норильске дала заметные результаты. В течение десятилетия 1975–1985 гг. удалось улучшить демографические показатели, стабилизировать контингент работников в трудовых коллективах, снизить текучесть кадров, улучшить здоровье норильчан. Особенно заметно укрепилось здоровье детей и подростков, что выразилось в сокращении у их матерей больничных листов по уходу, уменьшению количеств заболеваний детей в детских учреждениях. По ориентировочным подсчетам в 1981 г. в городе был достигнут условный экономический эффект от снижения трудопотерь примерно в 16 млн. руб., за счет устранения временной нетрудоспособности сэкономлено 200 тыс. человеко-дней¹⁶⁹.

В 1980-е гг. на предприятия и в организации Норильска поступало так много предложений о работе из самых различных регионов страны, что горисполком был вынужден даже принять решение «О мерах по упорядочению приглашений (вызовов) граждан в город Норильск и их прописки», обязывающее предприятия ответственно относиться к приглашению новых работников с учетом их квалификации и специальности. Привлекательность проживания в Норильске была очень велика. Только в адрес Норильского горно-металлургического комбината приходило около 30 тыс. писем-предложений в год¹⁷⁰.

Опыт Норильска по адаптации и закреплению населения в северных районах использовался в Сургуте, Нефтеюганске, Новом Уренгое и других городах Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. Актуальным он оказался и в зоне БАМа. Здесь при наличии экстремальных природно-климатических условий среди новоселов был достаточно большой процент переселенцев из Молдавии, Средней Азии, районов Кавказа и Закавказья, для которых требовалась особая подготовка как физиологическая, так и психологическая. Учеными и организаторами переселений разрабатывались специальные информационные программы, рассчитанные на людей, готовых поехать для работы и жизни в новые для себя условия индустриального строительства. В них содержались не только знания природно-климатического и регионального характера, но и сведения о перспективах развития той или иной сибирской территории, значимости её для развития страны и конкретных людей, которые захотят здесь жить и работать.

В задачу государственного управления входило выяснение прямых и опосредованных факторов адаптации населения в новых городах Сибири, как в производственной, так и непроизводственной сферах. Однако первой вначале не придавалось большого значения. В 1950–1960-е гг., считалось, что на производстве все трудности можно компенсировать надбавками к заработной плате. Например, очень медленно происходила разработка специальной техники, применяемой в суровых климатических условиях, хотя практика индустриального строительства в Сибири ещё в 1930-е гг. показала, что здесь нужны иные, чем в южных районах страны машины и механизмы. Зимой при низких температурах снижается производительность стандартных автомобилей и экскаваторов, бульдозеров и буровых установок. Здесь более часты поломки и людям иногда в экстремальных условиях приходится их ликвидировать, а то и работать вручную, брать на себя функции машин.

С новым этапом индустриального строительства в Сибири во второй половине XX в., с ростом возможностей государства снова встала задача формирования особого направления научно-технической политики, которая в результате способствовала бы созданию так называемой северной техники и технологии, которые могли бы обеспечить благоприятные условия труда северян. Но важнейшая не столько экономическая, сколько социальная проблема решалась

медленно. Только на рубеже 1970–1980-х гг. на северных индустриальных стройках стали появляться автомобили, трактора, башенные краны и экскаваторы с утепленными кабинами и кондиционерами в так называемом северном исполнении, специальные транспортные средства, болотоходы, платформы на воздушной подушке, пневмокатки, нетканые синтетические материалы для сохранения вечной мерзлоты при строительстве коммуникаций и т.д. Того, что выпускалось отечественной промышленностью, было крайне недостаточно, хотя уже это малое приносило ощутимые экономические и социальные результаты¹⁷¹.

Благоприятные условия труда могли бы, безусловно, являться значительным фактором адаптации людей в северных городах Сибири. Вместе с тем, в изучаемый нами период он использовался недостаточно, а образы обмороженных северян в обледенелых спецовках, представляемые журналистами, в общественном мнении являлись свидетельствами трудового героизма и самопожертвования. Такие противоречия не всегда шли на пользу адаптации людей в районах нового индустриального освоения Сибири. Они затрудняли формирование здесь рациональной для жизни человека социокультурной среды, которая должна была иметь свои особые, но не противоречащие разумным пределам ценности и правила поведения, особый уклад повседневной жизни, обусловленной спецификой природной и социальной среды. Чем быстрее человек осваивался в новой для себя жизни города, трудового коллектива, тем быстрее он адаптировался здесь и хотел остаться.

В государственной политике более значимую роль отводили факторам адаптации в непродуцированной сфере. Результаты исследования миграции населения в районах нового индустриального освоения показывали, что основные причины оттока жителей с этих территорий были связаны с недостаточным развитием социальной инфраструктуры. Например, при обследовании нефтегазовых районов Западной Сибири назывались следующие главные причины выезда населения: необеспеченность жильем (43,7 %), недостаточно налаженное культурно-бытовое (34,4 %) и торговое (37,2 %) обслуживание¹⁷². Нормальное жилье (комната в благоустроенной квартире или общежитии для одинокого, вагончик или небольшая квартира на первое время для семьи) было главным условием, при котором значительная часть строителей могла бы остаться на БАМе

на длительное время, а может и на постоянное место жительства. Более 80 % лиц, которые в период опроса намеревались длительное время работать на строительстве железной дороги, отметили, что при условии обеспечения их современными жилищными условиями они остались бы на стройке и на более длительное время, а при определенных обстоятельствах, связанных с развитием здесь урбанизации и социокультурной сферы могли бы постоянно жить в этой местности¹⁷³.

На практике проблемы создания социально-культурной и бытовой инфраструктуры, необходимой для комфортного проживания в новых индустриальных городах Сибири, решались недостаточно быстро. Настроения романтического ожидания населения, которые помогали преодолевать трудности начального периода строительства, проходили, а период формирования городской среды, строительства жилья, объектов социально-культурной и бытовой сферы, как правило, затягивался по различным объективным и субъективным причинам, что в свою очередь снижало эффективность процессов адаптации.

Если проблему обеспеченности жильем пытались решить в первую очередь, то обеспеченность бытовыми услугами, учреждениями культуры и спорта в новых городах долгое время оставалась крайне низкой. Планы строительства зданий под соответствующие учреждения хронически не выполнялись. Перегруженность строительных организаций объектами производственного назначения повсеместно приводили к ситуации, когда объекты бытового или культурного назначения строились крайне медленно или вообще исключались из планов. Так произошло со строительством в 1984 г. Дворца Культуры в Надыме. В Новом Уренгое было сорвано введение в строй действующего кинотеатра на 800 мест, клуба на 500 мест со спортивным залом на 300 мест. В первом квартале 1985 г. строителями на объектах культуры приполярных городов Западно-Сибирского нефтегазового комплекса было выполнено менее 1 % годового объема¹⁷⁴.

Да и сама культурная политика в новых индустриальных городах мало отвечала требованиям времени и запросам населения. Традиционная схема, по которой осуществлялось культурное строительство, характеризовалась непрерывным количественным наращиванием однообразного набора учреждений культуры и досуга. В то же время не учитывалось, что в потребностях и желаниях людей про-

изошли изменения. Старые формы культурных мероприятий и досуга переставали работать. Заполняемость городских библиотек, клубов, Домов культуры, кинотеатров постепенно снижалась, но это не означало, что снижались культурные потребности и досуговая активность населения. Просто у людей появлялись новые потребности и увлечения, а соответственно и требовались новые формы проведения досуга.

Начиная с 1970-х гг., население новых городов формировалось в основном за счет мигрантов из промышленно развитых, высокоурбанизированных регионов. Оно обладало, как правило, достаточно высоким образовательным и культурным потенциалом, который способствовал их готовности к восприятию новых форм культурно-досуговой деятельности, характеризующейся преобладанием личностных вкусов и потребностей, когда произведения культуры и искусства включаются в повседневную жизнь и быт людей. У них формируется единый культурно-досуговой механизм поведения, когда отдых, общение с друзьями, развлечения соединяются с различными видами культурных и спортивных занятий.

Материалы социологических исследований в новых городах доказывали, что для их населения в основной массе своей характерны были именно такие интересы и устремления. Например, по данным анкетирования жителей Ноябрьска и Когалыма, находящихся на территории Западно-Сибирского нефтегазового комплекса, среди причин, побуждающих их к отъезду, на первое место вышли два фактора – неудовлетворительные жилищно-бытовые условия и неблагоприятные возможности для реализации культурных потребностей и проведения досуга. Тот и другой отметили по 46 % участников опроса, собирающихся покинуть Север. Удельный вес этих причин был выше, чем неудовлетворенность заработком, условиями труда, климатом и т.д.¹⁷⁵

Непривычно высокое и значимое место возможностей для удовлетворения культурных потребностей и проведения досуга у жителей новых городов в РНПО Сибири в 1980-е гг., на наш взгляд, вполне оправданно, так как в условиях Севера это имело большое значение, определяло жизненные планы населения, повышало уровень жизни в целом.

В государственной политике делались попытки модернизировать сферу культуры в РНПО, способствовать внедрению новых и более

востребованных населением форм проведения досуга. В планы градостроительства включалось сооружение новых комплексных учреждений культуры и спорта. Однако, в условиях ограниченных возможностей для развития культурной сферы, в основном сохранялся традиционный подход, связанный со строительством зданий в традиционной архитектурно-планировочной манере, которая изначально задавала и определенную уже устаревшую технологию организации досуга и культурных мероприятий. В результате реальная деятельность ведомственных и государственных организаций в направлении закрепления населения в РНПО Сибири и его социокультурной адаптации здесь мало учитывала особенности и потребности населения новых городов, его молодость, особую подвижность и активность в восприятии новых видов культуры и проведения досуга.

В городах ЗСНГК Новом Уренгое, Нижневартовске, Салехарде и др. делались попытки строить универсальные общедосуговые центры (УДЦ) многофункциональной направленности для отдыха, культурных и развлекательных мероприятий, а также занятий физкультурой и спортом. Их принципиальное отличие от традиционных учреждений культуры заключалось в том, что создавалась принципиальная возможность для свободного выбора занятий, как для отдельных людей, так и групп, а отсутствие жестко заданной программы действий и поведения при посещении культурно-досуговых мероприятий в УДЦ создавало эффект творчества и наибольшего удовлетворения потребителей.

В культурной политике такие учреждения планировались как своеобразные центры общественной жизни в новых молодежных городах, места для проведения массовых праздников и общественно значимых мероприятий: торжественных собраний, обрядов бракосочетаний, фестивалей, проводов в армию и т.п. По мнению культурологов УДЦ имели благоприятные возможности для организации досуга семьи, способствовали воспитанию культурных и общественно-значимых патриотических традиций. Строительство крупных УДЦ в городах РНПО рассматривалось как перспективное направление в развитии системы культурно-досугового обслуживания и удовлетворения запросов населения¹⁷⁶.

В задачу государственных организаций в рассматриваемый нами период входили также развитие и всяческая поддержка общественных инициатив не только в производственной, но и в бытовой и

повседневной жизни населения. В 1980-е гг. во многих строящихся городах РНПО Сибири стали возникать так называемые МЖК – молодежные жилищные комплексы, часто на кооперативных основаниях, в строительстве которых участвовали будущие жильцы. Они же и организовывали там свое проживание на правах самоуправления. Первые молодежные жилищные кооперативы были организованы в Сургуте, Нижневартовске и других новых городах, молодое население которых привлекали сами идеи МЖК: самоуправление по месту жительства, совместное воспитание детей, развитые формы соседской взаимопомощи, межличностного общения, организации культурной жизни и спортивно-оздоровительных мероприятий¹⁷⁷.

Социологические обследования, которые регулярно проводились в районах нового индустриального освоения Сибири в изучаемый нами период, могут служить своеобразным историческим источником, который свидетельствует о том, как происходили сложные и опосредованные процессы адаптации и закрепления населения, как менялись намерения и установки людей в процессе их жизни в новых городах, как эволюционировали их жизненные интересы и ценности. Так, многие молодые люди, приехавшие с большим желанием и энтузиазмом на строительство новых предприятий и городов и готовые бесконечно долго жить в палатках и общежитиях, в процессе взросления, а особенно после создания семей и рождения детей, уже не хотели этого делать и собирались уезжать в более комфортные для жизни места по причине отсутствия благоустроенного жилья или места в детских учреждениях.

Особенно требовательными к жизненному комфорту оказывались женщины, которые не желали мириться с тем, что десятилетиями нужно проживать во временном жилье, прилагать почти героические усилия по обеспечению быта своей семьи. Тем более, что и карьерный и профессиональный рост их в новых городах, особенно в начальный период, был затруднен по причине ограниченности сферы приложения женского труда. Разочарования наступали по мере приобретения людьми более высокого образования, повышения профессионально-квалификационного статуса. В 1970–1980 е гг. в результате социологических обследований всё чаще выявлялась зависимость намерений отъезда из новых городов от недостаточного развития социальной сферы. Это подтверждалось и

данными социально-демографической статистики, которая отмечала усиление миграции так необходимых в Сибири специалистов в европейские и южные районы СССР¹⁷⁸.

Таким образом, в процессе реализации социальных программ в новых индустриальных городах выяснялось, что проблемы адаптации имели сложный и опосредованный характер. Они требовали своего решения не только на уровне социальных групп, но и отдельных личностей с учетом их половозрастных, профессионально-квалификационных и прочих особенностей. Социальные проблемы адаптации решались как в производственной, так и непроизводственной сферах и все они были важны, так как имели определяющее значение для того, останется ли конкретный человек в новом городе на постоянное место жительства.

В изучаемый нами период адаптационные программы в основном связывались с проблемами стабилизации производственных коллективов и соответственно планировались только те мероприятия, которые способствовали сокращению текучести кадров предприятий и строек. Поэтому всегда присутствовала определенная ограниченность в решении проблем адаптации и закрепления населения новых городов, которая только со временем сокращалась и нивелировалась. С развитием городских поселений в более крупные индустриальные, административные, а возможно и культурно-научные центры начинали действовать уже другие механизмы и факторы. А сами города становились опорными пунктами создания новых индустриальных городских поселений в районах нового промышленного освоения.

В качестве примера такого преобразования можно назвать Братск, который из небольшого сельского населенного пункта за время индустриального освоения региона превратился в индустриально-промышленный, научно-проектный и образовательный центр. Здесь в изучаемый период находился штаб и индустриальная база крупнейшей в стране строительной организации – Ордена Ленина специального управления Братскгэсстрой. Строительные предприятия Братска, его квалифицированные рабочие и инженеры стали опорой для сооружения предприятий и города Усть-Илимска, Железногорска-Илимского, позднее западного участка БАМа и Богучанской ГЭС. В 1980-е гг. десанты Братскгэсстроя участвовали также в строитель-

стве предприятий и городов КАТЭКа, Западно-Сибирского нефтегазового комплекса.

Процессы адаптации населения в новых городах проходили как минимум два этапа: начальный пионерный и период относительной стабильности. Преодолевать и тот, и другой помогали особые формы переселения, связанные с переездом на новые места в составе комсомольско-молодежных отрядов, уже сложившихся производственных коллективов, территориально организованных групп специалистов и т.д. Целям успешной адаптации служили и образовавшиеся в новых городах национальные или территориальные землячества, которые помогали новичкам и их семьям осваиваться на новых местах.

Через партийные и комсомольские организации в общегосударственном и региональном управлении пропагандировались коллективизм и взаимопомощь, основанные на интернационалистских принципах, как в трудовых коллективах, так и в целом среди населения новых городов. В многонациональных коллективах главным критерием оценки людей выступала не их национальная принадлежность, а черты делового и общечеловеческого характера.

Немаловажное место в формировании и адаптации населения новых городов Сибири имели сложившиеся традиции шефства союзных республик, крупных промышленных центров над строительством новых предприятий и населенных пунктов. Впервые шефство было широко организовано с помощью партийных и комсомольских организаций на строительстве БАМа. Здесь Северобайкальск строили ленинградцы, Нию – грузины, Тынду – москвичи. Затем эта практика в широком масштабе стала использоваться при освоении нефтяных и газовых месторождений севера Западной Сибири. Здесь по существу каждый город в 1980-е гг. имел своих шефов, которые помогали строить жилье, дороги, социальные объекты, эффективно осваивать месторождения полезных ископаемых¹⁷⁹.

Государственная политика привлечения в Сибирь избыточных трудовых ресурсов из практически всех национальных районов и республик СССР, основанная на идеологии интернационализма, оказалась достаточно эффективной. Она дала не только мощные миграционные потоки, значительно пополнившие население районов интенсивного индустриального строительства в Сибири, но и явилась катализатором многих успешных этнолингвистических и

этнокультурных процессов среди многонационального населения новых городов, в которых в результате адаптации формировалась новая социокультурная среда. Социальные сообщества новых городов характеризовались, как сохраняющимися этническими традициями и стереотипами поведения, так и инновациями, порожденными уже новыми условиями жизнедеятельности. Многие примеры подтверждают вывод о том, что в новых городах формировалась уникальная социальная и культурная самобытность, сфокусировавшая в себе многие национально-культурные ценности народов СССР.

Выходцы из различных регионов страны приносили в Сибирь не только свои жизненные планы и интересы, но и традиции своей производственной и бытовой культуры. Из крупных городов, как правило, приезжали ИТР и рабочие достаточно высокого уровня квалификации и образования. Из малых городов и поселков городского типа, из сельской местности приезжало много рабочих с невысоким уровнем образования и квалификации, которые часто вынуждены были менять профессию или проходить производственную переподготовку с целью адаптации к новому виду труда.

Государственная политика по отношению к районам индустриального строительства в Сибири формировала важнейшие механизмы адаптации населения, как в производственной, так и непроизводственной сферах. Особенно остро проблемы адаптации стояли в начальный период развития новых индустриальных поселений, когда в них ограничивалось профессиональное и квалификационное развитие и в целом карьерный рост населения, так как требовались вначале в основном рабочие строительных специальностей. Кроме того, определенным был демографический состав, в котором преобладали мужчины. Характерной особенностью новых городов была скудность социального и культурного обеспечения жизни, что сопровождалось слабой приживаемостью новоселов, низкой их адаптационной способностью в новых условиях. Затем проблемы смягчались, приобретали более стабильный характер. В целом исторический опыт содержит немало прогрессивного, что подлежит изучению и возможно использованию в новых условиях освоения и обживания новых территорий.

Заключение.

Период 1950–1980-х гг. является особым в социально-экономической истории Сибири. В эти годы произошло существенное развитие производительных сил региона, значительно увеличились темпы индустриального движения на восток от Урала, которое сопровождалось столь же значительными социально-демографическими изменениями. Одновременно с освоением месторождений полезных ископаемых, строительством промышленных и энергетических объектов создавались, часто буквально на пустом месте, новые города и рабочие поселки, которые в очень короткие в историческом смысле сроки, всего лишь при жизни одного поколения людей, могли превратиться в крупные индустриальные, административные и даже научно-образовательные центры.

Районы нового промышленного освоения Сибири во второй половине XX в. со всем основанием можно считать своеобразным историческим феноменом, который проявился как особое социально-экономическое и политическое явление в развитии Российского государства. Оно имело свои специфические черты, связанные с особенностями хозяйственного освоения и обживания новых территорий, и в то же время находилось в рамках единого поступательного процесса развития производительных сил СССР.

В силу объективных и субъективных причин РНПО Сибири существовали одновременно в двух измерениях: реальном, связанном с конкретными планами строительства предприятий и населенных пунктов, и идейно-теоретическом, заключавшем в себе главные стратегические идеи и проекты, вынашиваемые и разрабатывавшиеся порой в течение десятилетий. И то и другое направления развития могли существовать только за счет сильной и централизованной государственной политики развития производительных сил, в которой восточные районы рассматривались как существенный резерв и фактор социально-экономического и политического развития государства.

Государственная политика по отношению к восточным районам страны, в том числе и к Сибири, имела свою преемственность в смысле разработки концептуального основания, которое формировалось в процессе модернизационных преобразований. На рубеже

1940–1950-х гг. обозначился их новый этап, проявившийся в активной разработке планов мощного развития производительных сил сибирского региона, в продвижении транспортного и промышленно-энергетического строительства во всё более новые и отдаленные от центров традиционного хозяйственного развития и проживания населения районы.

Государственная политика формирования и закрепления населения в районах нового индустриального освоения Сибири в 1950–1980 гг. развивалась в основном в интересах производственного строительства. Оно было главной целью, обозначенной во всех государственных директивах. Вместе с тем, развитие современного производства в крупных масштабах невозможно было без реализации социальных программ, которые осуществлялись в условиях ранее малозаселенных и слабо вовлеченных в хозяйственную деятельность человека территорий. В результате строительства промышленных, энергетических, транспортных предприятий происходил значительный рост населения, менялась его структура, происходила эволюция образа жизни и жизненных потребностей людей.

Важной частью социально-экономического развития РНПО Сибири в этот период была урбанизация. В ранее необжитых человеком местах возникали новые городские поселения, являвшиеся существенным фактором преобразования территории и способствующие её превращению из преимущественно сельской и промысловой в городскую и индустриальную. РНПО в этом направлении развивались очень быстрыми темпами, значительно опережая уже давно заселенные районы региона. Ускоренное развитие урбанизационных процессов в условиях активного индустриального строительства определяло специфику формирования и развития населения.

Радикальные социально-экономические и политические перемены в РНПО Сибири в 1950–1980-е гг. происходили на фоне изменений подобного рода в СССР. В этот период в государственной политике стало проявляться более пристальное, чем ранее, внимание к вопросам улучшения жизни советских людей, к повышению благосостояния населения. Для решения социальных проблем стали планироваться более значительные ресурсы, появились новые возможности. В стране развернулось масштабное жилищное и прочее социально-бытовое и культурное строительство. В важнейших директивных и законодательных документах СССР решение социальных

проблем было определено важнейшей задачей государственной внутренней политики.

Социальная политика в РНПО Сибири имела свою специфику. Она развивалась не только по общим государственным законам, но и в рамках комплексных программ, разрабатывавшимся для районов Сибири, богатых природными ресурсами и перспективных для развития экономики страны с целью их хозяйственного освоения. Комплексные программы рассчитывались и составлялись применительно к конкретным территориям и условиям сибирского региона. Их главные установки были нацелены на развитие производства. Социальные проблемы решались опосредованно и в тесной взаимосвязи с производственным строительством, а затем эксплуатацией предприятий.

Факторы производственного развития были определяющими в изменении численности и состава населения городов и рабочих поселков РНПО Сибири. Целям обеспечения индустриальных новостроек трудовыми ресурсами служила и специфическая государственная миграционная политика, которая определяла численность и социально-демографические характеристики населения новых индустриальных районов, его профессионально-квалификационный и прочий качественный состав. В 1950–1980-е гг. на государственном уровне была разработана целая система мер миграционной политики, способствующих привлечению населения из трудоизбыточных районов СССР в Сибирь. Население РНПО, особенно в начальный период их формирования и развития, увеличивалось главным образом за счет механического прироста. В результате организованной государством миграции решались задачи обеспечения кадрами строительства, а затем и эксплуатации основных производственных объектов.

Через систему мероприятий, охватывающих деятельность многих государственных и общественных организаций, проблемы привлечения населения в РНПО решались достаточно успешно. Труднее решались проблемы его закрепления. Не помогали специальные пропагандистские мероприятия, дополнительные льготы и выплаты для желающих поехать в Сибирь. Приживаемость населения на новостройках была очень слабой, особенно в начальный период их развития, когда все проблемы жизнеобеспечения согласно советской практике государственного управления решались, как правило,

ведомствами, которые действовали по своему усмотрению, часто отдавая приоритет производственным проблемам.

Интенсивность притока населения в РНПО Сибири зависела главным образом от темпов производственного строительства. С расширением фронта работ по возведению и пуску в эксплуатацию производственных объектов, увеличивалось количество рабочих мест и потребность в трудовых ресурсах, а соответственно происходил и больший рост населения, в то время как со сворачиванием работ население приостанавливалось в своем росте, а отдельные населенные пункты даже теряли своих жителей, которые стремились переехать в более перспективные с точки зрения развития производства и заработка места.

Естественный прирост начинал постепенно играть свою роль в процессе формирования населения индустриальных новостроек Сибири. На новое строительство прибывала в основном молодежь, которая постепенно обживалась в новых поселениях и создавала семьи. В новых городах, как правило, рождаемость была гораздо выше, чем в старых и давно обжитых населенных пунктах, но она не сразу сказывалась на росте населения. В то время как механический приток быстро давал результат.

Территориально-географические источники пополнения населения РНПО Сибири формировались под влиянием нескольких факторов. Специалистами была выявлена некая закономерность в том, что если новые поселения создавались в отдаленных районах с суровыми климатическими условиями и низкой плотностью населения, то они привлекали людей из трудоизбыточных и густонаселенных районов страны, независимо от того, где они находились, возможно, и на значительном расстоянии. При строительстве же новых городов в относительно обжитых районах, например, на юге Сибири, население их формировалось в значительной мере за счет жителей окружающего региона.

Мощным фактором формирования и стабилизации населения в РНПО Сибири было развитие системы социально-бытового и культурного обеспечения. С началом каждого крупного индустриального строительства в Сибири в изучаемый нами период одновременно с производственными задачами намечалось и решение социальных. Они и в государственной стратегии освоения новых районов, и в политике заинтересованных ведомств обозначались в качестве очень

важных, от которых зависел успех всех хозяйственных и политических начинаний в РНПО. Однако, на практике вопросы градостроительства, жизнеобеспечения населения индустриальных новостроек решались непоследовательно и очень противоречиво. Решение социальных проблем в РНПО Сибири происходило хотя и по ускоренным схемам, обеспечивалось повышенными нормами по сравнению с обжитыми районами финансовых и других материальных ресурсов. Оно не поспевало за высокими темпами общего экономического развития региона и быстрым ростом населения. На протяжении всего XX столетия сибирский регион может быть оценен как постоянно осваиваемая территория, которая характеризовалась хроническим отставанием развития социальной инфраструктуры населенных пунктов по сравнению с европейской частью страны.

Вместе с тем, в изучаемый нами период в государственной политике СССР сформировалось специфическое направление по решению вопросов РНПО Сибири. Оно в целом работало результативно, способствовало формированию и адаптации новоселов в новых городах и рабочих поселениях вокруг строящихся предприятий. Планы строительства крупных энергетических и промышленных объектов, обустройства месторождений, как правило, сопровождались проектами создания новых населенных пунктов, планировались крупные затраты на транспортное и прочее инфраструктурное строительство. Большое значение придавалось агитационно-пропагандистским мероприятиям, в целом разрабатывалась комплексная система мер экономического и социально-психологического стимулирования людей для жизни и труда в РНПО Сибири.

Положительную роль сыграл отказ от преимущественно принудительных и насильственных мер обеспечения трудовыми ресурсами предприятий истроек Сибири и переход на добровольные. В процессах формирования и закрепления населения в РНПО Сибири активное участие принимали такие специфические советские государственные организации как КПСС и ВЛКСМ. Они, как часть системы управления общественными процессами, через свои каналы организовывали мероприятия по привлечению молодежи в РНПО Сибири с целью пополнения их кадрового потенциала, всемерно способствовали закреплению и адаптации молодых людей в новых городах и рабочих поселках. В государственной политике через деятельность так называемых общественных организаций разрабатыва-

лись и приводились в движение важнейшие механизмы формирования и стабилизации населения в РНПО Сибири.

Многие поколения россиян до настоящего времени гордятся тем, что было сделано в северных и восточных районах страны в советский период, которые, благодаря огромному заделу в XX столетии, и сейчас в начале XXI представляют большую ценность для перспективного развития российского государства. Среди наиболее ярких примеров крупномасштабного социально-экономического развития восточных районов страны в XX столетии остаются Кузбасс, целинная эпопея, создание Братско-Усть-Илимского ТПК и Западно-Сибирского нефтегазового комплекса, строительство БАМа. В связи с безусловными достижениями в хозяйственном освоении и обживании районов нового промышленного освоения Сибири и Дальнего Востока, накоплении ценнейшего для современной практики государственного управления исторического опыта не исчезает повышенный интерес к свершениям тех лет, к проблемам создания территориально-производственных комплексов в ранее малолюдных и необжитых районах страны.

В книге удалось установить тесную взаимосвязь между событиями, происходившими в РНПО Сибири в различные исторические периоды. Например, формирование Урало-Кузнецкого комбината в 1930-е гг. и системы ТПК Ангара-Енисейского региона, происходившее во второй половине XX в., создание Западно-Сибирского нефтегазового комплекса и строительство БАМА в 1970–1980-е гг. находились в рамках единого модернизационного процесса, поступательного развития производительных сил новых районов страны, в которых интенсивное освоение природных ресурсов давало мощные импульсы для социально-экономического развития, рождало новые промышленные, транспортные и социокультурные центры. Со временем менялись масштабы освоения новых территорий, методы хозяйствования и социальная политика государства, но в главном оставался исторический результат – развитие в экономическом и социальном смысле районы, которые показали свою значимость и устойчивость в процессе испытания временем.

Примечания

- ¹ *Нефть и газ Тюмени* в документах. Свердловск, 1971. Т.1. С.199.
- ² Баранов А.А. Интенсификация: экономический и социальный аспект. М.1983. С.172.
- ³ Численность населения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М.,1990. С.28
- ⁴ См: Пчелинцев О.С. К вопросу о стратегии развития новых районов в условиях научно-технической революции. // Урбанизация и развитие новых районов. М., 1976. С.60.
- ⁵ Алексеев В.В. Электрификация Сибири. Историческое исследование. Ч.1. 1885–1950. Новосибирск, 1973; Ч.II. 1951–1970. Новосибирск, 1976.
- ⁶ См: *Индустриальное развитие* Сибири. (1946-1960 гг.) Новосибирск, 1982; *Социальные аспекты* индустриального развития Сибири. Новосибирск, 1983; *Социально-экономическое* развитие советской Сибири: исторический опыт и современность. Новосибирск.1984; *Трудовые коллективы* Сибири: проблемы формирования и развития. Новосибирск. 1985; *Урбанизация* советской Сибири. Новосибирск. 1987; *Индустриальное* освоение Сибири. Опыт послевоенных пятилеток. 1946–1960 гг. (Коллектив авторов.) Новосибирск, 1989 и др.
- ⁷ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций, пленумов ЦК. 1985. Т.6. С.118.
- ⁸ Савицкий И.М. Развитие оборонной промышленности в Сибири (1941–1960-е гг.). // Региональные процессы в Сибири в контексте российской и мировой истории. Новосибирск, 1998. С.103.
- ⁹ *Рабочий класс* Сибири в период упрочения и развития социализма. Новосибирск, 1984. С. 59.
- ¹⁰ XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. М., 1956. С.443
- ¹¹ См: Рязанов В.Т. Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX – XX вв. Спб., 1998. С.14-19.
- ¹² *Сибирь* в геополитическом пространстве XXI века. Новосибирск, 1998. С. 137.
- ¹³ Симонов Н. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920-е – 1950-е гг. М., 1996. С.192.
- ¹⁴ См: Белоусов А. Становление советской индустриальной системы. // Россия XXI в. № 2. М., 2000. С.44-45.

- ¹⁵ См: Букин С.С., Исаев В.И. Урбанизация Сибири в XX в.: закономерности и особенности. // Хозяйственное освоение Сибири в контексте отечественной и мировой истории. Новосибирск, 2005. С.157-158.
- ¹⁶ См: Пыжиков А. Данилов А. Рождение сверхдержавы. 1945–1953 годы. М., 2002. С.235-236.
- ¹⁷ XX съезд КПСС: Стенографический отчет. Ч.1-2. М., 1956. С. 52-53.
- ¹⁸ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1971. Т.7. С. 278-294.
- ¹⁹ Букин С.С., Исаев В.И. Урбанизация Сибири в XX в.: закономерности и особенности. С.158.
- ²⁰ Там же. С. 159.
- ²¹ См: Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1974. С.41-44; Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976. С.215-217.
- ²² Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981. С.176
- ²³ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. 1973–1975. Т.10. М., 1976. С.49-54.
- ²⁴ Материалы XXV съезда КПСС. С. 226-227.
- ²⁵ См: Хозяйственное освоение новых районов и экономический рост Сибири. Новосибирск. 1980; Керов В.А. Проблемы хозяйственного освоения новых районов. М., 1982.
- ²⁶ Миккульский К.И., Роговин В.З., Шаталин С.С. Социальная политика КПСС. М., 1987. С. 98-99.
- ²⁷ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С.146.
- ²⁸ Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск, 1999. С.231.
- ²⁹ Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР по вопросам строительства. М., 1956. С.160
- ³⁰ Материалы XXII съезда КПСС. М., 1961. С.391.
- ³¹ Ангарск. Планировка и застройка. М., 1958. С.12.
- ³² Комплексные региональные исследования производительных сил СССР. Научно-исторический очерк. Ч.2. М., 1991. С.36.
- ³³ Коновалов А.Б. Партийная номенклатура Сибири в системе региональной власти. (1945–1991). Кемерово, 2006. С.393-408
- ³⁴ Государственный Архив Красноярского края. (ГАКК). Ф.П-26. Оп.31. Д.429. Л.111
- ³⁵ Очерки истории Красноярской краевой организации КПСС. 1895–1980. Красноярск, 1982. С.453-454.
- ³⁶ Сизов Л.Г. Всё остается людям. Т.П. Красноярск, 2000. С. 229-231.

- ³⁷ Там же. С.231
- ³⁸ ГАКК. Ф. П-26. Оп. 14. Д. 164. Л.48.
- ³⁹ ГАКК. Ф.П-26. Оп. 14. Д. 163. Л.215.
- ⁴⁰ Там же. Л. 233-235.
- ⁴¹ ГАКК. Ф.П-26. Оп.16. Д. 337. Л.1-9.
- ⁴² Хореев Б.С., Чапек В.Н. Проблемы изучения миграции населения. М., 1978. С.178
- ⁴³ Управление региональными программами в США и Канаде. М., Наука. 1983. С.8-9.
- ⁴⁴ Там же. С.256.
- ⁴⁵ Там же. С.258-260.
- ⁴⁶ Там же. С.261.
- ⁴⁷ Тюменская область: исторический опыт экономического и социального развития. Тюмень, 2009. С.21-24
- ⁴⁸ См: *Материалы* конференции по проблемам развития и размещения производительных сил Сибири. Т.1. Тюмень, 1970. С.160-161.
- ⁴⁹ См: *Комплексные* региональные исследования производительных сил СССР. Научно-исторический очерк Ч.1-2. М., 1991
- ⁵⁰ Орлов Б.П., Харитонова В.Н. Формирование пространственной структуры ЗСНГК. // Известия СО АН СССР. Серия общественных наук. 1983. №11. С.30. и т.д.
- ⁵¹ Аверин А.Н., Антропов Е.П. Западная Сибирь: социальная инфраструктура районов освоения. М., 1988. С.104.
- ⁵² См: Керов В.А. Указ. соч. С.141-142.
- ⁵³ Совершенствование хозяйственного механизма. Сборник документов. М., 1980. С.5-34, 53-57.
- ⁵⁴ *Коммунист*. 1980. №16. С.10.
- ⁵⁵ См: Айзенберг Е.Б., Соболев Ю.А. Комплексные программы развития восточных районов СССР. М., 1982. С.74.
- ⁵⁶ Программно-целевое управление социалистическим производством. Вопросы теории и практики. М., 1980. С.101-102.
- ⁵⁷ См: Айзенберг Е.Б. Соболев Ю.А. Указ соч. С.90.
- ⁵⁸ *Хозяйственное освоение* новых регионов и экономический рост Сибири. С.144.
- ⁵⁹ *Колымский гуманитарный альманах*. Вып.1. Магадан, 2006. С.91.
- ⁶⁰ *Феномен Норильска*. История развития Норильского промышленного района. Кн.1. М., 2006. С.508.
- ⁶¹ ГАКК. Ф. П-26. Оп.31. Д.5. Л.73-75.

- ⁶² Там же. Л.85.
- ⁶³ Рыбаковский Л.Л. О создании постоянных кадров на Сахалине.// Вопросы трудовых ресурсов в районах Сибири. Новосибирск, 1961. С.161.
- ⁶⁴ См: Долголюк А.А. Формирование трудовых коллективов Братско-Усть-Илимского ТПК. Новосибирск, 1988. С.60-62; Гаврилова Н.Ю. Социальное развитие нефтегазодобывающих районов Западной Сибири. Тюмень, 2002. С. 56-58.
- ⁶⁵ Гаврилова Н.Ю. Указ. Соч. С. 57.
- ⁶⁶ См: Мисевич К.Н. География населения Сибири. Иркутск, 1992. С.61-81.
- ⁶⁷ Долголюк А.А. Указ. соч. С.60-61.
- ⁶⁸ Подсчитано по данным: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. М., 1962. С.20-24; Население СССР. М., 1980. С.4-7.
- ⁶⁹ Урбанизация Среднего Приангарья: история, итоги, тренды. // Среднее Приангарье в прошлом и настоящем. Материалы региональной научно-практической конференции. Усть-Илимск, 2008. С.256-257, 259, 262.
- ⁷⁰ Социальные факторы и особенности миграции населения СССР. М., 1978. С.103.
- ⁷¹ См: Макарова Л.В., Морозова Г.Ф., Тарасова Н.В. Региональные особенности миграционных процессов в СССР. М., 1986. С.32. 35-36.
- ⁷² Урбанизация советской Сибири. С.150.
- ⁷³ Данные получены из Красноярского краевого статистического управления. Динамические ряды по естественному движению населения.
- ⁷⁴ Население СССР. М., 1983. С.58.
- ⁷⁵ Долголюк А.А. Указ соч. С.63.
- ⁷⁶ Малинин Е.Д., Ушаков А.К. Население Сибири. М., 1976. С.70
- ⁷⁷ ГАКК. Ф.П-26. Оп.31. Д.436. Л.36-38.
- ⁷⁸ Там же. Л. 139.
- ⁷⁹ ГАКК. Ф.П-26. Оп.35. Д.149. Л.3-5, 71-75.
- ⁸⁰ Текущий Архив разреза «Бородинский». Летопись предприятия. 1950–1980. С.17.
- ⁸¹ Кокарева Т.Г. Социальные проблемы управления формированием трудовых ресурсов КАТЭКа // Пути повышения эффективности формированием территориальных комплексов. Красноярск, 1976. С.125.
- ⁸² Урбанизация советской Сибири. С.158-159.
- ⁸³ Природа и хозяйство района первоочередного формирования КАТЭКа. Новосибирск, 1983. С.162.165; Красноярский рабочий. 1981. 13 декабря.
- ⁸⁴ Мисевич К.Н., Чуднова В.И. Население районов современного промышленного освоения Севера Западной Сибири. Новосибирск, 1973. С.63.

- ⁸⁵ *Комгорт М.В.* О некоторых особенностях формирования рабочего класса Западно-Сибирского нефтегазового комплекса.// Тезисы сообщений V областной научно-практической конференции «Нефть и газ Западной Сибири». Ноябрь 1988 г. Секция «Исторический опыт развития Советской Сибири». Тюмень, 1988. С.102-103.
- ⁸⁶ Там же. С.64.
- ⁸⁷ *Алексеев В.В., Логунов Е.В., Шабанов П.П.* Опыт решения кадровых проблем в нефтегазовом строительстве Сибири. Свердловск, 1987. С.27-29.
- ⁸⁸ См: *Малинин Е.Д., Ушаков А.К.* Указ. соч. С.97-98
- ⁸⁹ *Экономическое развитие Сибири и Дальнего Востока.* М., 1980. С.11.
- ⁹⁰ См: *Малинин Е.Д., Ушаков А.К.* Население Сибири. С.71; *Власов Г.П.* БАМ: Опыт, уроки (1970–1990). Исторический аспект. Иркутск, 1998. С.98; *Тимошенко А.И.* КАТЭК: рождение гиганта. Красноярск, 1987. С.88-89.
- ⁹¹ *Малинин Е.Д., Ушаков А.К.* Указ. соч. С.93.
- ⁹² Там же. С.93-94.
- ⁹³ *Долголюк А.А.* Указ. соч. С.68.
- ⁹⁴ Там же. С.81.
- ⁹⁵ *Текущий архив* Управления строительством Назаровской ГРЭС. Годовые отчеты по кадрам за 1958–1960 гг.
- ⁹⁶ См: *Толстов В.* Летопись Норильска. Норильск, 2007. С.20-28.
- ⁹⁷ *Стецура Ю.А.* Комсомол страны – активный помощник партии в освоении нефтяных и газовых месторождений Западной Сибири.// Тезисы сообщений IV областной научно-практической конференции «Нефть и газ Западной Сибири. Октябрь 1987 г. Тюмень, 1987. С.89.
- ⁹⁸ *Власов Г.П.* Регион БАМа: стратегия и опыт освоения. Исторический аспект. Братск, 1999. С.63.
- ⁹⁹ *Фролов А.Н.* К вопросу о формировании стабильных трудовых коллективов на БАМе.//Социально-экономическое развитие Советской Сибири: исторический опыт и современность. Новосибирск, 1984.С.73-74.
- ¹⁰⁰ См: *Социальные проблемы новых городов Восточной Сибири.* Вып. 1. Иркутск, 1971. С.51; *Куцев Г.Ф.* Новые города. М., 1982. С.74-75; *Гаврилова* и др.
- ¹⁰¹ *Карпов В.П.* История создания и развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (1948–1990 гг.) Тюмень, 2005. С.227-228.
- ¹⁰² См: Численность населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990. С.25.

- ¹⁰³ Тимошенко А.И. Адаптация населения в новых городах Сибири в 1950–1980-е гг. // Формирование и адаптация населения в районах индустриального освоения Сибири. Вып. 2. Новосибирск, 2007. С.162.
- ¹⁰⁴ Братская ГЭС. Т.П. М., 1975. С.28-29.
- ¹⁰⁵ Братская ГЭС. Т.І. Иркутск, 1964. С.102-105.
- ¹⁰⁶ Государственный Архив Иркутской Области. (ГАИО) Ф.П-127. Оп.56. Д.3. Л.20; Оп.60. Д.1315. Л.82
- ¹⁰⁷ ГАИО. Ф.П-127. Оп.50. Д.215. Л.208.
- ¹⁰⁸ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1971. Т.7. С.278-294.
- ¹⁰⁹ Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР по вопросам строительства. М., 1956. С.160.
- ¹¹⁰ Ангарск. Планировка и застройка. М., 1958. С.12.
- ¹¹¹ См: Лукьяненко В.И. Города, рожденные волей партии. Иркутск, 1973. С. 146, 154-158.
- ¹¹² Там же. С.160.
- ¹¹³ Там же. С.167.
- ¹¹⁴ Социальные проблемы городов Восточной Сибири. Вып.1. С.43
- ¹¹⁵ Строительная газета. 1958. 2 июля.
- ¹¹⁶ Долголюк А.А. Указ. соч. С. 198.
- ¹¹⁷ Восточно-Сибирская правда. 1960. 14 февраля.
- ¹¹⁸ Социальные проблемы новых городов Восточной Сибири. Вып.1. С.45.
- ¹¹⁹ ГАИО. Ф.П-127. Оп.70. Д.585. Л.27.
- ¹²⁰ Долголюк А.А. Указ. соч. С.198.
- ¹²¹ Там же. С.201-202.
- ¹²² Государственный Архив Кемеровской Области (ГАКО). Ф.П-74. Оп.9. Д.4. Л.56.
- ¹²³ ГАКО. Ф.П-74. Оп. 2. Д.2. Л.2-4, 6.
- ¹²⁴ Там же. Л.81-82.
- ¹²⁵ ГАКО. Ф.П-75. Оп.9. Д.124. Л.11-13.
- ¹²⁶ Там же.
- ¹²⁷ Там же. Л.1-2, 4-5, 11-13.
- ¹²⁸ ГАКО. Ф.П-75. Оп.10. Д.10. Л. 82, 85-86.
- ¹²⁹ ГАКО. Ф.П-75. Оп.10. Д.125. Л.75-78.
- ¹³⁰ ГАКО. Ф.П-75. Оп.10. Д.10. Л.85-89; Д.126. Л.76-81
- ¹³¹ ГАКО. Ф.П-75. Оп.10. Д.10. Л.88-89.
- ¹³² Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1968. Т.5. С. 431.

- ¹³³ *Нефть и газ Тюмени* в документах. 1901–1965 гг. Свердловск, 1971. С.331-332.
- ¹³⁴ Там же. С.266.
- ¹³⁵ *КПСС* в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1972. Т.10. С.130-139.
- ¹³⁶ *Пашков Н.М.* Городское строительство в нефтегазодобывающих районах Западной Сибири. // Урбанизация Советской Сибири. Новосибирск, 1987. С.169-170.
- ¹³⁷ Там же. С.171.
- ¹³⁸ Там же.
- ¹³⁹ *Логунов Е.В.* Социальная инфраструктура нефтегазодобывающих районов Севера Тюменской области в 1970–1985 гг. //Тезисы сообщений IV областной научно-практической конференции «Нефть и газ Западной Сибири». Октябрь 1987. Тюмень, 1987. С.136.
- ¹⁴⁰ См: *Орлов Б.П.* Сибирь: шаги индустрии. М., 1988. С.78-79.
- ¹⁴¹ *Горбачев М.С.* Сибирь – ускоренный шаг. М., 1985. С.9,18.
- ¹⁴² *Власов Г.П.* БАМ: Опыт, уроки. (1970–1990). Исторический аспект. С.106.
- ¹⁴³ *БАМ – дорога созидания.* М., 1983. С.172.
- ¹⁴⁴ *Власов Г.П.* Указ. соч. С.109
- ¹⁴⁵ *Социально-экономическое развитие Советской Сибири: исторический опыт и современность.* Новосибирск, 1984. С.121.
- ¹⁴⁶ *Толстов В.* Летопись Норильска. 2-е издание. Норильск, 2007. С.107.
- ¹⁴⁷ Там же. С.112,150.
- ¹⁴⁸ *Куцев Г.Ф.* Человек на Севере. М., 1989. С.156-157
- ¹⁴⁹ См: *Малинин Е.Д., Ушаков А.К.* Указ. соч. С.102.
- ¹⁵⁰ См: *Гапонова Т.Г.* Проблемы приживаемости новоселов на севере Западной Сибири.// Социологические исследования. 1977. № 2. С.95; Она же. Формирование и закрепление населения в нефтегазодобывающих районах Западной Сибири. //Известия Сибирского Отделения Академии наук СССР. 1983. Вып.3. № 11. С.54; *Алексеев В.В., Логунов Е.В., Шабанов П.П.* Опыт решения кадровых проблем в нефтегазовом строительстве Сибири. С.161.; *Власов Г.П.* БАМ: Опыт, уроки.(1970–1990). Исторический аспект. С.99-101. и др.
- ¹⁵¹ *Проблемы совершенствования образа жизни в условиях Севера.* Красноярск, 1985. С.5-7.
- ¹⁵² *Аверин А.Н., Антропов Е.П.* Западная Сибирь: социальная инфраструктура районов освоения. М., 1988. С.63-64.

- ¹⁵³ *Проблемы Севера*. Вып.16. М., 1972. С.25-26.
- ¹⁵⁴ *Молодой город в районах нового освоения Севера. Социально-культурные проблемы*. Свердловск, 1989. С.28.
- ¹⁵⁵ *Куцев Г.Ф.* Новые города. М., 1982. С.134.
- ¹⁵⁶ См: *Евсеев А.В., Орлов Б.П.* О взаимодействии организаций в районах нового освоения.// Известия Сибирского Отделения Академии наук СССР. Серия общественных наук. 1975. Вып. 2. № 6. С.39-46.; *Беляков Г.П.* Вопросы совершенствования управления территориально-производственными комплексами.// Урбанизация и развитие новых районов. М., 1976. С. 85-105; *Пертцук В.А.* Правовое регулирование формирования и развития территориально-производственных комплексов.// Известия Сибирского Отделения Академии наук СССР. Серия общественных наук. 1983. Вып. 2. № 6. С.17-25.
- ¹⁵⁷ См: *Куцев Г.Ф.* Новые города. С.141-142; *Шнак Л.Л.* Социокультурная адаптация в советском обществе. Философско-социологические проблемы. Красноярск, 1991. С.157-158.
- ¹⁵⁸ *Социальные проблемы новых городов Восточной Сибири*. Вып.1. С.59.
- ¹⁵⁹ См: *Алексеев В.В., Логунов Е.В., Шабанов П.П.* Опыт решения кадровых проблем в нефтегазовом строительстве Сибири. С.58-60.
- ¹⁶⁰ *ГАКК*. Ф.П-26. Оп.31. Д.2. Л.12-13.
- ¹⁶¹ *Ильин С.В.* Идеино-политическое воспитание молодежи на ударных комсомольских стройках Западно-Сибирского нефтегазового комплекса в 1976–1985 гг. //Тезисы сообщений V областной научно-практической конференции «Нефть и газ Западной Сибири». Ноябрь 1988 года. Секция «Исторический опыт развития советской Сибири». Тюмень, 1988. С.129-130.
- ¹⁶² См: *Документы ЦК ВЛКСМ 1979 г.* М., 1980. С.41-45; *Документы ЦК ВЛКСМ 1981.* М., 1982. С.125-128; *Документы ЦК ВЛКСМ 1982.* М., 1983. С.173-178.
- ¹⁶³ *Стецура Ю.А.* Роль комсомола в освоении нефтяных и газовых месторождений Западной Сибири. // Укрепление партийных организаций и идеино-политическое обеспечение нефтегазового комплекса Западной Сибири. Тюмень, 1986. С.70.
- ¹⁶⁴ *Метельская Н.В.* Роль периодической печати в шефстве комсомольских организаций над ударными стройками Западной Сибири в 1966–1970 гг.// Тезисы сообщений V областной научно-практической конференции «Нефть и газ Западной Сибири». Ноябрь 1988 года. Секция «Исторический опыт развития Советской Сибири». Тюмень, 1988. С.84.

- ¹⁶⁵ См: *Зайончковская Ж.А.* Новоселы в городах. М., 1972.; *Железко С.Н.* Социально-демографические проблемы в зоне БАМа. М., 1980; *Куцев Г.Ф.* Новые города. М., 1982. и др.
- ¹⁶⁶ *Баранов А.А.* Интенсификация: экономический и социальный аспект. М., 1983. С.172.
- ¹⁶⁷ *Белкин Е.В., Шереги Ф.Э.* Формирование населения в зоне БАМ. М., 1985. С.35.
- ¹⁶⁸ См: *Куцев Г.Ф.* Человек на Севере. С. 108-109.
- ¹⁶⁹ *Белкин Е.В., Шереги Ф.Э.* Указ. соч. С.28.
- ¹⁷⁰ *Проблемы совершенствования образа жизни в условиях Севера.* Красноярск, 1985. С.11.
- ¹⁷¹ *Куцев Г.Ф.* Человек на Севере. С. 33-34.
- ¹⁷² *Гершензон Т.И., Горяченко Е.Е.* Влияние социально-экономических факторов на формирование населения в районах нового промышленного освоения. // Экономика и организация промышленного производства. 1972. № 2. С.84.
- ¹⁷³ *Железко С.Н.* Социально-демографические проблемы в зоне БАМа. М., 1980. С.131
- ¹⁷⁴ *Урбанизация советской Сибири.* Новосибирск, 1987. С.203.
- ¹⁷⁵ *Молодой город в районах нового освоения Севера. Социально-культурные проблемы.* С.5-7, 77-78.
- ¹⁷⁶ Там же. С.12-13.
- ¹⁷⁷ См: *Куцев Г.Ф.* Человек на Севере. С. 159-160.
- ¹⁷⁸ См: *Социальные проблемы новых городов Восточной Сибири.* Вып. 2. Иркутск, 1974. С. 99-100; *Куцев Г.Ф.* Человек на Севере. С.81-82.
- ¹⁷⁹ *Куцев Г.Ф.* Человек на Севере. С.47.

Содержание

Введение	3
Глава I. Преемственность государственной политики и хозяйственного освоения Сибири в XX в.	17
Глава II. Изменения в социальной политике СССР во второй половине XX в.	29
Глава III. Разработка комплексных программ социального развития для районов нового промышленного освоения Сибири	46
Глава IV. Особенности государственной миграционной политики и формирования населения	75
Глава V. Развитие системы социально-бытового и культурного обеспечения как фактора стабилизации населения	102
Глава VI. Роль государственных организаций в адаптационных процессах в городах районов нового промышленного освоения Сибири	134
Заключение	158
Примечания	164

Научное издание

Тимошенко Альбина Ивановна

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА
ФОРМИРОВАНИЯ И ЗАКРЕПЛЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ
В РАЙОНАХ НОВОГО ПРОМЫШЛЕННОГО ОСВОЕНИЯ
СИБИРИ В 1950–1980-е гг.: ПЛАНЫ И РЕАЛЬНОСТЬ.

Электронная верстка Букина Т.Д

Сдано в набор	Подписано в печать	Бумага офсетная
Формат 60х84 1/16. Уч.-изд. л.	Усл. п.л.	Тираж 100 экз. Заказ №

Отпечатано в типографии ООО «Параллель»
630090 Новосибирск, ул. Институтская, 4/1